

ТИМУР
ВИЛЬДАНОВ

Град
на
краю

Извержение Йеллоустоунского супервулкана привело к наступлению Великой Зимы. Мир обезлюдел, но часть городов уцелела, став центрами новых государств. Наступило новое время, где топливо, технологии и знания стали главными ценностями. Пока одни города пытаются возродить цивилизацию, другие, мечтающие о славе и власти, начинают войны под древними символами.

Пролог. Наше время

Огромный автобус медленно спускался по крутой дороге. Через окно открывался вид на пожухлые от жары деревья, пыльную обочину и неприглядные привокзальные постройки.

— Лейтенант, смотри! — Александра указал на островок зелени, окружающей кирпичное здание с нелепой надписью «У Дитриха».

«Вот ведь скотина, — подумал Люций с ненавистью, — даже звание сокращает со старшего лейтенанта до лейтенанта».

— Офигенное место! — возбуждённо сказал Александра. — Пиво потрясное! Я такое только в Праге пил!

Автобус остановился на парковке возле огромного здания, фасад которого сверкал в закатном солнце медью и латунью.

— Вокзал. Конечная, — простонал водитель, утирая лоб платком.

Расим встал и потянулся за сумкой на верхней полке.

— Успеешь ещё, — проворчал Люций, — пока они все выйдут!

Проход между сиденьями был забит взмокшими людьми, медленно освобождавших автобус. Люций посмотрел на электронные часы на стене вокзала, цифры на которых были едва различимы от яркого солнца.

— Полтора часа до поезда, — сказал Люций, вытирая лоб. — Ох и запаримся ждать.

— Ну что, тогда по пивку? И по шашлычку заодно? — предложил Александра.

— Мяукающему? — расхохотался Расим.

Люций поморщился от громогласного смеха и приказал:

— Застегнись, курсант. Смотреть противно.

Расим с трудом застегнул пуговицы — те ускользали из огромных пальцев, больше похожих на сардельки.

— В ресторан не пойдём, — хмуро сказал Люций, — на вокзале подождём.

— Эх, не умеешь ты жить, лейтенант, — разочарованно скривился Александра. — Сейчас взяли бы по пивку, вот время бы незаметно и пролетело. Зуб даю, пожалеешь потом, что не согласился. Хоть раз в жизни, но такую жрачку нужно попробовать.

— У тебя кроме жратвы и выпивки другие мысли вообще бывают? — взорвался лейтенант.

— А о чём ещё стоит думать? — спросил Александра насмешливо. — Ведь это и есть жизнь! Небольшие, понятные удовольствия. Что, я ошибаюсь?

«Девять лет я пахал до старшего лейтенанта, — подумал Люций со злостью, — а тут курсант занюханный меня жизни учит. Вот только его батя генерал, и я для него не человек, а так, насекомое. Хотя по-своему мажорик прав, — с тоской размышлял он. — Я давно живу по инструкции, по инерции. Все мечты уже скукожились до очередного звания, и живым себя чувствую только на выходных, потому что понимаю, что деятельность моя, в общем-то, никому не нужна. Работают люди, работает завод, а ты целыми дня пишешь инструкции по охране труда, ну долдонишь работягам однообразные инструктажи. «Противогаз не снимать, на территории не курить».

Если тебе двадцать лет и ты пришёл из армии, у тебя нет особой профессии, тогда, конечно, стоит идти в спасатели. Тебе будет казаться, что занят важным делом, а в гостях шестилетний мальчишка с красной машинкой обязательно спросит, настоящий ли ты

пожарник? Пожарный, поправишь привычно, но ответишь да, настоящий. Через пару лет отец, у которого стреляешь по несколько тысяч до зарплаты, а потом благодарно киваешь, что их не стоит возвращать, говорит, чтобы ты заканчивал маяться дурью и шёл на встречу к какому-то важному человеку, что он договорился о хорошем месте. Потом ты прощаешься с товарищами, хлопаешь по красному боку верную машинку, вчерашние друзья смотрят на тебя, как на предателя, а за дверьми части тебя ждёт девушка, и впервые за долгое время в её голосе пропала нотка раздражения.

Люций сжал зубы.

«Всего один день, — сказал он себе, — выдержи одни проклятые сутки. Завтра вечером ты сдашь треклятых курсантов и будешь свободен!».

Люцию страшно, до зуда хотелось сделать хоть что-то по-настоящему нужное — дать денег нищему, помочь бабушке. Он дёрнул сумку с полки, растолкал людей в дверях автобуса и пошёл к вокзалу, миновал таксистов с оценивающим взглядом, крикливых женщин, детей с неистощимой энергией. Некому тут было помогать, некому! В толпе на входе он увидел девушку с кошачьей переноской. Кот лежал у него на холодном граните, бока его тяжело вздымались. Хозяйка суежилась вокруг, спрашивая, нет ли у кого немного воды.

— Расим, метнись до киоска на площади, купи воды, — приказал он курсанту.

Голова Люция разболелась от шума вокруг — гомон голосов, трескотня колёсиков чемоданов и неразборчивое бормотание динамиков сливалось в подавляющую какофонию. Он опустил сумку на пол и вытер пот со лба — кондиционеры в зале были включены на полную, но не могли справиться с жарой. На вокзале воняло — пахло рыбой, пивом и потом, сигаретным дымом.

«Сейчас бы на речку, на Арский камень, — подумал он, — побродить по сосновому лесу, полазить по скалам. Да просто искупаться, в конце концов!».

— Лейтенант, может, мы сами, без тебя доедем? — спросил Александра. — Что тебе на жаре мучатся?

— Ага, всё брошу и отпущу вас одних, — огрызнулся Люций.

— Ладно. Хочешь, маринуйся тут. Я пока схожу до киоска, — хмыкнул Александра.

— Стоять! — рявкнул Люций, но курсант не повернулся на приказ. — Стой!

В который раз за день Люций почувствовал себя униженным. Хотелось броситься на курсанта, повалить на пол и бить, пока тот не взмолится о пощаде. Он с трудом успокоил дыхание и разжал кулаки.

«Это не вызов тебе, — подумал он, — это просто мажор, который никогда не знал запретов».

— Товарищ лейтенант, я воду принёс, — послышался голос Расима. Тяжёлую упаковку с шестью бутылками тот держал одной рукой, словно и не замечая веса. Люций взял бутылку, подошёл к хозяйке кота и протянул ей.

— Девушка, возьмите, — сказал он, — для котяры вашей.

Та благодарно улыбнулась, достала из сумки миску и налила в неё воды. Кот приподнялся и начал быстро пить. «Ну хоть что-то я могу полезное сделать», — подумал Люций с тоской.

— Ты не видел, куда мажор пошёл? — спросил он у Расима.

— Да там у ларька с какой-то девкой базарит, — махнул тот рукой в сторону улицы.

Люций выругался и, приказав Расиму сторожить сумки, помчался на привокзальную площадь. Над брусчаткой поднималось марево нагретого воздуха. На площади не было

людей — все прятались в тени зданий. Люций огляделся, выискивая курсанта, и увидел его в тени магазина на остановке. Мажор стоял, держа в одной руке банку пива, а другой обнимая загорелые плечи девицы.

— Тебе кто разрешил свалить? — рявкнул Люций.

Александера посмотрел на него с раздражением.

— Слышь, Люций, чё ты такой занудный? Дай с девушкой попрощаюсь.

Люций выхватил банку из рук курсанта и швырнул в урну. Александера хмыкнул и демонстративно открыл ещё одну. Девица хихикнула, что окончательно взбесило лейтенанта. Люций подумал, что следующую банку он запустит прямо в лоб курсанта.

— Да не кипишуй, командир, чё ты как в армии? — сказал Александера нахально. — Всё равно поезд ещё час ждать. Вот как объявят, я тут же! Мухой!

— Прощайся и пошли на вокзал, — с нажимом сказал Люций.

— Вот ты душный! — процедил Александера.

«Даже наорать не получается, — подумал Люций, — ни хрена не боится, личинка генеральская».

Только сейчас он внезапно понял, что все проблемы с мажором, они только от его, Люция, принципиальности. Ну, сбежит мальчишка, чем это ему навредит? Ну выпорют, так через неделю и забудут. Но мысль, что он не смог прижать курсанта к ногтю, выводила из себя.

Когда вернулись в здание вокзала, Расим уже прошёл через рамки металлодетекторов, протаскив с собой все три сумки. На вокзале было людно — приходилось перешагивать баулы, расталкивать уставших, раздражённых людей. Люди сидели на подоконниках, скамейках, на полу. Все они были какие-то одинаковые — в футболках и шортах, в тёмных очках, с болезненным, красным загаром. Кто-то спал, многие залипали в телефоны, некоторые читали газеты и книги. Было полно пьяных. Поминутно начиналась ругань, когда кто-нибудь неосторожно задевал соседа. Пожилой мужик в майке с осоловелым взглядом заревел и швырнул бутылку с пивом о пол — его тут же скрутила полиция. Тесноты добавляли и дети, которые не могли усидеть на месте и начинали носиться, задевая людей, отчего поднимался ещё больший крик.

Люций понял, что уже безумно устал, и всё, что ему хочется, это присесть где-нибудь в прохладном месте. Он поднялся на второй этаж, прошёл мимо переполненного зала ожидания по стеклянному переходу до самого края вокзала, где в конце был ресторан. Тут были диваны, на которых нелепые люди в костюмах демонстративно читали газеты. За стойкой стояла плотная, мускулистая женщина, лениво листая телефон. Курсанты упали на диван напротив, подставив лица прохладному воздуху, дующему с решёток диффузоров с потолка.

Внизу, на закатном солнце, сверкали крыши вагонов. Люций и курсанты взяли по пиву и, не торопясь, пили, наслаждаясь прохладой. Официантка подняла с прилавка пульт и начала щёлкать каналами.

— ... Смотрите наш репортаж из Артека, куда со всей страны начали съезжаться дети...

— ... Сегодня президент собрал совещание по мерам поддержки агрокомплекса, страдающего из-за засухи...

— ... Лесные пожары в Южном Уэльсе...

— ... Экстренные новости из США. В штате Монтана продолжается эвакуация...

— Эй, милая, погромче сделай! — сказал Люций. Официантка посмотрела на него.

словно хотела обляять, но послушалась.

— ... По заявлению представителя национальной гвардии к данному часу эвакуировано более четырёхсот тысяч человек...

Две недели назад в Йеллоустонском заповеднике произошёл грандиозный выброс пара. В начале новости были подчёркнуто успокаивающими, но с каждым днём гейзеров и выбросов становилось всё больше, и через неделю счёт эвакуированных шёл на сотни тысяч. Что ни день, так появлялись новые шокирующие кадры про очередную группу туристов в грязевой западне.

— Ты спрашивал, зачем я живу? — Василь указал на экран. — Чтобы быть готовым. Если у нас случится такая же хрень, чтобы спасти людей.

— И как же ты готовишься? Пересчитываешь огнетушители? — издевательски спросил Александера.

Люций сжал банку так, что смял её, а пиво брызнуло на стол. Он повернулся к экрану и продолжил слушать новости.

— ... Во время схода сели пропали три автобуса. Силы национальной гвардии ведут поиск в районе...

— ... Сегодня Япония направила два первых борта со спасателями...

— ... В резервации «Ветряная река» организованы временные госпитали для эвакуированных...

— ... МИД России рекомендует всем гражданам воздержаться от поездок в США...

Люций оглянулся по сторонам — похоже, он был единственным, кому это было интересно.

— Мальчики, кушать будете? Есть отбивная на гриле, антрекоты, немецкие сосиски, — томно перечислила официантка.

Расим открыл было рот, чтобы повторить шутку про котят, но под её взглядом сник.

— А где кухня? — спросил Люций. — Чёт не вижу, чтобы у вас тут было, где шашлык пожарить.

— Да вон там ресторан, — она показала на соседнюю от вокзала крышу с вывеской, который они видели из окна автобуса, — настоящий немец там хозяин, Зерберт фамилия. При этом молодой парень совсем. Несколько лет назад приехал...

Александера мерзко рассмеялся, отчего настроение Люция испортилось окончательно. Он заказал себе ещё пива и поднялся с дивана, чтобы позвонить Ольге, но когда вернулся, Александеры в ресторане не было.

— Где этот гаденыш? — спросил он у Расима.

— Свалил. Сказал, что в туалет, — ответил тот.

Люций поймал Александеру у самого выхода. На лице генеральского сынка отразилось разочарование — тот явно надеялся уйти незамеченным.

— Куда собрался? — рявкнул Люций.

— Как же ты меня заколебал, — сказал Александера зло. — Я сам до Екатеринбурга доберусь.

— Размечтался, — фыркнул Люций, — пошли.

— Не-е-е, — издевательски улыбнулся курсант, — не пойду. Ну и что ты мне сможешь сделать, Лютик?

Лютик. Лицо Люция побелело от бешенства. Он смотрел в наглые глаза, чувствуя, как внутри что-то умирает. Он без замаха ударил наглеца в живот, и тот со стоном согнулся.

— Понравилось, гадёныш?

Александера медленно поднялся с пола.

— Ты понял, что ты попал? — сказал курсант, но не успел закончить, как Люций ударил ещё раз, вложив в удар скопившуюся злобу. Александера упал на колени, лоя ртом воздух.

— Ну всё, ты покойник, — сказал Александера, вставая, а потом развернулся и побежал. Люций бросился следом. Они промчались через зал ожидания, расталкивая людей, потом Александера нырнул в туалет и успел запереться в кабинке. Люций без особого усердия преследовал мажора, не понимая, что ему делать дальше. Избить Александеру, пинками загнать в вагон? А почему бы и нет, подумал он с каким-то облегчением.

— Падла, хорош прятаться! — рявкнул лейтенант.

Он дернул ручку кабинки и Александера внутри завопил, взывая о помощи. В туалете столпились люди, Лютый смотрел на них, не зная, как объяснить происходящее. Они разделились: одни подначивал Люция, призывая поскорее выломать дверь и навалить Александеру, другие звали полицию.

— Папа, да, это я! — послышался голос курсанта внутри кабинки. — Что? Да, конечно я скоро буду! Пап, послушай. Папа, тут лейтенант, который нас сопровождает. Он меня избил! Что значит, сейчас не важно. Что? Папа, как ты можешь? Нет, я не пытался свалить. Папа почему ты мне не веришь! И почему кричишь на меня? Что случилось? Когда? Ничего себе. Да, да. Хорошо. Пока.

Александера с изумлением слушал разговор курсанта с отцом.

«Если пронесёт, — подумал он, — схожу в церковь и свечку поставлю».

Расталкивая толпу, в туалет пробился Расим.

— Лютый, вы куда пропали? — сказал он. — Там такое по телеку показывают!

— Что?

— Говорят, режим чрезвычайной ситуации! Ну, про что в ресторане смотрели. По телеку сказали, там, ну про место в новостях, рвануло.

— Вот ведь... — выдохнул Люций удивлённо, а потом крикнул, — Александера, можешь не выходить! Режим чрезвычайной ситуации, если не успеешь на поезд, тебе в училище вломят так, что и батя не поможет!

— Расим, пусть он уйдёт! — крикнул Александера.

Лютый пнул дверку, насладившись воплем курсанта, и вылетел из туалета. Он шёл мимо притихших людей, лихорадочно листаящих новостные сайты. Кто-то вслух читал новости: «Взрыв...Вулкан...»

— Ну всё, хана им там, — сказал полный мужичок, не скрывая радости.

— Ужас, какой ужас, — запричитала женщина.

Люций вернулся в ресторан, где телевизор был включён на полную громкость, и вокруг собралась притихшая толпа.

«По сообщению информационного агентства ТАСС, сегодня, в 14:33 произошло извержение в Йеллоустонском заповеднике. Сейчас мы покажем несколько видео, снятые очевидцами».

На экране телевизора появилось снятое на телефон видео — далеко, в десятках километрах от снимавшего, над горизонтом поднималось облако пара. Через минуту над паром взметнулось исполинское лезвие из пепла, доставшее облака. Потом внутри клубящегося вихря пепла, взметнулись щупальца огня, словно в дыму просыпался огромный

осьминог. Через несколько секунд до камеры долетел грохот, бросивший оператора на землю. Следующие кадры были не особо информативными — вот снимавший бежит к машине, потом оглядывается и видит исполинский, разбухающий столб дыма.

Люций тут же забыл про Александру. Ещё недавно он убеждал курсанта, что мечтал о таком моменте, но сейчас его заполнял страх. Лейтенант почувствовал, что у него дрожат руки. Может, стоит вернуться на завод? Нет, у него есть задача, довезти двух курсантов до училища. Люций с опаской оглядел толпу — люди потрясённо молчали. Спокойствие это было обманчиво — он однажды видел, как паника одного человека распространяется как пожар. Как только введут ограничения на проезд, вокзал превратится в визгливый дурдом.

Он посмотрел на табло отправок — их поезда не было. Внезапно все надписи на табло погасли. От этого Люцию стало совсем тоскливо — похоже, поступил приказ остановить отправку поездов. Люций оглянулся — притихший Александра стоял рядом, тут же был и Расим.

«Ну что, уже не хочешь свалить?», — подумал Люций со злостью.

Лейтенант посмотрел через окно на перрон внизу. На Нижневартовский поезд садились люди, и на табло на перроне светилось время отправления.

— За мной, — приказал он курсантам, направляясь к лестнице, ведущей на перроны. Проводники уже подняли складные ступени, но он запрыгнул внутрь, отеснив проводницу. Та открыла рот в крике, но было что-то в его взгляде, отчего проводница она промолчала. Люций показал удостоверение, и девушка посторонилась, пропуская его в вагон. Следом за Люцием втиснулись Расим и Александра, проводница с руганью закрыла за ними дверь. Через несколько томительных минут поезд дёрнулся и Люций облегчённо выдохнул. На перронах появились полицейские, они что-то объясняли людям из замерших поездов. Люций попробовал дозвониться до Ольги, но у той телефон был занят. Да и что ей сказать? Сиди на заводе, под охраной? Сама умная девочка, сообразит, что там безопаснее всего. Он набрал отцу, который жил в небольшом городке в глуши.

— Пап, привет. У меня всё хорошо, но слушай меня очень внимательно. Слышал, что произошло? Беги в банк и снимай все деньги с карт. Депозит закрывай, бери наличные. Не возражай, пожалуйста, уже введён режим чрезвычайного положения, думаю, к вечеру все вклады заморозят. Как снимешь, езжай по магазинам и бери всё, как на охоту. Но только то, что хранится долго. Лекарства тоже купи. Потом езжай в Стерлитамак, в тот магазин, где ружьё тебе брали. С дядей Сережей езжай и, если получится, Лёшу позовите, чтобы на каждого максимум патронов затарить. Как только начнётся паника, в магазинах сметут всё — тебе нужно быть быстрее. Думаю, со связью будут проблемы, как смогу, позвоню снова.

Люций минуту молчал, слушая взволнованную речь отца.

— Я люблю тебя, папа, — сказал он, но связь уже прервалась.

Ему вспомнился Леха, городской сумасшедший на заводе. Тот ловил каждого, кто был согласен слушать:

— Межгорье, — шептал он возбуждённо, хватая жертву за рукав, — отгружают тридцать составов продовольствия в день. Тайный туннель под Уфой — два грузовика разъехаться могут!.. Огромные хранилища на реке Белой.

Над ним смеялись, но внезапно Люцию захотелось, чтобы тот был прав, и мы были готовы. Что действительно есть убежища и запас продовольствия на всю страну на три месяца. Вот только внутри была горькая уверенность, что они, служба спасения, да и вся страна, совершенно не были готовы.

Глава 1. Василь. 2063 год

— Шевелись, рогатые! — крикнули над головой, и Василь очнулся.

Он открыл глаза и понял, что лежит в душной темноте. Василь попробовал пошевелить руками или ногами, но они были крепко связаны. Кричать он так же не мог — во рту был мерзкий, кожаный кляп. По лицу Василя тёрлись вонючие унты другого пленника, и всё, что мог сделать Василь, это немного двигать шеей. Он с силой дёрнул головой, и в небольшую щель между шкур ворвался холодный воздух. Василь пару минут поборолся с верёвками, но быстро понял, что это бесполезно — связали его на совесть.

«Попался, — подумал он с ненавистью к себе, — так глупо! Но кто же мог пойти на такой риск?»

Кричали на эвенкском, но это мало что объясняло. Половина налётчиков на тракте использует эвенков как проводников. Гораздо интереснее, зачем их схватили. Хотя тут тоже понятно: много кому в Сибее он мог навредить, вот и избавились заранее. Был законник, и нет его — пропал в дороге.

Два дня назад они выехали из Белорецка большим караваном. С ними были девять погонщиков и охранников — достаточная сила, чтобы отпугнуть бандитов. Вместе с караваном отправились седоки из города — две семейные пары, одинокий дед и однорукий плотник. Василь досконально их проверил, сделав несколько звонков в Сибай, Кумертау и навестив охранку Белорецка. На тракте были частыми нападения, и Василь опасался, что среди пассажиров может затесаться наводчик банды.

Он помнил дорогу: двое размеренных суток с остановками только на охраняемых стоянках. От Белорецка шёл главный торговый тракт — у подножия гор он разделялся на Северную дорогу, идущую от Учалов, и Южную, ведущую к Сибее и дальше в Орду, и Казахстан. Охрана из Белорецка патрулировала дорогу, а в некоторых местах они устроили аванпосты — настоящие крепости, огороженными бревенчатыми стенами. Навстречу им шли упряжки из Учалов — с золотом, медью и пушниной. Один раз они встретили тяжело вооружённый караван на упряжках откуда-то с Северного Урала — те явно везли оружие. Несколько раз они встретили отдельных путников, направлявшихся в Белорецк, да однажды пересеклись с небольшой группой марийцев — они шли наниматься в охрану.

На третий день пути они остановились на обед, разбив в лагерь на обочине железной дороги. Место было просматриваемое, и Василь решил, что риска в такой стоянке нет. Вот только последнее, что он помнил, это то, как они сели обедать. Потом память как отрезало, следующее воспоминание — это темень, вонь ног у лица и резь верёвки на руках. Сколько времени прошло, он не знал, но мочевого пузыря обжигало огнём. Василь предполагал, что прошло несколько часов после похищения.

Кто их похитил? Бандиты? Те бы ругались на русском или башкирском, да и не взяли бы пленников. Нет, подумал Василь, не бандиты — те бы не замахнулись на караван такого размера. Может, диверсанты из Казани? Но что им делать тут, в больше чем в двухстах километрах от фронта? Может, ордынцы? Но как они смогли подобраться почти к самому Белорецку большим отрядом?

Ровный бег сменился жуткой тряской. Он напряг слух, но всё, что было слышно, это ругань эвенка, подгоняющего оленей. Через несколько минут, когда он уже начал надеяться, что слетит от тряски с нарт, они остановились. С Василя сдёрнули шкуру, и он прикрыл

глаза от слепящего солнца. Его подняли с нарт и поставили на ноги. Он огляделся: вокруг были крутые склоны, истыканные соснами, с узкой тропой с той стороны, откуда они пришли. Больше, чем окружающая местность, Василию были интересны похитители.

Эвенков было сложно перепутать с кем-то из других северных народов — на них были белые, невидимые на фоне снега одежды, на лицах маски с узкими прорезями для глаз, за спинами длинные луки с колчанами и копья. Василь слышал, что когда-то эвенков осталось совсем мало, но после начала Великой Зимы они быстрее всех приспособились к новой жизни. Эвенки были проводниками, а вот похитителями были другие — вокруг нарт, с оружием в руках, стояли ордынцы.

Василь сжал зубы так, что едва не перекусил прочнейший ремень во рту. Эвенки одеваются во всё белое, чтобы стать невидимками в снежной равнине. Ордынцы даже и не пытались скрыться — они были одеты в чёрные и коричневые шубы с высокими меховыми шапками. На ногах охранников были тёмные сапоги, с верхом отороченным лисицей. Василь по одежде распознал работорговцев с севера степи. Ещё лет десять назад люди бежали из Республики на Юг. Там было теплее, лето длилось не пару месяцев, а иногда и полгода. Но в последние годы, как кочевые племена объединились в Орду, народ побежал обратно.

Вооружены ордынцы были плохо — почти у всех были сабли и луки, у двоих были древние охотничьи ружья. Ордынцев было полтора десятка — они вытаскивали пленников с нарт и строили цепью на краю тропы. Василь огляделся, проверяя, кого же взяли в плен. Рядом с ним поставили Искандера, молодого охранника из Сибая — тот недоумённо озирался. Чуть дальше стояли Коваль и Карась, погонщики из каравана, Ким, плотник, и две пары, которые поехали седоками. Деда, который ехал с ними из Белорецка, не было видно, ещё не хватало шести охранников, а главное, не было Алёны.

— Ну что, в штаны не нассал никто? — спросил один из казахов, остальные ордынцы загоготали. Они развернули мужиков к лесу и сдёрнули штаны. Кто-то из женщин запротестовал, но церемонится с ними не стали, насильно усадив у тропы.

В этом не было жестокости, только расчет. Чем сильнее будет запугана добыча, тем меньше от неё будет проблем. Почему среди пленных нет Алёны? Голубоглазая красивая блондинка, как не взяли в плен? За таких на рынках платили тысячи рублей золотом, не могли её убить. Работорговцы половину своих бы положили, но взяли. Или она всё-таки смогла сбежать?

В стороне от пленников и охраны стоял огромный казах с луноподобным, бледным лицом. Начальник. В степи почти не бывает толстых людей. Каждый лишний килограмм — это минус килограмм припасов на повозке. Все люди степи помнили про голод — привычный, ежедневный спутник. Буран мог остановить тебя на недели, а там без запаса еды верная смерть. Лишние килограммы на теле — смерть. Но тот, кто сейчас смотрел на Василя, был ужасающе, пугающе толст. Не верилось, что обычные нарты могут тащить такую тушу — наверное, справились бы только огромные, на двенадцать собак, на которых передвигались караваны северян.

— За сколько вы хотите нас продать? — крикнул Василь в сторону толстяка. — В Сибая за нас дадут больше! И груз будет ваш! Забирайте!

Толстяк равнодушно посмотрел сквозь Василя и разлепил губы:

— Груз уже наш. А где дадут больше, мы ещё посмотрим. Заткните его.

Между лопаток вспыхнуло огнём от удара кнутом. Василь тут же замер, чтобы не получить ещё. Ему засунули кляп в рот и проворно связали. Через несколько минут караван

тронулся. Василь постарался устроиться удобнее, думая, что же делать дальше. Стоянка была полезной. Он понял, кто главный, и кто похитители — теперь можно было планировать своё освобождение. Скорее всего, людей из каравана он больше не увидит, но, по правде, те для него ничего не значили. Можно было попробовать сбежать — у него бы получилось, если похитителями были только казахи, но от эвенков? Невозможно. Что ещё можно сделать? Ночью перебить их? Такого шанса ему не дадут.

«По обстановке, Василь, по обстановке — сказал он себе, — убей, предай, но задачу выполни. Обещай, что угодно, сдавай всех, но доведи дело до конца».

Он не первый, кто попал в плен. В преподаватели в Квадрате брали только тех, кто мог рассказать на личном опыте, кто предавал, убивал, но не сдался.

«Не суетись, Василь, — сказал он себе, — ты ничего не изменишь, но, если будет шанс, не упusti его».

* * *

Василь проснулся от лая и скулежа собак. Нарты стояли, он слышал громкие голоса вокруг. С него сняли шкуру, и Василь сел на нарты, оглядывая стоянку. Наступил вечер — закатное солнце отбросило длинные тени на утоптаный снег. На широком прогале между гор петляло пустое русло реки, в обе стороны от него возвышались отвесные скалы, оканчивающиеся каменными пальцами вершин. Место было мрачное и старое. Кругом валялись кучи мусора, каких-то сваленных в беспорядке сломанных саней, жердей. Тут же были и горы костей, словно тут часто останавливались на стоянки. Деревьев почти не было, лишь какой-то жухлый, кривой кустарник на склонах. Воздух был полон дыма, словно тот не мог пробиться через склоны и спускался назад, в долину. Вряд ли тут была охота — те, кто вырубили деревья, выбили и дичь.

На прогале раскинулась стоянка ордынцев — в долине сгрудились круглые, с плавным верхом юрты. С краю ордынцы поставили огромную юрту, больше пятнадцати метров в диаметре. Они уже распрягли оленей, и теперь те бродили, обгладывая верхушки подлеска. Над кострами поднимался дымок — пахло дымом и готовящейся едой.

Казахи доставали пленников с нарт, похоже, только сейчас изучая, кто же им попался. Добыче развязали руки, словно и не боялись побега.

— Кто вы, что вам надо? — закричала одна из женщин.

Похитители засмеялись и погнали пленников в сторону, к отхожему месту.

— Василь, что делать будем? — спросил Искандер тихо.

— Это Младший Жус Орды. Даже не думай сопротивляться.

Один из сопровождавших казаков подошёл к нему и посмотрел изучающе.

— Да, мы оттуда, — сказал он. — Ты кто?

— Старший каравана, — ответил Василь, наклоняясь в поклоне, — Василь Ишмаев.

— Руки покажи, — процедил казах.

Василь протянул вперёд руки, и ордынец промял их в поисках характерных мозолей.

— Не воин? — удивлённо спросил налетчик.

Василь натянул перчатки и поклонился. В который раз он подумал, как же опытны были учителя Квадрата. У лучников за десятилетия образуется срезанная кожа на пальцах, у бойцов сбиты костяшки, у стрелков и охотников на пальцах пороховой нагар и ожоги. Чтобы скрыть, что они умеют драться, в Квадрате их заставляли тренироваться в перчатках. Стрельба, фехтование, драка — всегда руки и лицо были защищены.

«Вы не должны выглядеть воинами», — твердили им. Сейчас, если бы работорговцы

заподозрили, что он боец, а значит потенциальная проблема, его бы убили вместе с охраной.

Их погнали к юртам, Василь смотрел на эвенков — те так и не стали лагерем. Главный ордынец спорил о чём-то с эвенком, эмоционально размахивая руками. Проводник что-то односложно отвечал, пока не получил в руки мешочек с платой. «Не рады эвенки работе, ох не рады», — подумал Василь. Понятно, о чём они говорили — толстый казах уговаривал их остаться, но те не хотели больше мараться. Кроме золота эвенки забрали и трофейные автоматы.

Пленников по одному заводили в огромную юрту. Василя отвели в сторону, и к нему подошёл главный налетчик. Толстяку подобострастно поднесли стул, и казах уселся, широко расставив ноги — стул скрипнул под тушей. Морда у казаха была круглая, лоснящаяся, хотя Василь подумал, что черты немного не казахские. Скорее он был похож на узбека.

— Ты начальник каравана? — обратился работорговец к Василию.

— Да. Василь Ишмаев.

— Татарин? — брови толстяка поднялись. Василь кивнул — даже в Казахстане не секрет, как унижены татары в уфимских землях на вторых ролях. Наверное, попытается сыграть на этом, подумал Василь.

— Что вас устроит? — спросил Василь вкрадчиво. — Выкуп? Зачем маяться, тащить нас в Орду? У тебя наш груз, он тысячи тенге стоит. Нас же тащить на Юг, одни сложности.

— Ты точно торгош, — расхохотался казах, — воин мне бы уже грозил карательными войсками из Белорецка. Ну так даже проще, быстрее договоримся.

— Что есть у меня, ничтожного, чтобы тебя удовлетворило? — подобострастно сказал Василь.

— У тебя в караване был механик, вот он мне и нужен.

— Не знаю, — сказал Василь растерянно, — механика не было.

Он и правда не знал. Механики были бесценными — без них не было бы электростанций, паровозов, бесчисленных механизмов городов. Механики обходились дорого и редко покидали города. Толстый казах встал, потянувшись за плетью — Василь изобразил испуг и бухнулся на колени, закрывая руками.

— Думаешь, бить буду? Не, ты мне живой и целый нужен. Двести тенге дадут за каждого. За женщин пятьсот. Но если скажешь, кто механик, ты сильно поможешь себе. Я продам тебя в столице, а не на деревенском рынке. Сам понимаешь, жизнь твоя будет другой.

«Механик, надо же, — подумал Василь, — но почему с нашим караваном, а не в бронепоезде с уфимцами? Хотя неважно — знал бы кто, выдал без вопросов».

— Прости, уважаемый, но я не знаю, что у меня в караване был механик. Я бы и даром тебе отдал из уважения к такому могущественному господину, — сказал Василь вкрадчиво. — Может, твой информатор посмел обмануть тебя?

— Обмануть меня? — от хохота огромное брюхо заходило ходуном. — Нет, меня не обманывают.

«Даже не стал протестовать, что был информатор, — подумал Василь. — Ну, значит дед, больше некому».

Механик объяснял многое. Чтобы ордынцы зашли так далеко на Север, награда должна была быть огромный. Ещё Василя беспокоило, что его не тронули. Если налёт организован, чтобы избавиться от него, он должен был быть первым убитым. Может, налёт был случайным? Это объясняло почему Искандер остался в живых — он не выглядел как

охранник, вот и пронесло.

— Уважаемый господин, я поговорю с людьми, пообещаю свободу, если они сдадут механика. Я не всех знаю, кто был со мной в караване, но дай мне время, и я найду того, кто тебе нужен.

Толстяк опять расхохотался до слёз.

— Свободу? Точно, в столицу надо тебя вести. Смешить будешь.

Василь потер глаза.

— Прости за дерзость, уважаемой, но у меня вопрос. Со мной девушка была...

— Девка, говоришь? Была такая. Да чёт она больно шустрая оказалась. Асмет только её вязать начал, а она вывернулась и всё лицо ему поленом раскроила. Потом нож выхватила, ещё одного порезала — ответил казах. — Вот только не помогло ей, две стрелы в спину, улетела с обрыва.

Василь притворно зарыдал, закрыв лицо ладоням — ордынцы нечаянно решили его большую проблему.

— Смотри, времени тебе до утра, — сказал толстяк, потом повернулся к своим и плёткой указал увести Василя к остальным пленникам.

— Накормить его. Если попросится, отпускай на улицу под присмотром, — сказал толстяк охране.

Василя отвели в огромную юрту — внутри она была едва освещена жаровнями, от них же шло и тепло. На полу в полумраке стояли три клетки — каркас из жердей, перевязанный кожаными полосами. Пленники уже сидели внутри — казахи раздели их и унесли верхнюю одежду. С Василя сняли шубу, оставив его в нижней лёгкой стеганке и запихнули в клетку. В юрте осталось два казаха — они разлеглись на коврах, не сводя глаз с пленников. Василь сел, разминая руки, потом помог снять верёвки Киму — ему не стали отвязывать культю, оставив её привязанной к телу.

У Василя не было особо времени присмотреться к Киму во время сбора каравана, а в дороге тот был незаметен. Василь попробовал составить ориентировку на Кима — средний рост, черты азиатские, лицо плоское, высокий лоб, чёрные волосы, — и тут же понял, что дело это бесполезное. Кроме отрубленной кисти тот не выделялся ничем. Василь не знал, как должны выглядеть корейцы, но может тот и не был корейцем, а просто придумал для важности.

Кроме Кима, в клетке был семейный мужчина, взятый в Сибаете — тот угрюмо молчал. Василь попробовал заговорить с ним, но мужик остекленело смотрел в темноту.

— Ты как? Выглядишь плохо, — спросил Василь Искандера через решётку.

— Да, живой. Тошнит только, — ответил тот.

— Траванули нас, — сказал Василь, — это дед устроил.

Он пытался вспомнить лицо деда, который прилепился к ним в Белорецке — жизнь долгая, если выберется из плена, то того ждет лютая смерть. Казах рывкнул и показал плеть — не болтать, это было ясно и без перевода. Василь лег на пол — казахи не поскупились, накидали для них шкур. Можно было спать, не рискуя отморозить почки.

Сейчас у него было время подумать. Непонятно, зачем нужен был механик в Сибаете? За две недели, что он был в Сибаете он понял, что на станции хватает и механиков и тепловиков. Зачем он ордынцам, было понятно — по слухам, те восстанавливали электростанцию в Актобе. Василь слышал, что казахские купцы в Белорецке заманивали народ на исполинскую стройку — нанимали электриков, механиков и, главное, тепловиков.

Сейчас самое простое, это уговорить, чтобы кто-то выдал себя за механика. Даже в столице казахов у Квадрата есть связи, может, и вытащат. Единственный, кому мог Василь довериться, был Искандер — чувствовалась в парне и сила, и опыт. Да и Комендант говорил, что тот опытный степняк. Эх, были у Василя планы на Искандера по возвращении в город, да придётся использовать его для своего спасения. План неплох — всё равно ему в плен, а я смогу успеть направить помощь по его следу. Василь протиснулся к решётке и шёпотом подозвал Искандера, наскоро объясняя тому план. Молодой охранник не возражал, сразу согласившись, что лучше возможности может и не быть. К разговору прислушивался Ким, потом подсел ближе и прервал их.

— Мне жаль твою девушку, — сказал кореец.

Василь удивлённо поднял брови.

— Почему ты думаешь, что она моя девушка?

Василь внимательно посмотрел на корейца — что-то хотел от него странный спутник, иначе бы не заговорил.

— Ты за неё переживаешь? Ты бы за себя переживал. Работоторговцы увечных не берут.

— Нет, не переживаю, — Ким безрадостно улыбнулся. — Дело в том, что это я механик. Слесарь шестого разряда по двигателям. Ты же про это говорил с толстяком?

Интересно, подумал Искандер, Ким слышал наш разговор, и он понимал казахский язык. Не прост, ой не прост.

— А рука? Как ты с таким увечьем, и механик? — спросил Василь недоверчиво.

Ким поморщился и пренебрежительно махнул культей.

— Военная травма. От этого я не перестаю быть механиком.

— Почему ты сейчас это говоришь? — спросил Василь.

— А что измениться? Я думаю, что тебе, что мне одна дорога — в Южный Казахстан.

Василь пожал плечами. Это снимало много проблем, но ставило ещё больше вопросов. Главным было — знал ли комендант про механика? Знал, наверняка, поэтому и попросил меня поехать с караваном. Было обидно, что комендант предпочел использовать его в тёмную, не рискнув доверить секрет.

* * *

Ближе к ночи Василь решил выйти из юрты на разведку.

Как он не просил вечером, охрана так и не позвала толстяка, сказав, что все разговоры будут утром. Юрта была едва освещена углями в жаровнях. Со стен тянуло холодом — в темноте сопели спящие люди, свернувшись калачиком на полу. Василь встал и подошёл к решётке.

— Эй, богатырь, в туалет надо, — сказал он негромко на казахском.

Охранники были уже не те, кто был днём — когда они сменились, Василь не заметил. Один из охранников встал с ложа, взял дубинку и выпустил Василя из клетки. Он накинул единственную шубу, лежащую на этот случай у входа, и вышел на улицу. Его встретила ночь, едва разбавленная факелами — ровная, глубокая темнота без луны и звёзд. В пляшущем свете факела виднелась стена юрты. Из темноты вышел замёрзший охранник и пошёл на новый круг.

«Крепко же вас толстяк держит», — подумал Василь.

Налетчик отвёл Василя к отхожему месту, и Василь с опаской стал на брёвна, перекрывающие яму. Запаха почти не было — всё подмёрзло. Казах воткнул факел рядом с Василем и отошёл шагов на десять. Василь начал развязывать застёжки на штанах, думая о

людях из каравана. Людей, конечно, жалко...

Сбоку, с кучи мусора, донесся едва слышимый свист. Василь оглянулся, но увидел лишь затоптанный снег, горы и сломанные нарты. Он пригляделся: под нартами приподнялся пласт снега. Алёнка. Жива. Сердце Василя быстро забилося. Он оглянулся на охранника, но тот смотрел в другую сторону. Василь неслышно застегнулся, потом кивнул в сторону казаха и показал на горло. Девушка отрицательно покачала головой, потом показала знак вопроса и знак помощи. Василий кивнул.

— Эх, жизнь жестянка. Эй ты? Зачем сортир на морозе. Не могли внутри сделать ведро?

— Только больные в юрте в ведро ходят, — ответил охранник.

— Ну а что, двое вас. Второй бы и вынес.

Казах показал ему плеть и снова отвернулся.

— Ладно, молчу, молчу.

Василь посмотрел на Алёну и показал знак бегущего человека. Та отрицательно покачала головой и жестом показала ему ждать. Повоевать хочет, только этого и не хватало! Он хотел жестом приказать ей убить казаха, но девушка отрицательно покачала головой и скрылась под снегом.

— Всё, заканчивай свои дела, — сказал казах, вытаскивая факел со снега. Василь пошёл к юрте, скрипя зубами от раздражения. Ему вспомнилась история из юности, когда он был беспризорником в Уфе. Тогда его подловила конкурирующая банда и отобрала всё ценное. Вот только когда его, отвесив подзатыльник, собирались отпустить, появились дружки. Вроде пришли его спасать, но в тот момент он не был уверен, что переживёт такую помощь.

Василь зло выругался — лучше бы работорговцы не промахнулись.

Глава 2. Люций

— Хороша, — прошептал кто-то в зале.

— Да не, тошая, — шёпотом ответил другой.

Комендант проводил взглядом секретаршу. Ишь ты, пухлость для них главное. Люций не мог понять этого — для него стройная Карина была воплощением красоты.

Комендант потёр виски — у него невыносимо болела голова. В тесный кабинет набилось два десятка людей, в воздухе стоял тяжёлый дух немых тел, дыма и сигарет.

«Да и ты не молодеешь, — подумал Люций, — семьдесят три года, а всё думаешь, что без тебя город развалится». Комендант откинулся в кресло, оглядывая аскетично обставленный зал — бетонные полы, окрашенные синей нитрокраской стены, осыпающийся потолок. У дальней стены расположился стол коменданта, торцом к нему стоял стол подлиннее, сколоченный из досок. Кабинет был скупо освещён свечами в стеклянных банках и красноватым светом углей из печи.

— Дима, твою мать, — выругался комендант, — когда свет дадут?

— Да что я могу сделать, Люций Андреевич, — ответил из полумрака энергетик, — кабеля нет!

Комендант оглядел собравшихся за столом начальников. Сразу было видно тех, кто из них работает на морозе — в кабинете была жара, но всё, что себе позволили Расим и Грек, это снять шапки и распахнуть воротники. Расим был главным по шахтам, а Александра, которого теперь все называли Греком, был руководителем охраны. Остальные начальники служб не высовывали нос из города и поэтому сидели в спецовках.

— Ильф, у тебя что, нет нужного кабеля? — спросил комендант у начальника складов. Ильфат, которого все сокращали до Ильфа, был одет в древний костюм, серую от ветхости сорочку и галстук. В этом была какая-то своя гордость — тот стал кладовщиком ещё до Зимы и с тех пор не изменял своим привычкам в одежде.

— Нет, — ответил Ильф равнодушно, — у торговцев во Внешнем тоже нет.

— А заменить на другой?

— Заменим, — ответил Дмитрий. — Нашли древний кабель в Старом городе в цеху, сегодня ремонтная команда его демонтирует.

Комендант зло посмотрел на жирное лицо Ильфата. Ведь был кабель, несколько сот метров было на складе — поди украл, сволочь. Начальник складов выдержал взгляд коменданта, и сам спросил, чуть улыбаясь:

— Люций Андреевич, что делать будем с дополнительным продовольствием для фермерского блока?

— Да, что с пайками? Уже неделю ответ ждём, — поддакнул фермер.

Комендант перебрал докладные записки и вытащил искомую.

«Запрос дополнительного питания на май 2063 года. Фермеры — 330 пайков».

Комендант посмотрел на Глухаря, начальника фермерского блока. Над открытым воротом комбеза торчала осыпающаяся коростами кожа шеи. Белые спутанные волосы падали на лоб, прикрывая белёсые брови и ослепший, молочного оттенка глаз. Причиной увечья был взрыв хлора на станции водоочистки. Тогда погибло девять человек, а Глухарь едва не стал десятым, но успел задержать дыхание, закрыть локтем лицо и на ощупь выбраться из отравленного цеха.

Вот подумаешь, ну фермеры и фермеры — всё их дело, это помидоры и картошка. Вот только глубже влезешь в их жизнь, и страшновато становится. Глухарь только третий месяц начальник, а куда делся предыдущий? Может его скелет где-то в биореакторе на дне, а может, исчез в загонах свиней, там и скелета не останется.

Комендант откинулся в кресле. В воздухе висел тонкий запах духов Карины, мешая сосредоточиться. Комендант вздохнули в голове возник образ изящной шеи и ключиц помощницы, а следом мелькнула мысль «а ведь духи стоили тридцать пайков». Глухарь громко кашлянул, возвращая коменданта в гнетущий зал. Проклятый Ильфат ловко перевёл тему с пропавшего кабеля.

— Опять фермерам? — устало спросил комендант. — В том месяце уже срезали пайки врачам и отдали твоим.

— Так страда, — с надрывом ответил фермер, — вкальваем по четырнадцать часов. Вахта как у шахтёров, а паёк в два раза меньше.

«Ну вот, теперь покусились на главных кормильцев, — подумал комендант. — Вот только дело ведь не в том, что вы вкальваете больше — в отличие от еды, известковый флюс не засунешь в карман, так что воровства на шахтах нету. В фермерском блоке и не понять, сколько уходит мимо общего котла. Хотя, наверное, и у шахтёров как-то тырят. Да все за этим столом воруют, — размышлял Люций со злостью, — и каждый, чтобы отвести от себя подозрения, обличает других».

— Ты на моих-то не лезь! — вскочил Расим. — Попробуй на отвалах помахать киркой! В минус пятьдесят, когда плевков замерзает на лету!

— Ну а ты попробуй в парнике, — прошипел Глухарь, — вот кожа от пестицидов слезет, там и сравним!

Сколько раз Люций слушал этот спор, но так и не нашёл решения. Последние месяцы Уфа не давала составы под отгрузку концентрата, отправляя в столицу купленный у северян скот. Запасы продовольствия в Сибее начали показывать дно. Он ругался, пытался договориться, но Уфа была непреклонна, так что оставалось ждать. Как только получится продать концентрат в Белорецке и купить пайки, войны за продовольствие в Совете утихнут. Куда сложнее было то, что город захлестнула волна насилия. Драки во Внешнем городе, саботаж во Внутреннем стали настолько постоянным явлением, что они перестали обсуждать это в Совете, сойдясь на том, что всё это следствие урезания пайков. Вот только как прожить эти несколько недель, пока появится продовольствие? Да и будет ли он к тому времени комендантом? Часть людей начинает откровенно вредить — не просто так пропал свет в городе, ой не просто.

«Правитель силён своей бюрократией», — так он прочитал в одной умной книге. Вот только что делать, если та начинает считать, что она и есть власть? Сначала под благородным предлогом народного контроля у него забрали запасы продовольствия. Потом туда же ушли склады всех товаров, а Ильфат стал фигурой, которую снять можно было только референдумом. Потом под предлогом дополнительной защиты все хранилища лекарств, оружия ушли под охрану Александеры. Утекает власть из рук, и не удержишь никак.

Сбились в стаи, шакалы. С одной стороны, банда Армянина и Хохла — за ними весь социальный блок, все торгаши, врачи, учителя, повара, швеи. Хохол был украинцем, Богданом, а вот Армянин был по национальности латышем, Освальдсом. Почему-то он быстро спелся с армянской бандой, которая держала часть Внешнего Города, заслужив эту

кликчу. Руднику нужны тысячи рук, и все эти руки приходят из Внешнего города. Так что теперь Хохол самый богатый человек Сибая, а Армянин, официальный начальник Внешнего Города.

С другой стороны стола Глухарь, за которым не только фермеры. Там же Дмитрий, начальник Станции, а с ними тепловики, энергетики, водоканал. В шайки не сбились только начальники шахт и охраны. Расим врубается за коменданта скорее по привычке, а Грек ведёт свою игру. Всё мечтает место Коменданта занять. Главное, чтобы уфимским не продался, с остальным справимся.

Раньше, когда вся экономика города держалась на шахтах и поставках продовольствия из Столицы, было проще. В Уфу и Белорецк уходила руда, в обмен приходило топливо, оружие, лекарства и пайки. Пока на стороне Люция был Расим, за власть можно было не волноваться. Вот только сейчас две трети бюджета города — это проклятый рынок, и голос торговцев стал самым громким.

— Эй, Лёша, — крикнул он охраннику у дверей, — скажи Карине, чтобы чаю принесла.

Стоило услышать про чай, споры тут же стихли. Комендант оглядел начальников — за каждым власть и сотни голодных ртов. По правую руку, рядом с Глухарём, сидел Хворост, главный энергетик. Город живёт только теплом со станции, и каждая их проблема — проблема у всех. Вон, вшивый кабель порвался, весь город при свечах сидит. Вроде говорят незаменимых людей нет, а по факту есть — некем заменить энергетиков. И смену себе они не торопятся воспитывать — понимают, что та тут же сдвинет их с тёплых мест. На выборах Дмитрий выставил свою кандидатуру, и тут же начались перебои со светом и теплом. Наверняка за пропавший кабель ответственен кто-то за этим столом. Люций подозревал, как ни странно, Глухаря, — у того и люди есть, на всё готовые, и у самого характер змеиный. Легко мог диверсию устроить, чтобы показать свою силу.

Напротив Глухаря сидел Расим, рядом с безжалостным женским батальоном — начальницы врачей, учителей, сервисных служб. Шумные, так и не способные выбрать одну из своих за главную, они выпихивали как общий голос Ильфата.

— По краске, краске-то что? — спросил Хворост.

Масляную краску везли с Уфы, платить за неё приходилось золотом, но без неё влага в законопаченном городе сжирала металл за месяцы. Докладная про краску лежала на столе и комендант даже не хотел смотреть на неё — суммы расходов по ней вызывали боль почти физическую.

— Найдём средства, — ответил комендант, — на краске экономить нельзя.

Хворост, приготовившийся к борьбе, моргнул — не ожидал такой лёгкой победы. Вот такое оно, айкидо управления, подумал Комендант, никто из вас его и не знает.

Приоткрылась дверь — в зал вошла Карина. Она остановилась в дверях, освещённая слабым светом ламп. Длинные ноги, стройная фигура, волосы цвета нефти. Комендант не видел в темноте лица, но память дорисовывало остальное — чистая кожа, голубые глаза и тонкие губы. По документам она была татаркой, но Люций сомневался — ни у кого он не встречал таких по-азиатски точёных черт. Она расставила стаканы с чаем, а когда ставила стакан перед комендантом, как бы нечаянно уронила волосы ему на плечо. Дыхание у Люция перехватило, он выпил чай быстрыми глотками, не чувствуя обжигающий жар. Кончики красных, сочных губ изогнулись в понимающей усмешке. Помада Карины стояла сотни пайков, и это был подарок коменданта.

Он покрутил чашку в руках, глядя, как на дне тонут чайники. Чай был роскошью —

жители довольствовались заваркой липы, жжёного хлеба или свёклы. Все успокоились — мало кто сейчас мог позволить себе такую роскошь, и наслаждались моментом.

Чай был подарком Гильзы — мягкая удавка, затягивающаяся на шее Коменданта. Вроде и нет у уфимского майора права быть на Совете, а не позвать нельзя. Сидит паук в углу, слушая и делая какие-то выводы. Может и проблема с вагонами не случайна — остановилась торговля и сразу кресло под комендантом зашаталось. Ещё один месяц — любой приходи, бери Сибай. Не рискнут, конечно, до такого доводить — слишком близко Орда. Ох, как хочется опять занять пайки и сразу решить все проблемы, но нельзя — только того и ждёт майор.

Важен Сибай, хоть и всего две тысячи человек населения. Медь, серебро, золото, известь для металлургии — не будет Сибая, половина оружейной промышленности известной части России встанет. Знает это и майор, знают и начальники за столами. Связана Республика тонкими нитями торговли — убрать их, и ничего не останется. Исчезнет, как пыль, как почти вся страна. На стене карта — Уфимская Республика, а от неё во все стороны ноги паука — железные дороги. В центре Уфа, там производство лекарств и переработка нефти — все города республики обогреваются мазутом, который поставляет Столица. В сторону Казани тянется дорога, обрываясь на Туймазах — оттуда на заводы Столицы идёт нефть. На восток уцелела дорога до Аши, там металлургический комбинат. Южнее трасса на Белорецк — сердце всех дорог на восток, а от него уже дорога до Сибая. На юг от Уфы — Кумертау, там почти всё машиностроение Республики. Слева от Республики ещё один паук — Казанская Республика. Сверху и снизу от Уфы карта в белых пятнах — севернее почти неизведанная Уральская Республика, а южнее огромная территория Орды. Хоть зовемся гордо Республиками, но каждая из них, это диктатура с красивым названием.

Комендант посмотрел на Глухаря, неторопливо пьющего чай.

— Глухарь, я бы поднял твоим довольствие, — сказал Люций, — но только если будут гарантии, что хищения на фермах прекратятся.

Александера издал смешок. Комендант с ненавистью посмотрел на него. Его тоже были замазаны, но охрану прижимать так и вовсе безнадёжное дело. Кто будет сторожить сторожей? Вот в Сибаяе никто и не сторожит. Только сторожа нанял, так тот исчез по дороге в Сибай.

— Я подумаю, что можно сделать, — сказал Глухарь.

— Ты не думай. Скажи нам всем, сможешь или нет? Или ты зря начальником назвался?

Глухарь буркнул.

— Да. Всё что нужно, сделаю.

«Сможет он», — зло подумал Люций.

Как только Комендант не пытался бороться с хищениями! На зелёных овощах ставили номера, всех работников обыскивали утром и вечером. В теплицах возвели ходовые мостики, и охрана только тем и занималась, что надзирала над фермерами. Всё было тщетно — минимум половина урожая так и не попадала в общий котёл города. В блокадном Ленинграде директор хлебзавода умер от голода, но не взял ни крошки, а эта сволочь в комбезе корм у поросят ворует и толкает на чёрном рынке во Внешнем городе. Ну посмотрим, сейчас тебе пайки боком встанут.

— Я думаю, на время режим ужесточим. Например, запретим покидать теплицы в рабочее время по любой причине. И обед — отпускать в столовую перестанем, еду будут приносить. Ну и охрану, думаю, стоит заменить на добровольцев из других секторов. Кто

хочет есть, пускай за твоими бдит — у охраны дела поважнее. Скорее всего, у городских усердия побольше будет, всё-таки за свой желудок можно и потрудиться. Не запротестуют твои?

Глухарь подумал, пожевал губами.

— Нет, не запротестуют.

Всё просто — приход в день 5150 пайков, расход 5200. При этом в хлебе и так уже столько опилок, будто бревно жуёшь, а суп жиже, чем растопленный снег. Шахты и транспорт — им можно дать консервы из резервного запаса, а их пайки отдать фермерам. Комендант вспомнил про караван и его охватила тревога. Почему нет вестей от Василя? До Белорецка они дошли — человек Фангата отзвонился, как только они доехали. Если бы была проблема с оплатой, был бы ещё звонок от караванщиков Плюхи, но никто не позвонил. Но почему их нет, ведь уже три дня как должны были быть? Ещё пара дней, и нужно будет посылать поисковую партию. А может, кто-то из этих? Поняли, гниды, что Василь по их душу приехал.

— Шахтам паёк даём консервами, у нас пять тысяч пайков в главном резерве, — сказал комендант, — зима на исходе, риска голода нет. Поэтому отдаём шахтёрам консервы, а их паёк фермерскому блоку.

Глухарь запротестовал было, но поскольку никто его не поддержал, затих. Консервы были из завода с Межгорья, со свежей партии. Деликатес. Так что вроде и выбил Глухарь пайки, но народ у него будет недоволен.

— По продовольствию решили. Что ещё? — спросил комендант. Расимыч протянул ему лист бумаги. Люций взял его, чувствуя, что едва сдерживается, чтобы не порвать его и не швырнуть в обмороженную рожу.

«Запрос дополнительных культурных услуг. Шахтёры — 10 сеансов в неделю».

«О Господи, — оторопело подумал комендант, — культуры им не хватает. Этим хлеба мало, тем зрелищ».

— Где я вам возьму их? — спросил комендант. — И так киномеханик мне все уши прожужжал, что нужно технику меньше гонять. Помрёт телек или плеер, что смотреть будете?

— Народ у меня не железный. И хотя некоторые думают, что мы там загораем, мои там падут! — Расимыч не говорил, а выстреливал слова, забрызгивая стол слюной. — Люди должны отдыхать! А сеансы предлагаю забрать у жабы в комбесе.

Глухарь перегнулся над столом и попытался ударить Расимыча в лицо, но тот легко увернулся от кулака. С видимым удовольствием шахтёр замахнулся в ответ и врезал Глухарю в челюсть. Фермера снесло с табурета, но через секунду он встряхнул головой, вскочил, как на пружинах, и бросился мимо стола на Расимыча, на ходу подхватывая табурет.

— Стоять! — заорал комендант. — Сейчас на мороз обоих выгоню!

Глухарь послушно сел, словно и не видел замахнувшегося Расимыча. Вроде и меньше Расимыча в полтора раза, и удар у шахтёра, которым можно стены крушить, а Глухарь словно и не заметил. Страшный человек, непредсказуемый. Расимыч простой и понятный — может, конечно, взорваться, но это как раз привычно. Вот Глухарь, тот как полынья под снегом — не заметишь, как в биореактор тебя запихает.

Эх, осатанел народ — сейчас Эльвира была бы кстати. В такие моменты он звал её по пустяковому вопросу, и она одним присутствием успокаивала мужиков. Комендант зажмурился от удовольствия, вспоминая пышные формы помощницы, которая была до

Карины. Если бы она зашла, все мужики и забыли бы и про пайки, и про разногласия. Но не зайдёт — после появления Карины, он сам перевёл её в медицинский блок, в регистратуру.

— Сыма, позови Карину, пусть хлеба всем принесёт, — крикнул Люций охраннику Фангата.

Спорщики утихли, когда помощница внесла чайник и корзинку с нарезанным хлебом.

— На сегодня всё, — сказал Люций. — Если остались вопросы, оставьте Карине и следующее совещание начнём с них.

Галдящая толпа вывалилась из кабинета, остался только Ильфат.

— Что лютуешь? — спросил он.

— Да достали, каждый раз одно и то же. Думает, что у нас запасы бесконечные. Сам же знаешь, что склад пустой почти. Ты что хотел?

«Ещё одна крыса, — подумал комендант. — Думает, я не знаю, что оружие из резерва пропало — нормальные автоматы на безвестные ржавые заменил. А кому оружие может понадобиться? Или бандиты, или ордынцы. Прижать бы тебя, да сил маловато».

Комендант выдохнул, поняв, в каком напряжении был всю встречу. Враги тут не Расим и Дмитрий, те-то по-своему честные. Нет, враги вот эти, торгоши и администраторы, которые медленно, но неумолимо пожирали город.

— Какой вопрос? Ты же не совестить меня остался? — сказал комендант раздражённо.

— Да нет, не по пайкам вопрос. Тут другая история. Со склада, который в помещениях охраны, медь пропала, — сказал Ильфат.

— А что ты у меня спрашиваешь, у Грека и спроси, — прищурился Комендант, — я при всём желании туда доступа не имею.

— Ну я же только спросил, вдруг что знаешь, — сказал Ильфат, мерзко улыбаясь, — ну или твой ручной законник найдёт.

Комендант похолодел. Значит, он уже знал. Ну а что, позвонить в Уфу тут каждый мог. Интересно, знали ли остальные? Комендант выгнал сунувшуюся было с вопросом Карину и без сил упал в кресло.

Глава 3. Василь

Василь проснулся.

Он оглядел погруженную в полумрак юрту и понял, что же его выдернуло из дремы — как лошади просыпаются от одного запаха волка, так и его захлестнуло адреналином от чувства опасности.

Сквозь прутья решётки он увидел, что охранявший их казах склонился над полом — под ним наливалась лужа крови. Свет жаровни освещал фигуру в белой шубе, держащую в заломе руку ордынца. Казах уронил голову и обмяк, его тело с глухим стуком ударилось об пол. Это был единственный звук, который Василь слышал после пробуждения. Алёна перевернула тело, проверила пульс и подошла к клетке.

На ходу она стянула белую маску с головы, освободив косу пшеничного цвета. Василь видел, что ей непросто далась погоня за ордынцами — под глазами появились тёмные круги, сквозь кожу на висках проступили вены. Жалеть её было некогда, да и вряд ли стоило — для неё нападение на караван было неожиданным праздником, когда можно дать волю инстинктам. Алёна счастливо улыбалась — вместе с ножом в руке это выглядело пугающе.

— Ну что, соскучился по мне? — спросила она игриво.

Василь с яростью посмотрел на девушку.

— Где второй, который нас охранял? — рявкнул он.

— Я думала, ты мне рад будешь, а ты ругаешься, — сказала Алёна обиженно.

Василь проигнорировал реплику, молча глядя ей в глаза.

— Казах ему нужен... Да там же он, где и второй, в их казахской Валгалле! — Алёнка хищно улыбнулась, обнажив клыки. — Ну и ещё два охранника снаружи. Даже не заметили, как я подобралась.

— Хорошо. Открой клетки, притащи одежду и оружие, — приказал Василь.

Алёна вернулась к телу казаха, достала с пояса ключи и отперла клетки. Недовольно взглянув на Василя, она неслышно выскользнула за порог, впустив в юрту морозный воздух. Законник выбрался из клетки, подошёл к убитому казаху и раздел его. Вся передняя часть куртки была пропитана кровью и Василь раздражённо зашипел. Через несколько минут вернулась Алёна, таща ворох снаряжения — она шла, особо не таясь, что вызвало очередной приступ желчи Василя.

— Расшумелась, — проворчал он, — тебя собаки не спалили?

Алёнка покачала головой и бросила охапку на пол. Василь взялся за другую куртку, но и та была в крови.

— Шерстя. Твою мать! — зашипел Василь. — Зачем горло вскрываешь?! Могла бы и в почку бить! Всю одежду кровью загадила.

— Зато так они не орут! — ответила Алёна зло. — Почку попробуй ещё через стёганку достать.

— Эвенки остались на ночёвку с ордынцами? — спросил Василь, облачаясь в заляпанную кровью одежду.

— Нет, ушли. Сняли лагерь и ушли.

— Уверена? Могла бы и проверить, может, они где-то близко, — занудливо отчитывал он девушку.

Василь взял в руки дубину, сделал несколько замахов. Первая мысль была бежать, но он

отмёл её. Без эвенков шансов, конечно, прибавилось, но уйти по-тихому... Нет, не выйдет. Ночью, если бы Алёна послушалась, у них была бы фора до утра. Тем временем Искандер вылез из клетки и осторожно высунул голову на улицу, изучая обстановку — Василь посмотрел на него с одобрением.

В первый момент, когда Василь увидел Искандера, он подумал, что Люций гнал туфту, не мог быть этот доходяга лучшим бойцом в охране. Позже, в дороге, Василь изменил мнение. Парень был жилист и вынослив, без споров уходя в разведку на сутки или переноса на ногах ночную вахту. Ещё от капитана охраны ждешь какой-то изворотливости, коварности, но Искандер был прямым и жестким.

— Что делать будем? — спросил молодой охранник.

«Хороший вопрос», — подумал Василь. Если Алёна вынесла четырёх ордынцев, значит захватчиков осталось одиннадцать. Наверное, дрыхнут по юртам. План прост — пустить вперёд Шерстю и дать ей сделать, что она умеет и любит больше всего.

Оружия хватило на четверых — себе Василь взял дубину и лук, Искандер копье, а один из погонщиков, которого звали Ковыль, нож. Два мужика, имена которых он уже забыл, обнимали скулящих жён и отводили взгляд. Василь скривился — народец ему попался ссыкливый, надежды на них было мало. К воинству законника присоединился и Ким, взяв дубинку, а на культую намотал оленью шкуру с пола.

— Как ты выжила? — спросил Василь у Алёны, проверяя оружие. — Толстомордый сказал, что тебе две стрелы вогнали и с обрыва скинули.

— Стрелы-то вогнали, — она потянулась и поморщилась от боли, — да только у меня стёганка под шубой, так что заработала царапину под лопаткой. Ну а с обрыва я сама сиганула, чтобы третью стрелу не получить.

Василь вспомнил стёганку, которую Шерстя не снимала даже во сне — та была из толстой ткани в много слоёв и легко могла остановить стрелы или удар ножом. Он вспомнил, какими глазами на экипировку глядел Ильфат, кладовщик Сибая, — в пересчёте на еду, одежда Алёны стоила тысячи пайков. Как там стёнал один из японских полководцев? Коку, это сколько человек съедает риса за год. Вооружить копейщика стоит сотню коку. Мечника — две сотни. Сколько же риса у меня лежит под ногами! Сейчас не средневековая Япония, но ценности мало изменились — на стоимость одежды Алёны можно было кормить обычную семью лет десять.

Сейчас Василию нужно было как-то заставить её сделать грязную работу. Если ей приказать, они лишь фыркнет презрительно и скажет, что давайте мол, ребята, сами.

— Я рад, что взял тебя, — сказал он Алёне и та счастливо улыбнулась. Девчонка, ей богу — словно и не вскрыла у него на глазах горло казаху. Василь наклонился ближе, чтобы слышала только она.

— Шерстя, что думаешь, справимся?

— Мы? — фыркнула она. — Да я одна справлюсь, не мешайте только.

— Ладно, иди. Мешать не будем. Но, если что, зови, — Василь отпускал её с лёгким сердцем. Ему даже было немного жаль казахов — не ту добычу они взяли, ой не ту.

— Ты что, одну еёпустишь? — спросил Ким у Василя.

— Ой, какой мальчик заботливый. Не бойся, всё хорошо со мной будет — рассмеялась Алёна и послала Киму воздушный поцелуй. Она уже натянула перчатки и маску, так что это выглядело странно — как будто воздушный поцелуй послал бесформенный сугроб. Затем она выскользнула наружу, не издав и звука — Василь мог только позавидовать умениям

девушки.

— Что делать будем? — спросил Искандер.

— Ждать. Если она говорит не мешать, так и сделаем, — ответил Василь.

Он высунул голову из-под полога — снаружи была безлунная, плотная темень. Влажный, липкий туман глушил звуки — хорошая ночь, заботливая, подумал Василь. В воздухе чувствовался запах дыма, выгребной ямы и ещё один тонкий аромат, который он сразу и не распознал — лёгкий запах секрета рыси. Так вот почему собаки даже не вякнули. У входа в юрту он увидел пятно крови, наскоро забросанное снегом. Василь представил, как Алёна поднимает тело и уносит, даже не запыхавшись, и ему стало смешно, что Ким переживал за неё.

— Так, этого от двери оттащите, — приказал Василь, указав на труп казаха, — все, кто не с нами, ложитесь на пол. Чтобы вас не задело, если стрелять начнут. Ким, Искандер, вы встаньте справа от двери, я с другой стороны, а Ковыль за мной. Если кто заходит, я стреляю первый, а там... Как пойдёт.

Тянулись минуты — Василь вслушивался в звуки снаружи, но там ничего не менялось. Он распорол острием стрелы край рубашки и достал таблетку. Минуту поколебавшись, законник засунул её под язык. Искандер с подозрением посмотрел на него.

— Витаминка, — сказал Василь с невинным взглядом.

— Кто она такая, что ты её одну отпустил? — спросил Искандер шёпотом.

— Зауральский клан, — коротко ответил Василь.

Ответ Искандера удовлетворил — молодой охранник кивнул в замер у полога, через щель глядя в ночь. Василь сомневался, что Алёнка сможет положить всех ордынцев — те опытные бойцы, и они были в большинстве. На её стороне опыт и внезапность — как минимум, она сумеет проредить отряд ордынцев.

— Может, пойдём с ней? — спросил Искандер тихо, но Василь покачал головой. Кислая таблетка под языком медленно растворялась, и он начал чувствовать, как сердце начало биться быстрее.

Он понял, что больше не слышит лая. Алёна начала зачистку лагеря с убийств собак.

— К тебе вопрос, — спросил Василь, — Ты как-то вообще без эмоций воспринял, что они погонщиков и охрану каравана подрезали. Это же ваши люди, а тебе как будто всё равно.

— Я из охраны города, а это так, выкормышы Фангата, — скривился Искандер. — Раньше мы караваны сторожили, а потом комендант и новую охрану, и новых караванщиков нанял вместо людей Плюхи. Набрал каких-то слабаков во Внешнем Городе. Я слёз по ним лить не собираюсь.

«Комендант-то барахтается», — подумал Василь. Когда две недели назад он приехал в Сибай, первой его мыслью было, что слишком поздно — Люций почти потерял власть над городом. Сейчас он изменил мнение — как хороший самбист, комендант всё время вырывался из убийственного захвата. Забрать торговлю у Плюхи и передать Фангату из Внешнего города было отличным ходом, но он не учёл, что противники Люция натравят на караван ордынцев.

Мысли Василя прервали крики на улице.

«Зазнайка, — подумал законник, — корчила из себя профи, а спалилась в момент». Он зажевал ещё одну горькую таблетку. Секунды стали замедляться, становясь длинными, тягучими.

Откинулся полог, и в проёме появилась голова казаха — он озираясь, выставив перед

собой саблю. Он увидел Василя, целящегося ему в голову из лука, но крикнуть он не успел — законник спустил тетиву. Стрела попала ему в щеку, казах взвыл, уронив саблю, и Искандер вогнал ему копьё в живот. С отвратительным звуком оно прорезало плоть, а в одежде казаха со стороны спины появился набухающий кровью горб. Искандер с трудом выдернул копьё, отступил на несколько шагов и замахнулся для нового удара. Ордынцы предпочли не рисковать ещё одним бойцом — в шкуры ударили стрелы, послышалось несколько хлопков выстрелов.

— Пригнитесь! Всем лечь! — зашипел Василь. Он демонстративно крикнул, словно от боли.

«Быстро же вы, — подумал законник, — поняли, что добыча уже и не добыча». Через порог переступил ещё один работорговец, закрывающий лицо щитом. Василь выстрелил из лука, но стрела попала в край щита. Законник тут же отбросил лук и поднял перед собой дубинку. Атака Искандера также была неудачной — бок казаха прикрывал ещё один ордынец с щитом. Вроде и ерунда, деревянный щит, но в краю где автоматы и ружья были редкими, они были серьезной защитой. Казах, которого не сумел застрелить Василь, замахнулся саблей, но не рассчитал, и его сабля задела полог. Этой секундной оплошности Василю хватило — он ударил по незащищённой ноге дубиной, и, стоило казаху открыть лицо, тут же ткнул острым концом в лицо. Казах упал на колени, закрывая лицо ладонями — по пальцам сочилась кровь.

— Добей его! — крикнул Василь погонщику и бросился на второго ордынца, пытаюсь спасти Искандера, который отступал под напором ещё противника. Вот только помощь его была лишней — Ким успел первый. Кореец толстой шкурой на руке отразил удар, предназначенный Искандеру, и сам в ответ ударил нападающего дубинкой по руке. Ордынец выронил саблю и быстро выскочил из юрты, вытащив за плечи казаха с разбитым лицом. Искандер пытался ударить раненого, но промахнулся и работорговец успел вытащить раненого собрата.

Василь замер, тяжело дыша. Нападающие снаружи тоже не спешили продолжать атаку.

— Э, сибайские, поговорим?! — послышалось снаружи.

— Давай, почему не поговорить! — крикнул Василь в ответ. Он поднял с пола оброненную ордынцем саблю.

— Караванщик! Сдавайся! Мы отпустим тебя! — Василь узнал голос толстяка.

Василь подумал, выжила ли Алёнка? Вряд ли она могла глупо попасться — скорее всего, успела уйти, когда поднялась тревога. Юрта зашевелилась противоположной от входа стороны. Кто-то по-тихому пытался снять шкуры, пока они следили за порогом. Ждать было больше нельзя — если не выйти сейчас, через пару минут их перестреляют со спины.

— Нужно атаковать, — сказал Василь. — Все готовы? Пока они разделились, и пытаются зайти к нам со спины, у нас есть шанс. Снаружи их сейчас столько же, сколько нас — справимся.

Искандер и Ким кивнули. С задней стороны юрты ордынцы, не скрываясь, сдёргивали шкуры с юрты. Заголосили женщины, и этот звук ударил по нервам. Василь с удивлением увидел, как Ким встал на колени, положил на пол дубину, и перекрестился.

— Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей, — прошептал он. Страшно и пугающе это прозвучало. Василю показалось, что у юрты исчезла крыша — словно Бог глянул сверху, на кучку обречённых пленников. Внезапно он увидел не себя, не юрту с несколькими защитниками, а снежное поле и русское воинство, стоящее на коленях в снегу.

Крестьяне без доспехов и кольчуг, а позади ждут сигнала конные князьи дружины. Ополченцам в бою только одна роль — умереть, остановив собой острый клинок орды, дав шанс княжеской коннице обойти с фланга. Нет ни почёта, ни доблести для ополчения — выжить бы кому. Чувство, накрывшее Василя, было таким сильным, что он даже не удивился, когда посредине зимы, перекрывая крики казахов, грянул гром. Ему хотелось перекреститься, но потом наваждение спало — он понял, что это был за звук.

— Ложись! — крикнул Василь и повалился на шкуры, закрывая голову. Василь видел что первым упал Ким и это вызвало укол паранойи — кто он такой, что так умело воюет? Раздался свист, грянул взрыв — юрту затрясло, как под градом. Снаружи истошно вопили ордынцы, вот только это были крики боли.

— Барра! — послышался яростный крик.

— Встаём! За мной! — заорал Василь. Он откинул полог и выскочил первым.

Наружный слой шкур на юртах был взлохмачен, будто на него напало облако моли. У входа скрючились измочаленные тела — полдюжину убитых и раненых. Горящие факелы шипели в снегу, освещая площадку перед юртой и бьющуюся с ордынцем девушку. Алёнка отбивалась от ордынца — тот теснил её, отражая удары щитом и сам нанося удары саблей. Василь глянул и понял, что у неё, с её ножичками, против бойца с саблей и щитом шансов почти не было. С задней стороны юрты бежала подмога — трое ордынцев, что разбирали юрту с задней стороны.

— Барра! — заорал Василь, повернувшись к троице противников. Древний римский клич звучал на удивление уместно здесь, где всё решала сталь. Ближайший казах, на которого налетел Василь, успел отразить щитом удар. Искандер ткнул копьём, но и его удар бессильно скользнул по щиту. Троица ордынцев остановилась и, выставив вперёд щиты, двинулась на Василя и пару его бойцов.

«Задавят нас», — мелькнула у законника мысль. Он оттолкнулся от плотного снега и в прыжке ударил ногой в щит среднего из ордынцев. Казах отшатнулся и рухнул на снег — Василь быстро уколол саблей в неприкрытый бок другого работорговца. Тот переместил щит, чтобы защититься, но в который раз за сегодня Искандер не подвёл — воткнул копье в открывшееся бедро. Казах заорал, забыв об защите, и Василь нанёс удар сверху, рассекая голову.

Справа от Василя дрался Ким. По всем правилам казах с щитом и мечом должен был легко победить вооружённого дубиной корейца, но тот ловко отражал все удары, и как-то удивительно быстро обезоружил и оглушил своего оппонента. Противник Алёнки обернулся на крик и, увидев, что остался в меньшинстве, бросился прочь. Алёна бросилась следом и шагов через двадцать догнала, сбив казаха с ног и перерезая горло. Последний из ордынцев, кого Василь сбил с ног в самом начале боя, бросил оружие и поднял руки. Василь, тяжело дыша, огляделся — поле боя осталось за ними.

— Василь, что это было? Что их убило? — спросил Искандер, тяжело дыша.

— Гранатомет «Громобой». Как сигнальная ракетница, но заряд мощнее и с осколочной начинкой. Взрывается через три секунды после выстрела и выбрасывает облако осколков. У меня на нартах был, — сказал Василь.

— Это Алёнка? И она умеет им пользоваться?

— Она всем умеет, — проворчал Василий. Он подумал, что бы было с ними, если бы шкуры были не такие прочные. Знала она, что юрта выдержит? Или ей было безразлично?

Живых ордынцев осталось двое — один раненый, попавший под удар «Громобоя» и

второй, сдавшийся Василию. Василь оставил Искандера охранять пленных, а сам отправился искать толстяка — вот только тот словно сквозь землю провалился. Вот только в одной из юрт, под наваленной горой одежды, его ждал неожиданный подарок — отравивший их старик. Результат допроса оказался обескураживающими. Ордынцы были обычными работорговцами, уже несколько лет покусывающими караваны на главном торговом тракте Белорецка. Почему они решили напасть на их маленькую, да и более чем хорошо вооружённую группу, он не знал, его задачей было разведать и подсыпать снотворное в еду. Василь выругался — он так и не узнал, кто же рискнул навести на него работорговцев.

Они вернулись к большой юрте, где ждали пленные, на лице у пленного ордынца алела свежая ссадина. Василь чувствовал, что у него едва хватило сил, чтобы стоять — действие стимулятора закончилось. Почему-то ужасно болели кости рук. От всего этого — от плена, скоротечного боя, внутри было удивительно гадкое чувство — не его это дело, крошить в капусту бандитов, не его. Его дело цифры, его дело документы, поиск расхождений, по которым легко выявить хищения. Работорговцы не его противник, его враг — это скользкие типы из городской администрации. «Плохо, почему же так плохо», — подумал он.

Туман сгустился ещё сильнее, Василь едва различал, что было в пяти метрах. От мира остался только небольшой круг, с одной стороны которого был он, а с другой, окружённые яростно кричащими жертвами, пленные. Пахло кровью, порохом — законника чуть не стошнило.

Василь подумал, что не зря комендант посоветовал вербануть Искандера. Вроде мелкий и тощий, но скорость и сила были поразительны. Ему даже стало интересно, если бы они подрались с Алёнкой, кто победил.

Алёна ходила вокруг пленных, приплясывая от возбуждения. Словно не было позади ночи погони, ожидания и боя, от напряжения которого звенел каждый нерв. «Всё ведь знает, зараза, — подумал он, — всё она знает. Знает, что пленных нельзя тащить с собой, потому что некому их охранять и на первой же стоянке они или сбегут и порежут кого-то из часовых. Знает, что без медицинской помощи, раненый не протянет и суток. Знает, что отпускать их нельзя, ведь может быть поблизости ещё один отряд, который они отправят по их следу. Всё она знает и ждёт его решения».

Хотелось, просто пугающе, до дрожи хотелось, чтобы решение принял кто-то другой. Но нет, не было никого, кроме него. Василь встал, внезапно поняв простую вещь. Он не может отступить, как не могли отступить сотни людей, которые называли себя законниками. Вот же, живой человек, как можно убить? Но в голове настойчиво бьются слова Молчанова: «Закон, который мы создаем, это не когда ты хорошо и безопасно живёшь в Столице. Закон — это если простой житель может уехать в любой город Республики, и его не убьют и не ограбят в пути». Василь посмотрел на Алёну, в её пугающие, ждущие глаза.

— Делай, что должно, — приказал он, и понял, что это звучит как приказ, — Исполни их.

— Исполнить? — непонимающе спросил Искандер.

Алёна подошла ордынцу — тот сидел на коленях, заведя руки за голову.

— Уголовный кодекс Башкирии. Похищение человека с целью продажи. Так ведь? — спросила она у Василя. — Приговор — смертная казнь.

— Так они законники? — прошептал кто-то.

Василь видел, как в глазах караванщиков радость освобождения сменяется страхом. Ордынец пытался загордиться, но Алёна уколола его саблей в артерию. Агония

работорговца была недолгой. Она подошла к старику, тот смотрел молча и с ненавистью, не моля о помощи. Искандер бросился между наводчиком и девушкой, расставив руки.

— Вы что, нельзя так! — крикнул он.

— Почему нельзя? Тут есть следствие, суд и приговор, — устало ответил Василь, — они нарушили закон? Нарушили. Есть ли у них оправдательные мотивы? Нет, только отягощающие.

— Отойди, — сказала жёстко Алёна.

Искандер замер с открытым ртом. Он обернулся, ища поддержки у недавних пленников. Те дружно смотрели на Алёну и Василя, словно те пугали их больше, чем работорговцы. После минутного колебания сибаетц отошёл в сторону.

— Уголовный кодекс Башкирии. Похищение человека в составе организованной группы с целью продажи. Приговор — смертная казнь, — с наслаждением произнесла Алёна.

Василь понимал, каким его сейчас видят люди из каравана. Словно и не человек он, не тот, с кем они делили хлеб, а убийца, хуже ордынца.

«Плевать, что они думают, — подумал он. — Мы несём закон и, однажды, когда мы закончим свою работу, Республика будет восстановлена».

Глава 4. Василь

Ветер свистит в ушах.

«Бух-бух-бух», — бьют копыта в слежавшийся, плотный снег. Олени взяли темп и теперь неостановимо несут нарты по равнине. Незаметно пролетали бесконечные километры — только привалы отмеряли бескрайнюю дорогу. Справа от наезженной тропы высились горы с тёмной щетиной сосен на пологих склонах. Слева раскинулась равнина — рыхлая, с почерневшими прогалами растаявшего снега. До Сибая оставалось всего ничего, Василь видел высокий конус дыма от ТЭЦ, растворяющийся в чистом небе.

Пока они спускалась с гор, он видел Магнитогорск, отсюда тот казался тёмным лесом посреди пустой снежной равнины. За десятилетия, что прошли от Зимы, деревьев не прибавилось — немногочисленные жители вырубали всё, до чего могли добраться. Город выжил, хотя от него осталось лишь несколько сотен жителей, которые как-то выживали на дровах и на торговле между Сибаем и Белорецком. За мёртвым Магнитогорском начиналась Уральская республика, где снова расцветала жизнь.

Сейчас, когда до Сибая оставалось несколько переходов, Василь понял, как же он не хочет ехать туда. От одной мысли, что он снова окажется в затхлом, перенаселённом городе, в висках разгоралась боль. Проще было не думать, наслаждаясь беззаботными часами дороги. Короткое время, отпущенное ему на разведку, стремительно истекало. Стоит ему вернуться в город и каждый узнает, что он законник, и начнется тоскливая, изматывающая работа. Василь подставил лицо солнцу, размышляя, что же ему удалось узнать за три недели.

Сибай был хорошим городом — во многом лучше, чем Уфа. Вот только вся верхушка его была гнилой. Когда он вернётся, все эти начальники, привыкшие объедать город, объединятся против него — просто чтобы защититься. На его же стороне только комендант, на глазах теряющий власть. Хотя у него появился ещё один союзник — по взгляду Искандера были понятны обуревающие парня сомнения. Нужно лишь немного подтолкнуть...

— Ручей! — закричал Косарь на головных нартах.

Василь натянул поводья, и олени с хрипом затормозили. Он оглядел остановившийся караван — после плена тот ужасно до шести нарт, половина из которых была трофейными. Погонщики ехали поодиночке на тяжело груженных нартах — только им и можно было доверить драгоценный груз, купленный в Сибее. Они везли лекарства, запчасти для загибающейся машинерии города. На остальных санях ехали по двое. Василь с раздражением посмотрел на сани Кима и Алёнки. После боя он щедро заплатил ей трофейными деньгами и отправил восвояси, деньги она взяла, но уходить не стала. На все возражения Василя сказала, что хочет поискать работу в Сибее. Ещё двое нарт отдали семейным парам из Белорецка, вместе с Василем ехал Искандер — сейчас тот спал, накрывшись шкурой.

Они ехали чуть в стороне от основной дороги — Косарь сказал, что там под снегом могут быть промоины. Это было похоже на правду — пару раз караван останавливался у провалов в снегу, пробитых тающим ручьём. Косарь направил упряжку в сторону, по широкому кругу объезжая сверкающую воду. За ним следом поехала вторая упряжка с парой из Белорецка. Через минуту за ними направил нарты Василь. Он посмотрел сверху в провал — внизу под снегом бежал ручей, пробивая стены. Звук ручья бередил душу: живя по девять месяцев в подземных коробках понимаешь, какое же это счастье, слушать звуки весны. Василь поймал себя на мысли, что ему нравится ехать, управляя нартами. В Квадрате его

обучили управлять всем, от саней до танка, но только сейчас, спустя восемь лет, он почувствовал от этого удовольствие.

Солнце жарило по-весеннему щедро — Василь откинул капюшон, подставляя лицо теплу. Оно разогрело равнину, и та сверкала морем страз. Василию довелось жить в Астане и Нижнекамске — ещё до войны с Казанью. В южном Казахстане было хорошо — там лето четыре месяца, но только там он понял, как же любит родные холмы Башкирии. Когда-то один из учителей рассказал ему романтическую легенду, что башкиры выбрали эту землю за то, что мягкие линии холмов у степи напоминали им изгибы тела женщины. Может, это было просто легендой, но что-то было в этих ландшафтах, от чего душа наполнялась трепетной радостью.

Тающая равнина ослепляла — даже в защитных очках приходилось ехать почти зажмурившись, доверяясь больше чутью оленей. Был конец мая — через месяц равнина станет непроходимым болотом. Её разрежут тысячи ручьев, наполненные рыбой, а вслед за отступающим снегом придёт живность. Её и сейчас много — леса Заповедника полны белки и соболя, но весной придут изюбри, лоси, дикие олени, горностаи и лисы. Начнётся ненасытное башкирское лето длиной в месяц — за пару дней взметнётся трава, стараясь нагнать всё за короткий срок. Можно будет выйти в одном свитере и лечь спать в разнотравье, опьянённый запахами...

Впереди дико заорал Косарь. Василь инстинктивно дёрнул поводья, остановив упряжку. Он увидел, как идущие первыми нарты каравана провалились сквозь снег, и загрохотал поток воды.

— Назад! — заорал Василь, борясь с запаниковавшими оленями.

Впереди, едва слышимые сквозь гул воды, доносились крики. Василь вытащил снегоступы и, улёгшись грудью на них, начал подползать к краю, где ручей превратился в широкую реку и подмыл края — те нависали широким, обманчиво плотным навесом. На такой край и заехал Косарь — сейчас его уносило бурной водой, а следом за ними провалилась вторая упряжка с парой из Белорецка. Косарь вынырнул из ручья и, обхватив шею оленя, орудовал ножом, стараясь отрезать ремни тянущих на дно нарт. Олени второй упряжки бились на самом краю ручья, вода неумолимо утягивала их под навес из снега. Мужчина пытался вытолкать жену на крепкий край полыни, но ненасытная вода уже утягивала их. «Или засосёт, или замёрзнут», — подумал законник.

— Режь упряжь! — орал Искандер. — Олени вытянут!

Мужчина его не слушал — он попытался удержать жену над водой, борясь с сильным течением. Оставшиеся без управления олени пытались выгрести к берегу, на призывный вопль Коваля. Василию хотелось броситься в воду, но стиснув зубы, он тут же загасил в себе позыв к героизму. Он взял с саней верёвку и побежал вдоль ручья, на ходу делая петлю. Краем глаза Василь видел, что Ким разделся, взял в зубы нож и умело спрыгнул вниз. Кореец уверенным гребками доплыл до тонущей упряжки. В который раз Василь подумал, что не бывает таких навыков у механиков. Упряжка уже скрылась в воде, на поверхности были видны только головы оленей, и Ким в последние секунды смог отрезать ремни. Животные тут же начали выгребать к берегу, где их ждали Василь и Ковыль с верёвкой. Они накинули петлю на крайнего оленя, помогая ему выбраться на прочный снег.

Василь выдохнул, чувствуя, как бьётся сердце от волнения — всё заняло не более двух минут. Ковыль ухватил крайнего оленя, выбравшегося из воды, и удерживал его, пока тот не успокоился. Чуть ниже по течению ручья выбрался и Косарь, держась за остатки упряжи.

Олени поволокли его по снегу и бросились к Ковылю — старший олень в тройке уткнулся ладонью в плечо погонщика, словно жалуясь. В нескольких десятках метров ниже по течению на прочный снег выполз мужчина, но без жены — Искандер был уже там, помогая ему выбраться. Он отвёл упряжки каравана в сторону, где не было следов талого снега.

— Искандер, разводи огонь! — приказал Василь. — Остальные, соберите чум.

Охранник снял с нарт толстые чушки, установив печь прямо на снегу, умело разведя огонь — через минуту поднялся дым. Остальные под командой Ковыля поставили чум и накидали на полы шкуры. Женщина хлопотала, растирая людей спиртом. Василь посмотрел на бледное лицо Кима — кожа была синей, зрачки расширились. Его напоили алкоголем, завалили шкурами, но легче ему не становилось.

— Алёнка, быстрее сюда, — крикнул Василь. Когда девушка зашла в палатку, он приказал ей залезть под одеяло и греть замёрзшего корейца.

— Ты же меня выгнал? А сейчас что, бросай всё и раздевайся? — спросила девушка, иронично подняв бровь.

Она продолжала ворчать, но проворно разделась. Когда она скинула защитную стёганку с кровавым пятном под лопаткой, женщина, растиравшая Кима, вскрикнула от ужаса — всё тело Алёны было покрыто сплошной уродливой сеткой шрамов. Если бы не это, она была бы совершенством. У неё было накаченное тело атлетки — широкие плечи, сильные руки с рельефной мускулатурой. Грудь и лопатку Алёны перехватывала плотная повязка — кто же ей помог-то, подумал он.

— А почему меня не греют? — заныл, стуча зубами, Косарь.

— Тебя убить надо, — зло сказал Василь, — завёл нас в ручей. Но если хочешь, я к тебе лягу.

Погонщик вздрогнул от страха. Василь подумал, что по-своему это хорошо, что он так боится. Вернёмся в город, и ждет его допрос, а тут и делать ничего не нужно, чуть надавить и погонщик всё выложит. Может, даже до города получится. Василь вышел на улицу, оглядывая нежданное место стоянки. Ковыль распряг оленей, согнал их в стадо и возился с упряжками. Остальные сустились у огня, поставив на очаг котелок.

— Сутки ведь оставались, — выругался законник, — ордынцев пережили, дорогу, а тут раз, споткнулись на ровном месте.

— Что делать будем? — спросил Искандер.

Василь осмотрел нарты и груз. «Не дойдём, — подумал он, — нужно звать на помощь». Законник достал с нарт чемоданчик с сигнальным пистолетом. В голове у него до сих пор был слышен звук, с которым провалился Косарь. Почему-то его кольнула мысль, что не случайно погонщик выбрал опасный путь. Может, надеялся, что Василь провалиться? Ведь его сани были самыми гружеными. Он отогнал от себя эти мысли.

* * *

Через два дня, когда Киму стало лучше, и Василь уже думал продолжить переход самостоятельно, к ним пришла помощь.

Законник сидел у костра, по плоточку отхлёбывая обжигающий чай из кружки. Вокруг раскинулся временный лагерь, люди из города ставили чумы, чтобы переждать ночь — никто не хотел рисковать ночным путешествием по тающей равнине. Василь с интересом оглядывал охрану. Приехало четыре человека Александра и два караванщика, которых он до этого не видел. Один был одноглазый, но автомат был словно продолжением рук. Второй тоже был человек непростой, с жёстким взглядом и шрамом на шее. Охрана их сторонились,

и видно не зря — они тут же нашли общий язык с Алёнкой. «Комендант подстраховался, — подумал Василь, — не доверяет он своему начальнику охраны».

В ночном небе почти не было звёзд, только серебристые облака ползли по тёмному небосводу. Василь достал травяной настой — он нашёл целый мешок в одной из юрт ордынцев. Они взяли в лагере всё, что влезло на нарты. Убитых свалили в лощину и засыпали снегом — по возвращении в город Василь намеревался позвонить в Белорецк и сообщить о разгромленной стоянке.

Сейчас, когда плен остался позади, он понял, что этот эпизод мало повлиял на его планы. Василь не испытывал никаких чувств к налетчикам — ни ненависти, ни страха. Он понимал, что грабёж караванов являлся их укладом жизни. Винить их глупо — Уфа грабила деревни, назначая чудовищные цены за топливо, оружие и лекарства. Белорецк тоже обирал все деревни в своих владениях, требуя непомерную плату за защиту. Так что ничем они от работорговцев не отличались — тоже грабили, до кого дотягивались. Так просто можно сказать, что вот это степняки, дикий народ, а они — носители культуры, и потому лучше. Вот только как оправдать себя, если они такие же. Если нужно убить — убивали, обмануть — обманывали, за что ненавидеть их? Но вот к тому, кто навёл работорговцев, он чувствовал искреннюю ненависть.

Ещё Василь ломал голову, кем же был кореец. То, как он дрался в плену — с дубинкой против мечника, — показывало очень хорошую подготовку. Но если он шпион, неужели он ни разу не выдал себя? Ведь несколько лет пожив в Уфе, он почему-то не вызвал внимание охраны. С какой-то целью он оказался в этом караване — нужно было найти способ проверить его.

Василь увидел, как из юрты вышел Искандер. «Как раз вовремя», — подумал законник, снимая с огня раскалённый чайник и наливая в чашки густое варево — чаем его можно было назвать лишь с большой натяжкой, но для бессонной ночи это был отличный напиток.

— Я спросить хотел, — начал Искандер, садясь на складную скамейку у костра, — зачем ты приехал в Сибай? Из-за терактов?

— Какие ещё теракты? — удивлённо спросил Василь.

Искандер посмотрел на него и начал рассказывать. За последний месяц в городе было два взрыва, четыре нападения на охрану и бесчисленные техногенные аварии, когда пропадал кабель или был повреждён трубопровод. «О таком меня не предупреждали», — подумал Василь со злостью. Комендант, тот еще конспиратор, и это утаил. Сказал, что есть проблемы с хищениями, и всё.

Из юрты вышел Ким. По тому, как тот шёл — словно вколачивая ноги в снег, были видны кипящие в парне эмоции. Он сел с противоположной стороны от Искандера, словно тот был ему ещё более неприятен, чем Василь. Тут тоже всё было понятно, Ким не мог отвести глаз от Алёны, а та всё время кидала заинтересованные взгляды на Искандера.

— Почему ты с ней так? — сказал Ким со злостью. — Она же нам всем жизнь спасла, а ты её из каравана вышвырнул. Не по-людски...

— Ну и что, что спасла, — ответил Василь жёстко. — Я её выгнал, потому что она зека и убийца.

Искандер поперхнулся чаем.

— Кстати, ты тоже по тонкому льду ходишь, — сказал Василь, сделав глоток настоя и поморщившись. — Где ты так махать дубинкой выучился? Мастерство сразу видно.

Ким замолчал, смотря в огонь.

— Я служил. 6-й Чекмагушский аэросанный батальон, — ответил он неторопливо, — сержант, водитель-механик.

«Снежная кавалерия», — подумал Василь отстранённо. Звучало складно — на Западе шла война за Туймазы, и там воевали лучшие части Уфы. Защищённые стенами и пулемётами нефтяные городки делали бесполезным прямой штурм, и вся война шла на коммуникациях — взять укреплённую точку в осаду, уничтожить обозы, перехватить подкрепления. В такой войне аэросани с пулемётами были смертельным оружием. Народ там подбирался под стать — все с опытом войны против степных налётчиков, кто мог починить любую поломку. Это объясняло и навыки механика, и военные навыки.

— А в Сибай зачем поехал? — спросил Василь.

— Купили, — махнул култей Ким. — Когда руки лишился, меня на пенсию вышибли. Как механик мотался по всей Республике. Сейчас в Сибайе работу предложили — сказали механики нужны на станцию.

Василь смотрел на лицо Кима — если тот и врал, то никак себя не выдал.

— Звучит складно, — сказал Василь, — но я позвоню в Уфу и проверю.

— Проверь, — ответил Ким безразлично. — Ты так и не сказал про Алёну. Даже если она зека, зачем гнобить?

«Интересно, — подумал Василь, — она ему не безразлична? Или это какая-то легенда, чтобы объяснить, почему он ввязался в драку? Так-то складно звучало — ради такой девушки можно и в ледяной ручей прыгнуть».

— Вначале ответь на один вопрос, — сказал Василь. — Ты ей перевязку сделал?

Ким кивнул.

— Да. Сама позвала, попросила помочь.

— А почему тебя?

— Не его, меня, — вклинился Искандер, — но я не рискнул с ней оставаться. Попросил Кима.

Василь рассмеялся.

— От такого подарка, да и отказаться. Искандер, не ожидал. А как ты смог одной рукой ей перевязку сделать?

Ким выругался, подскочил и скрылся в чуме.

«Легенда должна соответствовать твоей личности и навыкам, — подумал Василь, — это базовое правило конспирации. Снежную кавалерию не учат фехтовать — к аэросаням с пулемётом ни один мечник не подберётся. Это нужно только законникам — когда на тебя идёт уголовник с ножом, ты должен быть лучше, чем он. Так кто же обучил тебя драться на саблях так, как это делают только в Квадрате?»

— Ты его подозреваешь? — спросил Искандер.

— Конечно. И хорошо, что попались ордынцы, иначе бы я так и думал, что он просто безрукий инвалид.

— А что тогда с Алёной не то? — спросил Искандер. — Он ведь прав. Алёна воевала с нами на одной стороне. Ты сам ее взял с собой в Белорецк, а потом выгнал.

— Вот скажи мне, почему не стал с ней оставаться наедине? — ответил вопросом на вопрос Василь.

Искандер нахмурился, подбирая ответ. «Наверное, и сам не знает ответ, — подумал Василь, — но вот чутьё у парня есть».

— Ты же сам сказал, не подходить к ней, — осторожно ответил Искандер.

— А у тебя даже сомнений не возникло? — рассмеялся Василь. — Ладно, объясню тебе. Видно, мало ты с урками общался. Помнишь, на стоянке ордынцев упряжка эвенков была? Это ведь на ней она нас догнала. Думаешь, эвенк просто так отдал своё главное богатство?

— Может и отдал, — запротестовал Искандер. — Почему думаешь, что сразу убила. Могла украсть. Могла угрожать.

Василь помолчал, отхлёбывая чай. Беда с парнями, очаровала она их.

— Я приехал в Сибай с караваном из Белорецка. Мы на нартах втроем должны были ехать — ко мне сел боец, и ещё бросили связанную девушку. Я её знал до этого, но встретить тут? Я тогда спросил у бойца, кто он такая? А тот с улыбкой отвечает, мол, волки нападут, чем патроны тратить, проще им мяска подкинуть.

Искандер промолчал. Лицо было непроницаемым.

— Белорецкие парни простые, — продолжил Василь, — чтобы они такую девчонку и волкам отдали? Ну и одёжка у неё, сам видишь какая — она из Зауральских, а это такой народ, с которым не ссорятся. Те за своего пятерых убивают. Решил поговорить с ней, а она только шутками сыпет — видно, не хочет при Белорецких разговаривать. Ночью волки нас нагнали, хотя и стреляем в них, но что-то не отстают. Вижу, что боец уже её выкинуть собрался, а она на меня смотрит и говорит тихо «Nobiscum Deus». Знаешь, что это значит?

Тот покачал головой.

— Был такой боевой клич у римлян, — пояснил Василь, — Но не суть. Главное, что такой клич ты можешь у смертников услышать, и только в одном месте. В Квадрате. Но чтобы туда попасть, нужно что-то экстраординарное совершить — не просто эвенка порезать, а минимум деревеньку зачистить. Я все же решил ей помочь. Разрезал верёвки, вручил нож и выпихнул с саней.

Василь замолчал, сел и отхлебнул остывшего чаю. Во рту оставался мерзкий кислый вкус настоя.

— Потом, уже у самого Сибая, она нас нагнала — просыпаюсь, а она внутри чума. Сижу, пистолет на неё направил, а она нож мне отдаёт и волчьи уши. У бойцов из Зауральских, если мальчик хочет жениться, идёт и убивает волка одним ножом. Понятно, не замуж она хотела, намекнула, что может быть полезной. Ну а потом у меня дилемма — Белорецкие на меня смотрят хлеще, чем волки. Они-то её пристрелить хотели, а теперь она типа со мной, не тронешь. На привале ночью сидел с ней в чуме и сторожил — то ли её от белорецких, то ли себя от неё. В город приехали, я спрашиваю у десятника охраны, что за птица. Того аж затрясло — запрети её, кричит, поглубже и ключ выкини! Или лучше шлёпни — у неё вышка ломится и в Уфе, кучу охраны положила.

Он помешал в костре угли. Сейчас был ход Искандера, и через минуту тот тихо спросил:

— Так почему ты здесь?

Василь про себя улыбнулся. Парень уже на крючке.

— Крысы у вас в администрации. Охрана их покрывает.

Искандер дёрнулся, сжав кулаки.

— Врёшь! — Почти прорычал он.

— В городе такого размера, как у вас, примерно пятьдесят руководителей и человек двести младшего руководства. Иногда больше, иногда меньше, но в целом по республике пропорция одинакова. И, можешь быть уверен, хоть одного, но каждый год ловят на воровстве. А у вас когда последний раз суд был? Молчишь? Так я сам скажу: четыре года назад. Так что или охрана мышей не ловит, или ваш начальник в доле.

Василь посмотрел на парня. Тот ловил ртом воздух, но не мог найти слов.

— Как раз поэтому я поехал в Белорецк, а там увидел схему за пару часов. В общем, смотри — Сибай поставляет сырьё, берёт лекарства и запчасти. У погонщиков нет денег на руках, Белорецк отдаем им товары по заявке из города. Вроде всё прозрачно. Вот только по приезду я захожу прямо в Торговую Комиссию Белорецка. Там оценивают медь и мне дают высший класс, а в накладных, подписанных Ильфатом, почему-то второй и третий. Разница в половину цены. Проверка минутная. Пока я там с медью разбирался, погонщики сами забрали лекарства, по-шустрому всё погрузили. Без разговоров режу мешки, открываю, а там аспирин, которому лет двадцать, ну и антибиотики, которые тебя старше. Вот ты мне и скажи, много людей у вас в городе мрёт, от того, что лекарства не помогли?

Искандер угрюмо молчал.

— Вернёмся в Сибай, первый вопрос у меня будет к Плюхе, он подписывает накладные. Вторая к вашему врачу, Луизе, она принимает лекарства. Третий вопрос к Александере, он должен был их контролировать. Да и тебе стоит ему вопрос задать.

— С чего ты взял, что он причастен?

— Ну, смотри. Погонщики. По ним видно, они люди ценные. Ну а тут вдруг Плюха обоих засунул к нам в караван. В караване есть я, ну тут всё понятно. Потом двое караванщиков, которые в курсе всех схем и могут наговорить лишнего. Люди Фангата в охране — они пропадут, никто искать не будет. Но себя спроси, как совпало, что ты оказался в этом караване?

Василь понимал, что рискует — только что он раскрыл ключевые детали расследования. С другой стороны, ещё вчера парень был третьим человеком в охране. Кому выгоднее всего, чтобы Александеру сняли? Искандер явно метил на место начальника охраны, и его чуть не выгнали из охраны две недели назад.

Василь посмотрел на ночной лагерь. Неподалёку от костра прогуливался боец со шрамом на шее — явно охранял его, Василя, от городских. Чуть дальше охранники Александеры берегли Косаря, чтобы не дать его допросить. Тот тоже не спит, трясется, Искандер не спит, Ким не спит, да и вообще, вроде ночь, но никто не спит!

«Похоже, только один человек сейчас спокойно спит, — с завистью подумал Василь, — и это Алёна».

Глава 5. Ким

Ким проснулся от заводского гудка.

Сквозь бревенчатые стены барака пробивался далёкий гул со станции, перекрывая храп людей. Кореец высунул голову из-под тощего одеяла, вдохнув воздух ночлежки. Горло обожгло морозом, и он зашёлся в мучительном кашле. Через несколько минут приступ отступил. Ким сел на кровати, чувствуя, что его знобит. Он слушал, как по бараку неуверенно пробирались обитатели — мрак в бараке рассеивало лишь пятно света на полу, пробивающееся сквозь небольшое окно.

— Что лежишь, сынок, — спросил у Кима охрипший голос, — нездоровится?

На кровать корейца сел дед в ватнике, потирая лысину.

— Да, Гамир-абы, — с трудом ответил Ким, — проклятый кашель. Наверное, полежу немного.

— Плохо, — сказал лысый дед, — твоё время, оно утреннее. Не найдёшь работу, придётся за палкой дров идти.

Гамир был прав — для него, однорукого, работу в городе можно было найти только, если встать раньше других работяг. Вчера он был один из первых и успел найти хорошее дельце — нужно было почистить печь в харчевне Клёцки. Приди он на десять минут позже, не урвал бы. За несложную работу Киму отвалили две копейки и дали каши. Потом он нашёл шахтёра, которому нужно было заштопать штаны — это позволило оплатить ужин и ночлежку.

— Пойду я, — сказал дед, — может, сегодня повезёт. Третий день уже дрова таскаю.

Сердце Кима сжалось, он жалел старика и ничем не мог помочь — в городе толкались тысячи людей с окрестных деревень. У старика было мало шансов попасть в шахту или на фермы, слишком много тут было молодых, готовых на всё за кусок хлеба. Весна, в деревнях было голодно и люди искали лучшей доли в городах.

Ким сел на кровати, оглядываясь по сторонам. Есть ли слежка? Неудачно получилось с налётом работорговцев. Отлично продуманный план по внедрению рухнул из-за нелепого совпадения, но кто мог знать, что в караване будет законник? Всё, что оставалось Киму, это затаиться и ждать, пока про него забудут. Вот только сможет ли он зацепиться в городе до этого момента?

В любом другом городе, он мог бы попросить помощи у народников. В Уфе, хотя там власти вели непрерывную войну с ячейками, через пару дней он нашёл бы своих в любом цеху, мастерской. В Сибее же он не видел никаких следов подполья — люди работали на износ, но даже не заикались, чтобы объединиться и защитить свои интересы. Ким спросил было у деда, почему, тот испуганным шёпотом сказал, чтобы Ким даже не думал произносить это слово. На второй день в Сибее Ким понял причину — мордатые бойцы из уфимского гарнизона. Стоило им увидеть собравшуюся толпу, как люди исчезали, чтобы появиться через пару дней, в синяках и с отбитым желанием протестовать. Он хорошо понимал местных — помнил, какой допрос ждал его после освобождения из Тубен Камы, где он был единственным выжившим из более тридцати попавших в плен. Ким был уверен, что народники тут есть — скорее всего, во Внутреннем городе, куда не было доступа бойцам из гарнизона. Но как связаться с ними, не выдав себя?

Ким проверил заначку во внутреннем кармане — две невесомые медные пластинки

номиналом в копейку. Каждая из них — это обед или ужин, или же за две копейки можно было получить койку в бараке. Ким помассировал грудь — его беспокоил кашель, прием в госпитале стоил рубль, месячная зарплата в городе.

Нужно было вставать — через двадцать минут после первого гудка охрана закрывала ночлежки на замок. Ким поднялся кровати и начал собирать постель — вместо подушки у него был рюкзак, вместо простыни одеяло. Ким подумал, что ему повезло, что он заполучил второе одеяло в лагере ордынцев — без него сейчас околел бы от мороза. «Вот только если бы не ордынцы, — подумал он зло, — сейчас он бы не прозябал во Внешнем городе». Перед глазами встало лицо Василя — ненавистное, пугающее. Стоило им въехать в город, как Василь сказал что-то невысокому мужику в дорогой экипировке, встречавшему их в воротах — охрана тут же оттеснила Кима от каравана и не дала ему войти во Внутренний город.

Барак опустел — работяги оставляли свои вещи на нарах и шли наружу. Те, у кого не было денег оплатить в ночлежке ещё на один день, забирали вещи с собой. Если они не смогут найти деньги на ночлег, вечером охрана выгонит их из Внешнего города на стоянку к северянам, а там, за воротами, найти деньги ещё сложнее. Ким с беззвучным стоном отдал охраннику последние копейки и вышел из барака — на дверях лязгнул замок.

— Вали давай, не пропадёт твоё шмотьё, — процедил он.

— Да не, я спросить хотел, — ответил Ким, — я не понимаю, зачем вы нас в деревянном бараке селите? Вокруг же полно пустых многоэтажек.

— В каменном доме без отопления мы бы четверть ваших утром хоронили, — злобно обронил охранник. — Для зимы ничего лучше бревенчатого дома не придумали.

Грубиян подул на замёрзшие руки, натянул перчатки и пошёл прочь. В свете фонаря была видна улица, застроенная одинаковыми бараками. В свежем воздухе стоял резкий запах навоза, над крышами стелился дым из печей. Ким посмотрел вслед охраннику, чувствуя, как внутри закипает ненависть. «Презираете нас, — подумал он, — а в бараки селите, чтобы указать пришлым, что им не место в городе».

Мимо Кима брели сонные люди, кутаясь в ватники и шубы, он пошёл следом. У барачного городка был свой центр — небольшая площадь, с тремя трактирами, и зданиями администрации. Поток работяг разделился — у кого водились деньги, те разбредались по трактирам на завтрак, остальные шли к зданию администрации, где городские начальники уже начали набирать рабочих.

За воротами начинался ещё один район — Стойбище, к которому примыкала Уфимская фактория. Там был вокзал, казармы гарнизона и раскинулись огромные склады для скота и товаров. С окрестных деревень в Сибай приезжали крестьяне, чтобы продать живой товар и закупиться лекарствами и оружием. Ким подумал, что если не сможет найти ночлег, то какую-то работу он сможет найти и в Фактории.

Ким направился в трактир «Жирная клёцка», где вчера ему обломилась работа. Заведение встретило его шумом и суетливой скоплением людей — огромный зал был битком набит работягами, торопливо поедающими кашу перед сменой. Ким протиснулся к прилавку, где огромный кабатчик командовал суетливой обслугой. Хозяина из-за названия трактира все в городе называли Клёцкой.

— О, привет, — крикнул он Киму, перекрывая шум толпы, — пожрать пришёл?

От запаха овсяной каши рот Кима наполнился слюной. Тут же, за спиной у раздатчиков, громоздились буханки мерзкого, испечённого без зерна хлеба, высились огромные чаны с травяным чаем. Ким спросил про работу, но Клёцка отрицательно покачал головой. Кореец

оглядел зал в поиске знакомых, кто мог одолжить денег.

В столовой все разговоры были о Василе. Это злило Кима — в разговорах законника превозносили до небес. По рассказам выходило, что он в одиночку отбил от ордынцев. С одной стороны, слава законников была заслуженной — в Уфе две сотни людей Квадрата сделали так, что закон в Столице не нарушали даже в мелочах. Ким считал, что дело было вовсе не в каких-то особых правоохранительных навыках, а в зашкаливающей жестокости — там, где городская охрана за воровство резала палец, законники отрубали руку. Он помнил, как в армии у них в части обнесли склад с зимней одеждой. Пару дней армейская полиция пыталась разобраться своими силами, но потом позвали дознавателей из Уфы. В часть приехали два неприметных тертых мужика и несколько дней неторопливо опрашивали всех, кто мог что-то знать про налёт. Ещё через два дня появились первые результаты расследования — у дверей медчасти появился запуганный новобранец с отрезанными мочками ушей, и его подельники тут же сдались.

За одним из столов Ким увидел должника. Это был огромный бородач с круглым азиатским лицом — позавчера он отдал Киму унты на починку, но за работу не заплатил. Кореец подумал, что можно попробовать стясти обещанные четыре копейки.

— Доброго здоровья, — подошёл Ким к бородачу, — как обувка, удобна?

— О, привет! Хорошо сделал, — одобрительно сказал тот, вытягивая ногу, а потом повернулся к своим товарищам по столу, — если нужно одежду зашить или обувь, вот к нему обращайтесь. Хорошо делает, и не смотрите, что однорукий.

С ним была пара работяг — один, с бритой головой и осунувшимся лицом, ел кашу. Явно мордвин: по бородачу было ясно, что с русским он за стол бы не сел. Ким не раз видел таких и в Уфе, и в армии — те разве что ноги о русских не вытирали. Второй был низкий башкир — тот сыто раскинулся на стуле, поедая чёрный хлеб с шматом сала.

— Ещё бы ты заплатил за работу, — проворчал Ким.

Бородач с усмешкой посмотрел на корейца.

— Да ты что, думаешь, я тебя опрокинуть хочу? Сказал же, отдам! У меня накладка вышла. Деньги были, но дело важное подвернулось. Всё туда вложил и тебе не смог отдать. Сейчас тоже не могу — на все копые еды купил. Но завтра после смены всё верну. Выпьешь? Не бойсь, это бесплатно.

Ким дали стакан с мутным самогоном и кусок ржаного хлеба не больше пальца. Он молча сел на свободный стул.

— А что за дело у тебя было? — спросил мордвин у бородача. — Всё ту тему качаешь, чтобы в бригаду на постоянку устроиться?

— Ага, — ответил бородач, — скоро буду в городе жить, на жирном пайке.

Ким про себя усмехнулся. Очередной ослик, перед которым на палке привязана морковка.

— Пропало бабло твоё, — равнодушно сказал башкир, — думаешь, городские слово сдержат? Нужен ты им.

— Нужен, конечно, — отмахнулся Бородач. — Эти доходяги из городских работать вообще не хотят. Но дело даже не в том, что мы пашем за троих. Главное, что у них тут скоро выборы. Батя двигает тему, чтобы нас гражданами сделали, ведь понимает, что мы за него голоса отдадим.

Ким внимательно слушал, думая, поможет ли это ему. Может, кто-то из тех, кто работает на шахте, сможет попасть в город и сообщить про него коменданту. С другой

стороны, у него не было иллюзий, комендант наверняка знает, что Ким в городе. Вот только если он до сих пор тут, у коменданта не было особой власти. Батей называли Расыма, начальника шахт. Судя по разговорам, тот был единственный, кто относился к работягам по-человечески.

— Всё равно не верю, — сказал мордвин, — ни разу не слышал, чтобы они хоть кого-то в город взяли.

— Ну и не верь, не заставляю. Моё же бабло, вот и рискну, — усмехнулся бородач, — А потом ещё ржать над вами буду. Ну, вздрогнули!

Ким залпом выпил — по пищеводу ударила огненная струя. Кореец едва удержал пойло в себе, нервно занюхав, а потом медленно разжевал липкий, чёрный хлеб. От запаха еды у него закружилась голова, и Ким закрыл глаза, чтобы не видеть, как другие едят. Просить еды он тоже не хотел — взять денег в долг стыда нет, но если ты просил в долг еду, значит ты на самом дне.

— Слышь, а ты где руку потерял? — спросил башкир.

— На войне, на Западе, — тихо сказал Ким.

Улыбки на лицах у троицы пропали. Они внимательно смотрели на корейца, ожидая продолжения.

— Я воевал в аэромобильной бригаде, — сказал Ким, — потом попал в плен, в лагерь Тубен Кама. Слыхали о таком? Та ещё душегубка, редко кто два месяца там выживал. Ну, мы, кто только в лагерь попал, решили не ждать, а сразу бежать. Нас там на строительство стен выгнали, вот мы и решили сбежать. Понимали, что в лагере шансов нет выжить, уж лучше от пули. Побег не удался, кого-то охрана подстрелила, остальных нашли с собаками. Рука — наказание за побег.

У Кима перехватило горло — у него перед глазами встали картины войны. Он помнил шум ветра, надрывный рёв двигателя, развернутую цепь из машин и его самого в снежной равнине, пытавшегося увидеть засаду казанских боевиков в маскхалатах. Вспомнил ночные разговоры у костра с братьями по оружию, ставших тогда роднее семьи.

— Ну ты извини, — сказал Бородач уважительно, — я тебе деньги точно отдам завтра. Ох, знал бы, что ты ветеран, не подвел бы. Давай, ещё налью.

Он подвинул к Киму хлеба и крикнул, чтобы принесли каши. Кореец благодарно кивнул и начал есть, иногда отодвигая тарелку и благодаря. Это был странный ритуал, принятый тут, на Юге — если тебя угощали, нужно было три раза отодвинуть тарелку, как будто ты не хочешь кушать, и только после уговоров есть дальше. У Кима поднялось настроение — он выиграл сегодняшний день в Сибее. Если он сегодня найдёт работу, значит, выиграет и завтрашний.

Ким провёл шесть лет в снежной кавалерии, прекрасных лет, пока не начал задавать вопросы. Однажды он поделился с Каримом, лучшим другом в отделении, что Уфа — это дьявольски несправедливый город. Карим, который оказался народником, привёл его в ячейку. Кореец прошёл все проверки, и началась его вторая жизнь. У него был талант механика и доступ к трофейному оружию казанских, так что он мог собрать для подполье оружие.

Ему нравилась новая подпольная жизнь. Люди тут были другие, живущие ради куда большего, чем сытое брюхо и теплая конура. Вот только плен разрушил планы.

После возвращения из плена, всё изменилось. Ему больше не доверяли в подполье, вся их ячейка была арестована. Его переправили в Туймазы, а потом в Кумертау — нищий город

народников, находящийся в кольце блокады. Он, как и прежде чинил оружие, но куда важнее оказались боевые навыки. Ким начал готовить бойцов-народников, учить их стрельбе, ориентированию, засадам и бою с армейскими частями. Но когда он начал думать, что жизнь наладилась, его ждало назначение в Сибай.

* * *

Заводской гудок заставил дрожать стекла.

Посетители столовки быстрее застучали ложками и потянулись с пустой посудой к прилавку. Бородач помахал Киму на прощание и пошёл с толпой к воротам, ведущими в шахты. Кореец остался один в опустевшем зале — голову туманил хмель, и не хотелось никуда идти. Через несколько минут Клёцка выгнал его из столовой и закрыл за ним двери.

Над стенами города поднималось солнце. Ким постоял на площади, глядя на тех, кто не нашёл работу — они разбрелись по городку. Те, кто был посильнее, отправились к воротам: несколько копеек можно было получить, принеся в город дрова, которыми отапливались бараки. Почему те назывались палкой дров, он узнал от Гамир-абы. Оказалось, что палка дров — это хорошее бревно.

Ким решил пойти к воротам, ведущим во внутренний город, и попытаться ещё раз счастья. Он понимал, что шансов особых нет, но решил, что хуже не будет. Ким постучал в дверь — распахнулось решетчатое окошко с незнакомым охранником. Ким разочарованно вздохнул, он надеялся, что там будет Искандер. Тот был единственным охранником, кого он знал в проклятом городе.

— Что нужно? — грубо спросил незнакомый охранник.

— Добрый день, уважаемый. Похоже, вышла накладка. Я механик. Меня пригласили из Кумертау, — сказал Ким уверенно. Он понимал, что это ни капли не убедит настороженного охранника в окошке — каждый второй приехавший в Сибай на заработки врал, что он врач или энергетик.

— Не смейся. Однорукий? — рассмеялся охранник. — Вали отсюда.

— Постой. Скажи, комендант не выходит во Внешний город? Может, получится с ним поговорить?

— Да что ему тут делать, — рассмеялся охранник и захлопнул окошко.

Ким отошёл от ворот и сел на бревно у стены одного из барачков. Хмель отступил, и он почувствовал, что у него совершенно нет сил. Мысли Кима опять вернулись к плену у ордынцев и ночному разговору с Василем. Кореец понимал, что сам был виноват — он дал Василию обильную почву для подозрений, когда решил геройствовать. Сейчас Киму оставалось надеяться только на крепость легенды. Он не сомневался — если законник позвонит в Кумертау, там подтвердят, что Ким действительно механик, а в Уфе подтвердят, что он был в армии и воевал на Западе.

Ким направился к опустевшему зданию администрации, перед которым осталось стоять пять человек. Один из них был мужчина из Белорецка, потерявший жену, — он был безучастен и тих. Ким встал рядом с ними — иногда днём можно было найти небольшую работу. Через час, когда Ким основательно замерз, к зданию вышел Клёцка.

— Ну, кто палку дров принесёт? Денег не дам, но покормлю, — сказал он. Все пятеро, кроме Кима, без слов поднялись и направились к воротам.

— Эй, однорукий, а ты что, не пойдёшь? — окликнул его Клёцка.

Ким покачал головой.

— Не смогу, — сказал он с кашлем. — Может, другая работа есть?

— Есть, — рассмеялся Клёцка, — городской сортир нужно почистить. Возьмёшься? Работа грязная, но завтра весь день кормить буду. Ну и одежду дам и в душ потом пушу. У меня при столовке гостиница для торгового люда, там свой душ есть.

Ким выругался, колеблясь — в туалете при харчевне его наверняка ждали авгиевы конюшни. Но три раза поест горячее... А еще душ — он понял, что уже несколько недель не мылся. Ким кивнул, пока кабатчик не передумал.

— Добре, — сказал Клёцка, — идем, снаряжу тебя. Но попробуй схалтурить или одежду продать — в карцере тебе почки отобьют. Понял?

* * *

Через два часа Ким закончил оттирать кафель.

В помещении было холодно — Ким открыл окна под потолком, чтобы выпустить сшибающий с ног запах. Клёцка не обманул — на Киме был костюм химзащиты и противогаз. После двух часов у Кима дико устала здоровая рука, однако он, как ни странно, чувствовал веселье. Почему-то на ум пришла давно услышанная легенда: однажды мальчик пришёл к мастеру и попросил научиться драться, но мастер заставил мальчика мыть окна. Через два месяца мальчик пришёл к мастеру жаловаться, но тот без разговоров ударил его. К своему удивлению, мальчик понял, что может отразить удар — привыкшие мыть стёкла руки, сами поставили блок.

— Надо же, какой костюм богатый, — сказал грубый голос за спиной.

Ким обернулся — выход из туалета перегораживали три сытых увальня. Бандиты. Впереди стоял низкорослый армянин с ножом, позади него скалились в бороды ещё двое. Ким оглянулся, окна выходили на стену соседнего здания, так что орать было бесполезно, а из оружия у него был только ёршик.

Костюм химзащиты стоил дорого, за такой легко могли и зарезать.

— Не глупи, снимай костюм, — приказал армянин.

— Как звать-то тебя, — зевнув, спросил Ким, — чтоб знать кого бояться.

— Рафик звать. Снимай, ещё минута, и мы сами возьмем.

Ким огляделся в поисках оружия. Он не сильно-то боялся армянина — по тому, как южанин держал нож, было видно, что максимум, что тот резал в жизни, это хлеб. Знал Ким такую породу — в толпе опасны, а как поймаешь одного, так сразу: «Не обижайся, брат! Шутка была».

Ещё Ким понял, как же он устал. Устал притворяться, устал прятаться. Устал от унижений. Тогда в бою с ордынцами он чувствовал себя счастливым. Прошло столько лет, когда он не мог применить свои навыки. Сейчас же, видя троицу бандюков, он почувствовал, что улыбается.

Ким поудобнее перехватил ёршик и обрубком кисти поманил бандитов.

Глава 6. Искандер

Искандеру снился сон.

Снилось, что ему двенадцать, и он коротал дни в заброшенной школе в Старом городе. Искандер ходил по пустому, гулкому помещению с окнами, слушая хруст осыпавшейся штукатурки под ногами. Иногда он видел сборщиков — те растаскивали всё ценное из мёртвого города. Искандеру нечего было делать и некуда идти — три дня назад Александра выгнал его из охраны.

Он уже давно забыл, что же тогда сказал начальник, но вот захлестнувшую его с головой злость забыть не мог. Чтобы занять себя, он кидал болты в баскетбольное кольцо в спортивном зале. На точность или на дальность, Искандер не помнил, да и результат был не важен — стоило ему попасть в кольцо, как он делал шаг назад и продолжал кидать болты.

Ещё недавно он думал, что выгащил счастливый билет. Беспризорник из приюта, он стал учеником в городской охране. Драки, драки, драки, стрельба и снова драки. Грек нещадно отсеивал слабых, оставляя только самых злых, которых ради вожделенного места загрызть конкурентов.

Шёл третий день. Он перестал чувствовать голод, в голове пустота звонче, чем в желудке. Искандер не мог найти еды в городе — весна. В здании не было даже крыс, иначе он бы легко убил одну из них броском. Когда Искандер не мог тренироваться больше, он забирался в подвал, где была тёплая стена от закопанной около дома теплотрассы, и дремал.

Александра пришёл на четвёртый день. Искандер помнил, что было утро. На лестнице, ведущей в зал, зашуршал мусор и послышались мягкие, кошачьи шаги. Только одни такие сапоги были в городе — из нежно выделанной кожи, с благородным скрипом. Искандер не обернулся на звук и продолжал швырять болты в корзину.

— Что делаешь? — послышался за спиной голос Александры.

— Тренируюсь, — ответил Искандер.

— Жрать хочешь?

— Нет.

Искандер швырнул очередной болтик — тот не долетел до кольца полметра. Он представил, как мог бы швырнуть болт в лоб Александере. Если бы тот пережил удар, у Александра было под рукой ещё десяток. Но это бы не изменило ничего — идти было некуда.

— Я мог бы оставить тебя тут подышать, — зло сказал Александра, — но я тренировал тебя, тратил время и силы. Ты полгода жрал мою еду. Пошли.

— Зачем?

— Потому что вы мелкие, наглые щенки. Я хочу сделать из вас псов покрупнее.

Искандер проснулся, чувствуя страх. словно ему снова двенадцать, и единственный его шанс выжить — садист с дурацким именем в отличных сапогах. Он сел на кровати, чувствуя под пальцами мягкий, застиранный пододеяльник. На пол падал свет из приоткрытой двери, освещая двухэтажные кровати со спящими людьми. «Я дома», — подумал он с облегчением. Девять дней назад Искандер думал, что возврата не будет.

Казарма охраны располагалась в подвале — вдоль потолка у стены шла канализационная труба, иногда рыча яростным водопадом. В комнате было тепло — тут не было окон, и вдоль стен лучились жаром радиаторы, сваренные из толстых труб. Искандер спрыгнул со второго этажа кровати и начал разминать ноющие от неудобной позы плечи —

он всегда сворачивался калачиком, когда спал. Под пальцами почти не было плоти, непрерывные дозоры последних месяцев сделали из него доходягу.

— Ты поберегся бы, — сказал Искандеру врач, осмотревший его после похода, — на скелете и то больше мяса.

«Да, скелет, — подумал он, — но выбора у меня и не было». Казалось, прошла вечность с тех пор, как он последний раз спал в казарме. После возвращения в город прошло три дня. Два дня он провалился в санчасти, вырываясь из глубокого сна только чтобы поесть или сходить в туалет, и на третий день врач с нехотя отпустил его в казарму, наказав недели три провести в городе, усиленно питаясь.

Он понимал, почему ему приснился Александра. Всю обратную дорогу его одолевали подозрения. Когда после позорного снятия с должности Александра предложил проследить за странным уфимцем, Искандер с радостью ухватился за возможность. Сейчас же он не мог отделаться от мысли, что Василь был прав, и Грек хотел избавиться от него.

Искандеру страшно захотелось оказаться далеко от города, снова стать простым патрульным. Да, там мороз и риск быть убитым, но зато так далеко от городской грызни! Вот только врач был прав — организм уже на грани. Ничего, скоро можно будет смыться отсюда, хоть в патруль, хоть на самое поганое направление, но подальше от города! Пока же можно было потратить время с пользой. Ждали друзья, опять же, есть что с Метелью обсудить. Ну и Иванка, как подумал о ней, так в жар бросило.

Искандер взял с табурета у кровати форму. Кто-то позаботился — одежда была свежестырированной и отглаженной. Первой мыслью было, что это постаралась Иванка, и он невольно улыбнулся — слишком уж невероятно. Скорее всего кто-то из восторженных медсестричек, которые сжирали его взглядами в санчасти.

На соседней койке заворочался охранник.

— Ты чего? — спросил Искандер.

— Зуб болит, — промычал тот, — мочи нет.

— А что к Луизе не пойдёшь?

— Нет её в городе, уехала в Заповедник, — ответил тот со стоном.

Искандер подумал, что Василь точно заподозрил его — она была первой, кого он планировал допросить по возвращению. Искандер мог оправдываться сколько угодно, но он был единственный, кому законник рассказал о своих планах. Искандер неслышно оделся и вышел из казармы. За дверью был коридор с несколькими выходами, освещённый лампочкой под потолком. У входной железной двери, согнувшись крючком над книгой, сидел Артём. Он то дёргал клочковатую бороду, то потирал лысину, то в волнении начинал что-то бормотать. «Ох, мне бы так уметь, — подумал Искандер с завистью. — Одна страсть у человека — читать, даже и не слышит ничего».

— Что делаешь? — спросил Искандер негромко.

Артём вздрогнул.

— А да... Вот... — сказал он, уронив книгу.

Артём смотрел на Искандера, и руки бородача непрерывно двигались, словно он ждал удара и пытался прикрыть то живот, то грудь. Искандер с презрением смотрел на округлое пузо курсанта — тренировками тот пренебрегал, а вот от усиленного пайка не отказывался.

— Хорош. Я же не офицер уже, — отмахнулся Искандер раздражено, — сейчас я так, дух бесплотный.

Искандер на секунду испытал укол стыда, до своего падения он бы отвесил книголюбу

подзатыльник.

— Ой, не скажи. Вернёт тебя Александра, — ответил Артём, успокаиваясь.

Он протянул руку для приветствия.

— Искандер, ты себя в зеркало видел? В гроб краше кладут.

Искандер равнодушно пожал плечами, но все-таки заглянул в туалет, где было зеркало. С тревогой он смотрел на отражение — кожа на скулах натянулась, а под глаза чёрные синяки. Еда и сон не шли впрок — организм словно мстил ему бесчисленные вахты и дозоры зимой.

— Слушай, а этот парень из Уфы, он оказывается из Квадрата? — с любопытством спросил Артём.

— Да, — ответил Искандер, скривившись. — Я думал, что он типа счетовода. Ещё думал, зачем меня ему на хвост повесили. Оказалось, что законник.

Он указал на поясную кобуру Артёма.

— Слушай, а почему ты с пистолетом?

— Да, тут до фига всего! — Быстро начал перечислять дневальный. — Вон, вы чуть в плен не попали. Уфимские, что не день, стреляные с дозоров приезжают — говорят, ордынских патрулей вокруг города полно. Народ во Внешнем городе бузит — что ни день, то драка. Во Внутреннем, после того как голые смены начались, охране уже несколько раз морду били.

— Голые смены?

— Ну да, фермеры в одном белье работают. Говорят, воровства больше стало.

Всего девять дней его не было, а в городе опять появилось что-то новое, и это не сулило ничего хорошего. Он решил проверить уличную одежду — если завтра отправят в дозор, нужно быть готовым. Искандер открыл свой ящик и проверил рукава, засунул руки в унты — одежда была чистой и сухой. Кто-то и тут позаботился о нём, и это было приятно. Он заглянул в помещение с отдельной котельной дома, проверил печь у стены и запас дров. Тут всё было вылизано, и это тоже вселяло тревогу — когда он заходил сюда последний раз, тут лежала пыль в полпальца толщиной.

Он провёл пальцами по железной балке, которая поддерживала плиты потолка. Тайник за железом был не тронут, надёжно спрятан, замазанный воском и грязью.

— Слушай, а что это у нас так чисто в котельной? — спросил Искандер у Артёма. — Кто-то накосячил?

— Не знаю, — пожал плечами дневальный. — Говорят, какая-то авария на нефтезаводе в Уфе. Могут поставки топлива сократиться. Александра приказал убратся и проверить.

— Врут, — авторитетно сказал Искандер. — Это из-за войны. Даже у Уфы кончаются ресурсы.

— Скажешь тоже, — рассмеялся тот, — у столицы бабла на всех хватит.

— Это только так кажется. Вот сидишь ты тут, в тёплом подвальчике. Сходи в дозор, или хотя бы день провели во Внешнем городе. Поймёшь, что идёт война, и Уфа её проигрывает, — поучающее ответил Искандер.

Артём помялся, а затем спросил:

— Слушай, а вы в Белорецке новых книг не купили?

«Ишь, буквоед, книжек ему», — подумал Искандер.

— Да, взяли, — ответил он и не удержался, чтобы не подколоть. — Вот только они на утонувших нартах были.

Артём разочарованно вздохнул.

— Слушай, там Тюля сказал, что Луизу найти не могут? — спросил Искандер, словно чтобы поддержать разговор.

— Да вообще странно, — сказал бородач, — её уже два дня никто не видел.

— А погонщики, которые со мной были, их не видел?

— Косарь и Ковыль? Разве они возвращались? Когда разгружали нарты, их не было. Я так понял, вы без них вернулись.

Дело становилось всё интереснее. «Проклятье, — подумал он, — Василь точно подумает, что я их предупредил. Не зря ведь законник тот разговор затеял!»

— Ладно, пойду я. Ты бы всё-таки вылез из подвала, там мир, — покровительственно сказал Искандер.

Он пошел на выход, и у самых дверей его остановил оклик Артема.

— Ты это... Будь осторожнее, — предупредил он, — там Медвед спит.

Искандер медленно приоткрыл дверь — у стены свернулся огромный клубок серого цвета. Кот внимательно посмотрел на Искандера жёлтыми глазами и снова свернулся в шар. Охранник по стенке миновал зверюгу и только за второй железной дверью понял, что всё это время не дышал. Во всех городах Башкирии была напасть с крысами. Те были огромные, хищные, они уничтожали любые запасы и нападали стаей на людей. В Сибае со второго основания города с ними боролись коты-крысоловы, выведенные в лагерях беженцев. Если бы Медвед захотел напасть, то мимо него можно было пройти только в толстой одежде и отмахиваясь дубинкой.

За тамбуром начинался узкий коридор, где едва могло разойтись два человека. Вдоль стен шли трубы отопления, под потолком, как стая змей, переплелись силовые кабели. Сейчас в подземелье былолюдно — он попал на перемену. У кого были талоны на развлечения, шли в кинотеатр или библиотеку. У кого были деньги, шли во Внешний город — там можно было найти выпивку. В воздухе стоял тошнотворный запах — нестираной, гниющей одежды и удобрений, которыми пропитывалась одежда фермеров.

Искандер чувствовал, что его сопровождает нездоровое внимание. Молодёжь выстраивалась вдоль коридоров и с ухмылками отдавали ему честь. Искандер ловил на себе заинтересованные взгляды девчонок — похоже на него вышли посмотреть все, кто не спал и не был на вахте. Его снова накрыло воспоминание — ему было около четырнадцати, они с пацанами стояли в спортивном зале и заморожено смотрели, как играют в волейбол старшие девчонки. Это был один из проектов Коменданта — наверное он был единственным в городе, который пытался вырвать людей из ежедневной рутины поиска еды.

— На тренировку, желудки! Хорош пялиться! — рявкнул на них Александра. Потом добавил негромко, — Не надо никуда плыть, сами приплывут.

Сейчас, видя заинтересованные взгляды девушек, Искандер вспомнил ту случайную фразу и понял её смысл. Он понимал, почему так много думает об Александре. Отец ведь почти. Отчим, конечно, не отец. Да может и не отчим, так... Он вздохнул — слова законника оставили глубокий след. Нет, не мог Александра так поступить. Он же его с детства воспитывал. Хотя сколько их было, кого он воспитывал! Кто потом пропадал в степи, кто погибал в стычках с бандитами, травился, ранился. С чего он взял, что особенный? Вот ведь... Теперь, пока не выяснит, покоя уже не будет. Кстати, про родителей, пора бы и тетю Венеру проведать.

Людными коридорами он миновал пару поворотов и вышел к тихому дому, где жили

торговцы. Тут не было нар и комнат, разделённых занавесками. Он поднялся по лестнице и постучал в квартиру. Открылась дверь, на пороге была крупная женщина в платке, с лицом в сеточке морщин и до прозрачности голубыми глазами.

— Искандерчик! — крикнула она, заключив его в объятия.

— Здравствуйте, Венера, — вежливо ответил Искандер.

Она потащила его на кухню, включив чайник. Кругом были примусы и походные лампы и ей пришлось убрать несколько со стула, чтобы он мог сесть. Её муж тоже был тут, паял старый примус. Он поднялся и холодно поприветствовал Искандера, тут же уйдя в другую комнату.

Венера была ему кем-то вроде приёмной матери. Ребенком Искандер заснул на лестнице, Венера увела его к себе, накормила и дала поспать внутри. У неё всегда был горячий чай и что-нибудь вкусное. Ещё она умела всех хвалить. Венера хвалила мужа, хвалила Искандера, хвалила и восхищалась каждым покупателем. Он не думал, что торговка делала это нарочно — скорее в сердце было много места для других людей.

Искандер не был тут тем единственным, кого воспитала чужая семья. При восстановлении Сибая, в город привезли сотни беспризорников и тысячи беженцев. Многие заводили семьи уже здесь, усыновляя приёмных детей. Искандер был уверен, что она с радостью усыновила его — своих детей у них не было, но её муж был против. Венера с мужем торговали примусами, лампами, походными печами, и она знала всех в городе и тысячи людей за его пределами. Если кто и мог найти спрятавшуюся Луизу и караванщиков, так это она. Потом он пил чай и кратко рассказывал о приключениях. Она слушала его историю, охая и качая головой.

— Ладно, хватит про меня. Как вы? — сказал он.

— Хороший год, — ответила она, — уфимцы задрали цены на скот. Северяне даже молодняк продают.

Он покачал головой.

— А что так? Не припомню, чтобы они так деньгами разбрасывались.

— Говорят, в Уфе голод. Подгребли всех мужиков, в теплицах работать некому.

— А сами северяне что есть зимой будут?

— Ну вон пока снег стоит, закупаются у нас и обратно на север. Купят у своих же часть молодняка и откочуют. К зиме новый скот народится.

Это тоже было странно. Две недели назад, когда он уезжал в Белорецк, в Сибаяе было малоллюдно. Искандер не придал тогда значения, хотя видел, как в Факторию прибыл непривычно большой состав.

— Вы все распродали?

Венера кивнула.

— Да. Хотим в Ревду к родне уехать, беспокойно, — сказала она с тоской в голосе.

Искандер был бы рад разубедить её, но это был очевидный факт. Война была уже тут. Уехать было действительно отличной идеей.

Все в городе чувствовали, что война приближается. Золотая Орда официально не поддержала войну Уфы и Казани, но перестала прорезживать дикие банды на границе. За три года войны те разрослись до огромных отрядов в сотни бандитов, и Уфа была вынуждена направить пограничные роты на южные границы. Многие люди из Сибая бежали к Белорецку или Златоусту, подальше от разгорающегося конфликта.

— Тётя Венера, мне нужна помощь, нужно людей найти, — со вздохом сказал он.

Он кратко пересказал ей разговор с Василем, рассказал про бой и похищение. Торговка нахмурилась, эти люди были её коллегами и знакомыми, нехотя она кивнула.

— Мне нужно найти их. Кто-то из них, или Луиза, или Плюха, навели на караван работорговцев.

— Этот, — рассмеялась она презрительно, услышав про Плюху — не сомневаюсь, что мог. Там рыльце в пушку. Со всего долгу имеет. Если он узнал, что Василь законник, легко мог бы.

— Как думаешь, Александра мог меня слить?

Она отрицательно покачала головой.

— Он гад ещё тот, но про такое я не слышала. Я его с самого основания города знаю.

То, что Венера не верила, что Александра причастен, успокоило Искандера — он думал так же. Грек был ужасным руководителем, обожающий наказывать невиновных и награждать непричастных, но чтобы сдать своего ордынцам?

Мог ли Плюха? Искандер представил сытое, надменное лицо руководителя торговли и жуликоватых погонщиков. Да, тот ради денег мог пойти на многое.

Ну а Луиза? Он представил её строгое лицо. Сколько раз к ней в медпункт приносили умирающих или детей, но у родителей не было денег на лечение. Она ни разу не согласилась помочь, ссылаясь на правила города. Вроде врач, при этом очень хороший врач, но не человек. Её скальпель и то эмоциональнее.

— Наверное, налёт был по душу законника. И поделом, — сказала мама, подумав.

— Не любишь их?

— А за что? Душегубы. Столько ужасов про них рассказывают. Нет, нам такого в Сибае не надо.

После возвращения в людное подземелье, связывающее дома, он несколько минут думал, что же ему делать дальше. Наверняка Александра ждёт его в «Полушке» с докладом. Вот только туда идти не хотелось. Ещё можно было поспрашивать людей, особенно бойцов из Внешней охраны, которые контролировали ворота в город. Те могли видеть кого-то из этой тройцы.

Иванка.

Искандер рассмеялся про себя, он настолько застрял мыслями в налёте, что совсем забыл про девушку. «Прогонит, наверное», — с тоской подумал он.

Дом администрации представлял собой контраст по сравнению с остальными домами в городе — лестницы были чистыми, в квартиры вели хорошие, добротные двери. Он поднялся по лестнице на третий этаж, осмотрелся, чтобы не было свидетелей и тихо постучал.

Открылась дверь, и на шею Искандера повисла девушка. Она явно ждала его — на ней был яркий красный свитер и облегающие брюки. По меркам города, где все ходили в одинаковых серых робах, она была одета в роскошный наряд. Сегодня она накрасилась. Он не понимал, зачем это Иванке — у неё были сочные губы, огромные карие глаза и восточные черты лица. Да и вся она была как черника летом: такая сочная что, казалось, надави, и брызнет сок.

— Я скучала, — сказал Иванка и закрыла глаза, подставив губы для поцелуя.

Ещё две недели назад, когда его понизили до рядового, она лишь смерила его презрительным взглядом и захлопнула дверь. Сейчас разительная перемена задела Искандера.

— Ты что, твой батя меня прибьёт, — сказал он, заглядывая в квартиру, где явно были

люди.

Иванка потащила его вниз и с заговорщицким видом открыла дверь в одну из квартир на первом этаже — внутри всё заставлено старыми картонными коробками. Она усадила его на кучу связанного картона, уселась ему на колени и начала жадно целовать. Искандер целовал её в ответ, но поймал себя на мысли, что радости он не чувствует. Месяц назад он был счастлив, что дочка Ильфата стала его девушкой, но он признавался себе, что мотивы его были корыстными и сейчас ему было стыдно.

— Что с тобой? — спросила она. — Ты словно не со мной.

Искандер промолчал — он не знал, что сказать ей. Вот только и объяснить ей, что происходит, он не мог. Он погладил её по щеке и вымученно улыбнулся.

— Прости. Да, сам не знаю, что со мной. До сих пор перед глазами убитые ордынцы, — соврал он.

— Расскажи, — попросила Иванка.

Он уже в третий раз за день начал рассказывать историю. Во только когда Искандер начал рассказывать про толстого узбека, девушка переспросила и сказала, что уже его видела. Он удивлённо посмотрел на Иванку и попросил описать подробнее.

— Я его видела, когда в начале войны уфимские пленных ордынцев на своих меняли. Тебя тогда в городе не было. Я видела, как во Внешний город приезжали пятеро на переговоры. У них главный был толстый, пожилой такой, я тогда ещё удивилась, что узбек был за главного. Ещё с ним парень был, похоже сын, и три охранника.

— Ты точно его видела? Узбека?

— Да час там просидела, хотя скукота это, любопытно было. Я никогда ордынца не видела.

Искандер вспомнил, что как раз в то время его отправили в Заповедник. Дело было плёвое, какая-то мелкая претензия от деревенских, но почему-то отправили разбираться его. В нём опять начали разгораться подозрения, что Грек был причастен к налёту.

— Ты знаешь, через кого организовали встречу?

Она нахмурилась, вспоминая, но отрицательно покачала головой.

— Ну что ты всё про казахов, — она обхватила его лицо ладонями, недовольно глядя ему в глаза, — надеюсь, другую не встретил? Я тут его обнимаю уже минут десять, другой бы лопнул от счастья!

— Брось, — рассмеялся Искандер, — не нужна мне другая.

Иванка обняла его и страстно поцеловала. Вот только всё, о чём мог думать, так это откуда же у неё такая опытность в пятнадцать лет, и что бы сказал Василь, увидев его сейчас. А ещё он думал, кого же знал в Сибее узбек-работорговец?

Глава 7. Василь

В коридоре гнусно заорали.

Василь поймал себя на мысли, что его рука уже была под столом, где на тумбочке лежал пистолет. Потом он выдохнул и откинулся в кресле, разминая пальцы — когда хотят убить, так не орут.

— Тварь! Как ты посмел?! — скандалил кто-то за дверью.

Законник посмотрел на часы — было шесть вечера.

— Да ты за всю жизнь столько не заработаешь! — ему отвечал другой голос, какой-то тусклый и дребезжащий.

— Да вы сами не смотрите, куда идёте!

— Да он мне еще и указывать будет!

Послышался звук удара, шум разлитой воды, после чего визг поднялся на новую высоту.

Василь встал из-за стола и рывком открыл дверь. За поворотом, в коридоре перед туалетами, в луже стоял торговец, вереща, как сирена. Дорогие унты торговца были залиты грязной водой по колено. Перед ним стоял уборщик, низкий, весь какой-то скрюченный, держа перед собой швабру как защиту. Вид его был виноватый, но Василь почему-то подумал, что тот внутри улыбается.

— Вы видели, видели? — закричал торговец озираясь. Он посмотрел на Василя, набирая воздух для нового крика.

— Нет, — покачал головой законник.

— Этот, этот! — не мог подобрать слова торговец. — Он испортил мою обувь! Руки оторвать за такое надо!

Василь поморщился — стоило открыть дверь, как кабинет наполнился сортирным амбре. Против воли вспомнилось первое дело — у законников Белорецка рабочие помещения были в подвале у сортиров, и они задохались от вони. Он вернулся за стол, взяв в руки отчёт и карандаш. Толстый блокнот уже почти кончился, но, по крайней мере, теперь он знал все прорехи в отчётности города.

В коридоре снова закричали и его рука непроизвольно дёрнулась к пистолету. Проклятый налёт сделал его параноиком. «Хватит мучить себя, — подумал он, — тебе нужны руки, делающие грязную работу, и пара глаз, приглядывающих за спиной».

Василь знал, что накопил уже достаточно материала, чтобы перейти к допросам. Он проверил гору документов и исписал половину блокнота вопросами — пришло время получать ответы. Кроме архива массу сведений сообщили добровольные помощники — стукачи из городских, те, болтливость которых даже не нужно было оплачивать. Кто-то сдавал начальника, надеясь получить его место. Другой стучал на соседа, чтобы улучшить жилплощадь. Такими данными, фальшивым золотом, требующим проверок, Василь исписал полтора блокнота. Настоящего же золота — проверенной информации — законник не нашёл ни в отчётности города, ни в куче доносов.

Он не успел допросить караванщиков. Стоило ему вернуться в город и они в тот же день отправились с караваном в Кумертау. Вот только Василь был уверен, ни у них, ни у торгового начальства города не было планов отправить караван в Кумертау. Также без внятной причины пропал и начальник торговли Сибая — в конторе комиссии ему сказали, что Плюха отправился на переговоры в Гай. Кроме того, и Луиза, начальник госпиталя

Внешнего города, внезапно направилась в Заповедник.

Он достал цепочку со значком законника и положил в карман, проверил пистолет и вложил в кобуру на поясице. Потом, ругаясь, открыл сейф, сложил туда блокноты и документы, и с трудом закрыл его. По крайней мере, на сейф и железную дверь комендант расщедрился — добраться к его документам можно будет только с помощью взрывчатки. Василь оделся в зимнюю одежду — за дверьми температура воздуха была лишь немногим больше, чем на улице.

Василь закрыл за собой железную дверь и, задержав дыхание, промчался сквозь туалетный закоулок. Вонь, конечно, убойная, но народная тропа к нему не зарастала, а любой из стукачей легко бы оправдался, что просто пошёл в туалет. Не зря здесь ошивался уборщик, кто-то из городского начальства смекнул, что горожане болтливы сверх меры. Он пока ничего не делал с соглядатаем — уборщик не видел, кто входит к нему в кабинет, так что сильно навредить не мог.

Василь поднялся по узкой лестнице и оказался на широкой торговой галерее, вдоль которой шли магазины. Все подземные дороги города сходились здесь, в здании древнего торгового центра. Над головой у Василя была крыша, опирающийся на огромные металлические фермы. На них были подвешены редкие светильники, разгоняющие темноту. Там с чириканьем носились воробьи, иногда пикируя, чтобы вырвать еду прямо из рук зазевавшихся посетителей рынка. Большая часть отделки на рынке была сделано из металла — даже потолки были из древних ржавых листов. Для отопления тепловики вывели из пола регистры, сваренные из труб, но те едва теплились. На полах была гулкая керамическая плитка, вся в сколах от интенсивного использования. В воздухе висел тяжёлый запах тухлой одежды и вонь столовской еды.

Первыми на выходе из подвала его встретили пара баров с невзрачными вывесками, собранными из разных букв. Названия «Фасоль» и «Шахта» намекали, кто был основной публикой в барах. Комендант презирал такое времяпровождение, но смирился, как с неизбежным злом. Василь шёл мимо крикливых вывесок мастерских, магазинов, остановившись перед помещением кинотеатра. Перед ним он на минуту замер, изучающе оглядывая помещение — в темноте мерцал телевизор, и перед ним, словно перед чудом света, замерли северяне. На самых роскошных местах рынка были лавки с лекарствами и кабинет врача, куда выстроилась очередь из деревенских. Тут же были и две забегаловки, одна столовка, где питались горожане, и отдельная для охраны и барских профессий — врачей и администрации, с непонятной надписью «Полушка».

На улице тут было полно людей — большей частью приезжие из окрестных деревень, много было и северян. Сейчас было слишком рано для торговли, но они заполонили город — кто-то брал резиновые сапоги на весну, кто-то затаривался патронам. Почему-то многие покупали одежду — по покрою видел, что это одежда из Казани. «Война войной, — подумал он, — но товары из Казани находят дорогу».

С другой стороны, был бы Сибай, если не торговля? По его мнению, комендант смог сделать чудо — Сибай стал крупнейшим рынком Зауралья, отняв покупателей Столицы. Только за это ему можно было простить все явные и мнимые прегрешения. Даже уфимские не имели права вести заниматься торговлей самостоятельно — пришлось им открывать Факторию, с уплатой налога в казну города. Были тут и магазины с товарами из Кумертау — в основном они торговали печами, инструментами. Покупателей у них было мало — эвенкам такое без надобности, скорее нужно было деревенским из бескрайнего Заповедника.

Его окружил привычный гомон и суета — все рынки республики были одинаковы, что в Белорецке, что в Уфе. Кричали торговцы у дверей улиц, то переругиваясь, то зазывая покупателей. Василь слышал башкирскую и татарскую речь, часто говорили на русском. Многие вполголоса говорили на казахском.

Василь миновал рынок и на минуту замер перед воротами, ведущими во внешний город. Ему не хотелось идти туда — он понимал, что, появившись там, лишь даст служилым повод поглумиться. Вчера ночью Василь дозвонился до Квадрата, с официальной целью отчитаться, а по факту, попросить о помощи. Оторопевший дежурный, с трудом подбирая слова, рассказал, что два дня назад было заседание Совета Безопасности Уфы, на котором Молчанова лишили всех постов и отправили под домашний арест. Василь позвонил в Белорецк, но и там застал законников в какой-то оторопи. Ни о какой помощи не могло быть и речи — все ждали, кого же назначат вместо Молчанова.

После звонка Василь почувствовал, словно ему перебили хребет. За спиной больше не было всемогущей конторы — никто не окажет ему помощи, не прикроет его, если он переступит черту. По-хорошему нужно было остановить расследование — все его полномочия были на устных договорённостях Генерала и Коменданта. Вот только он слишком много поставил на это расследование. Вряд ли Молчанов отправлял именно его, скорее он был первым, кто подвернулся под руку. Вот только для него это был долгожданный шанс продвинуться по службе. Он тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Ничто никогда не шло, как задумано. Если он хотел предсказуемой жизни, нужно было идти не в законники, а в военные, а ещё лучше, в каратели...

За воротами рынка начинался Внешний Город. По мнению Василя, это было слишком громкое название для огромной, хаотичной деревни, состоящей из однотипных бревенчатых домов, узких улиц и странных тупиков. Законник поёжился — он чувствовал, как его сопровождают недружелюбные взгляды. Это была не охрана — чуть позади, стараясь не смотреть на него, околачивалась пара парней в драной одежде. Иногда их сменяла другая двойка и слишком заметная для слежки девушка — яркая брюнетка со злыми, подведёнными чёрным глазами.

Он миновал Внешний город и через ещё одни ворота выбрался на Стойбище. Это хаотичное поселение, состоящее из чумов, огромных, неаккуратных бараков и огороженных площадок для скота. Тут разило навозом, тянуло дымом от стойбища за спиной. Запах был спёртым, словно тот не мог перебраться через стены.

Ещё тут воняло, да так, что его кабинет у туалетов, считай, благоухал. Вначале Василь думал, что северянам просто негде помыться зимой. Ну или они боялись из-за купания заболеть. Кто-то сказал ему, что олени перестанут узнавать, своих хозяев, потому что они признают их по запаху. Он подумал, что это была шутка, но предпочел не переспрашивать.

Было сложно сосчитать, сколько тут жителей, но по его прикидкам, одних северян были тысячи. Большой частью они пригоняли скот, потом на несколько дней пропадали в увеселительных заведениях города, развлекаясь и тратя деньги. За стойбищем снова начинались укрепленные многоэтажки — это была уфимская Фактория. Площадь была огорожена с двух сторон невысокой деревянной стеной — скорее для контроля пришлых, чем для обороны. Василь подошёл к воротам фактории и замер, глядя на лобное место — у стены стояли несколько столбов с деревянной перекладиной сверху. На бревне болтались два тела в знакомой чёрной одежде ордынских налётчиков.

Ворота Фактории были распахнуты, под навесом у стены стояли два охранника в форме

моторизованных войск Уфы. Внутри, во дворе, Василь увидел шесть аэросаней какой-то древней постройки.

— Мне к майору, — сказал Василь надменно, расстегнув куртку и показав знак законника.

Охранник уставился на него пустыми глазами, а потом кивнул в сторону двора. Через секунду, словно забыв о его присутствии, охранник замер. По знакомому взгляду Василь безошибочно определил, что тот чем-то закинулся. У подъезда прямо на двери углом было размашисто написано «Штаб». Василь открыл обшарпанную дверку и поднялся в большое тёмное помещение с заложёнными окнами.

В штабе было жарко и душно — пахло овчиной от верхней одежды солдат, дымом от печи, отвратительно смердело мокрой обувью. За столом сидел бесформенный пожилой человек с ёжиком седых волос и что-то писал. В зале было темно — его освещали только свечи на столе и на подоконниках. Похоже, и тут были проблемы с электроснабжением. Он посмотрел по сторонам, на людей, на высушенные ветром лица сержантов и лейтенантов — те о чем-то негромко переговаривались. Слева от майора на стуле дремал мускулистый парень в форме охраны Сибая с капитанскими нашивками. Его Василь видел ранее — это был Артур, второй человек после Александеры. К удивлению законника, в зале было много людей из охраны Сибая, все в одинаковой серой форме.

Василь увидел свободное место среди военных и сел на край скамейки. Он минуту рассматривал майора, думая, где же его видел, а через потом оторопело сообразил — Марсель Грязнов, по кличке Гильза, один из самых известных карателей Республики. Ошибки не было — Василь видел его однажды, когда взбунтовался взвод из Алексеевки, стараясь избежать мясорубки под Туймазами. Василь тогда удивился несоответствию грозной славы и непримечательного внешнего вида карателя.

Гильза поднял голову и мягко сказал, не обращая ни к кому конкретно.

— Ну что же, шесть убитых ордынцев за неделю. Неплохо. Вот только, дорогие мои, потратили вы триста литров бензина и семьсот девять пулемётных патронов. Плохо, господа, плохо, нельзя же так транжирить запасы Республики! Забывчивым напоминаю, норматив — пятьдесят патронов за убитого ордынца. Вон берите пример с Башара, у него две тушки и семьдесят один патрон. Мне показалось, или вот там в углу Сибиряк что-то сказал?

— Да молчу я, — просопел обиженно лейтенант на другой стороне зала.

— Правильно, что молчите. Двести семь патронов и никакого результата. Вы меня вообще должны слушать, затаив дыхание, а то спрятались за своего дружка и анекдоты травите. Я понимаю, что там не только я, там танковый снаряд его с места не сдвинет, но хоть какое-то уважение к начальству иметь-то надо!

В зале заржали.

— Теперь по выплатам. Почему уже за две недели не подстрелили ни одного десятника ордынцев? Все убитые какие-то тощие. Вы их там выращиваете, что ли? Или просто ловите народ по деревням и мне суёте? Знаете, я был бы не удивлён такой предприимчивости.

В зале опять заржали. Гильза совсем не походил на отца-командира, скорее на пожилого городского начальника.

— Вот вы не слушаетесь меня, — продолжил Гильза, — смеётесь над словами старика, а между прочим, с нами тут законник. Может, хоть из уважения к нему перестанете ржать?

Василь понял, что его давно заметили. За шутливым тоном был намёк для бойцов, что их слушает тот, кому это не положено. Все головы повернуть к Василию. Что в глазах?

Ненависть? Нет, скорее какое-то недоброе любопытство.

— Все свободны. Через час продолжим, — сказал Марсель, и в который раз Василь продумал, что он говорит не как офицер. Те рывкали, это же плел сложные мягкие речи. Вот только слушались его беспрекословно.

Солдаты гурьбой выкатились, гогоча и словно забыв про Василя. В зале остались только Гильза и зевающий сибайский капитан. Законник подошёл к ним, поставил стул и сел.

— Артур, знакомьтесь, — обратился к капитану Гильза, — Василь, советник юстиции, если не ошибаюсь, третьего класса. Это Артур, вы знакомы?

Законник отрицательно покачал головой. Артур сразу же не понравился Василю — то, как тот сидел, смотрел, дышал... Вот бывает, что человек отвратителен с первого взгляда. Охранник процедил:

— Цель визита в Сибай?

Василь проигнорировал его вопрос, глядя на Гильзу. Тут, в Уфимской Фактории, сибайский капитан не значил ничего. Через минуту игры в гляделки, Гильза нехотя повторил вопрос капитана.

— Расследование, — лаконично ответил Василь.

— Можно подробнее? — спросил Марсель.

— Как вы понимаете, — посмотрев на капитана, сказал законник, — в данных обстоятельствах не могу сказать.

Гильза равнодушно кивнул. Василь уже с первых минут понял, что никакой помощи ему не будет. Скорее наоборот — если Василь начнёт щипать сибайских охранников, те легко получают помощь у майора.

— Ну и что с ним цацкаться? — спросил Артур. — Законник-то уже не в законе.

— А ведь мой сибайский коллега прав, — спокойно сказал Гильза, — пока вы ехали из Белорецка, пришла телефонограмма. Там было предписание — всех законников задерживать и отправлять в Уфу.

Артур издал смешок.

— А там-то тебя, быстро... — сказал он с недоброй улыбкой.

В очередной раз Василь подумал, что люди в Сибее как-то превратно к нему относятся. Или тут были и другие до него, кто оставил недобрую память? Василь не стал отвечать, без разговоров встал и пошёл к двери. Ему не нравился Артур, ему не нравился Марсель, и ему абсолютно не нравился разговор.

— Пойдите, — сказал Марсель. Он наклонил голову, посмотрел на Артура и попросил, — Спасибо, Артур. Дальше я сам.

Тот хотел было возразить, но под взглядом майора стушевался и, что-то буркнув на прощание, вышел.

— Вот так-то, — цыкнул Гильза, — с кем только не приходится работать. А что делать? Без помощи сибайской охраны у нас сил против Ордынских патрулей не хватит.

Василь хмыкнул и сел. Снова намёк, что может Гильза не так уж ратует за Сибайскую охрану, как демонстрировал Артуру. Майор открыл папку и подвинул лист бумаги.

— Телефонограмма. Ознакомьтесь?

Василь взял документ и, бегло прочитав, положил на стол.

— Это распоряжение для вас. Не для меня. Даже если генерала Молчанова сняли. Квадрат всё ещё независимый департамент. Мы не подчиняемся ни МВД, ни армии, — ответил он, и не удержался от шпильки, — не знаю только, кто вы тут, МВД или армия.

Гильза скривил губы, откинувшись на стуле.

— Ну это пока независимый, — сказал он спокойно, — тут твоя правда, законник. Но, учитывая, что у меня сотня людей, твои разговоры о независимости — это так... Разговоры.

Василь не двигался, изучая майора. Тот явно что-то хотел, но молчал.

— Мы можем вопрос решить по-другому, без ругани, — вкрадчиво сказал майор.

— Это как же? — фыркнул Василь.

Майор встал и подошёл к карте на стене. Законник осмотрел на неё, там были все прилегающие деревни, маршруты охраны и флажки, обозначающие, где видели патрули Орды. Василь мало что слышал о положении в Сибаете, но, если верить карте, места, где были столкновения с патрулями степняков, исчислялись десятками.

— Теракты в Сибаете, — ответил Гильза, — что-то слышал?

— Да, — ответил Василь, — но думаю, это туфта. Кто-то из местных чудит перед выборами.

— Нет, не туфта, — вздохнул Марсель, — Василь, я не хочу с вами спорить, наоборот, мне очень нужна ваша помощь. Как не страшно это констатировать, но в Сибаете действуют ячейки народников. Обычным саботажом то, что творится в городе, не объяснить. Что ни день, что-то валится по инженерной части. Пару раз даже пути минировали, которыми мы выезжаем на патрулирование. Василь, я предлагаю вам сотрудничество. Если у вас есть задача тут, я смогу помочь в обмен на помощь с народниками.

— Не могу поверить, — рассмеялся законник. — Вы, великий Марсель Грязнов, и боитесь каких-то мелких террористов?

— Был бы дураком, если бы не боялся, — ответил тот. — Мы не имеем права потерять ещё Сибай. Я вижу, что всё к этому идёт.

Василь изучал лицо Марселя. Сейчас оно выражало искренность. В душе Законника шевельнулся червячок сомнений. Может, тут действительно всё не так, как он видел? Может, дело не в коррупции, не в диверсиях ордынцев, а в действиях народников?

— У вас есть какая-то подробная информация? — поинтересовался Василь, больше из вежливости, чем из любопытства.

— Другой разговор! — расплылся в улыбке Марсель. Он полез в сейф и достал несколько папок.

«Какая-то странная беседа», — подумал Василь. Он припоминал множество фактов из биографии майора, но там не было даже намёка, чтобы тот хоть раз чего-то боялся. Майор не боялся шесть лет назад, когда его взвод был разгромлен под Пермью каким-то безымянным племенем нагайцев. Потеряв половину людей, он прорвался сквозь оцепление и ушёл. Гильза не боялся четыре года назад, когда остаток его роты был зажат в администрации Кумертау и толпа, не тратя время на разговоры, подожгла здание. Он как-то сумел вытащить из пожаров полсотни чиновников, посадить их на поезд и свалить из-под самого носа разъярённых революционеров. Он не боялся год назад в Туймазах, когда штурмовые группы казанских боевиков отрезали город. Тогда он два месяца бодрями расстрелами помогал обороне, но никто так и не увидел его испуганным. Ещё более странным было то, что его направили сюда. На западе шла война, там работы для карателя вагон, но почему-то он рыл тут. «Что-то я ещё не знаю», — подумал Василь.

В кабинет ворвался часовой. Его рот был перекошен, он тяжело дышал, уперев руки в колени.

— Шахтёры! — крикнул солдат, — они опять идут на Стойбище!

Гильза выругался, вставая из-за стола.

— Дуй в казармы, общий сбор! — приказал Гильза часовому, а сам поднял трубку телефона.

— Грек, поднимай своих, сейчас драка будет. Шахтёры, — сказал он. Майор достал из стола короткую резиновую дубинку и натянул на голову шлем.

— Сейчас посмотришь, как тут местные развлекаются, — подмигнул Грязнов Василию.

На улице их встретила толпа уфимских бойцов. Они, как и Гильза, одели броню, шлемы, взяли в руки щиты и дубинки. Ворота Фактории были открыты, и вслед за толпой солдат Василь вышел на площадь перед Внешним городом. Мороз тут же пробрался под куртку. «Не нужно было идти на ночь», — подумал Василь. Василь слышал про чудовищные по жестокости драки, которые регулярно вспыхивали между жителями внутреннего Сибая и приезжими.

Василь смотрел, как уфимские бойцы без команд строятся в плотную цепь и в который раз за вечер подумал, что они совсем не походят ни на снежную кавалерию, ни на обычную армейскую часть. Не бывает такого, чтобы в отряде были только старики. Всегда как минимум треть будет молодёжь, которая учится воевать. Вот только тут не было молодых, всем бойцам было под тридцать, все в шрамах. Предстоящая драка им была в радость, вокруг Василя слышался смех и жизнерадостная ругань.

Стены Фактории, Внешнего города и две защитные стены стойбища образовывали площадь правильной формы. Василь проследил окинул площадь взглядом вдоль — на вершине стены алым цветом горел закат, погрузив одну сторону площади в тень. Плохо, там могла собраться тысяча людей, и они бы не увидели. За спиной у цепи бойцов скапливались северяне, прикрывая путь к чумам — они строились плотной, молчаливой толпой, словно тоже ждали драку. Те, кто был старше, прятались в чумах. За цепью охранников и военных росла толпа более молодых и крепких.

Со стороны шахт, через ворота в противоположной от Стойбища, вливались масса горняков. Василь почувствовал настойчивый взгляд. Он осмотрелся — со стороны внутреннего города на него смотрела странная девушка, с густо подведёнными глазами. Допросить бы — её поведение совсем не нравилось Василию. Он непроизвольно засунул руку под куртку, проверил пистолет. Люди все прибывали на площадь, с каждой стороны уже было человек по триста.

Через ворота Внешнего города на площадь входили охранники Сибая. Гильза в толпе офицеров отдавал приказы — кроме цепи военных, прикрывающей северян из Стойбища, на стене Фактории выстроилась линия солдат, они держали толпу шахтёров под прицелом помповых ружей и пистолетов. У них наверняка резиновые пули, но глядя на молчаливую, решительную толпу, Василь подумал, что их это может и не остановить.

— Разойтись, разойтись! — надрывался в мегафон сибайский охранник. Люди Сибая сформировали стену, чтобы у шахтёров было место уйти внутрь города, к ночлежкам, не ввязываясь в драку.

«Может, пронесёт?» — подумал Василь. Рудокопы синхронно скинули ватники, оставшись в рубашках и штанах. С их стороны не было и звука, они лишь зло и ровно смотрели в сторону северян. На каждого силовика приходилось по пять работяг. Слышались хриплые команды, когда охранники сдвинули ряды перед стеной шахтёров, выставив вперёд щиты. Толпа Расимовских начала кричать и орать оскорбления в сторону северян, те что-то орали в ответ на нескольких языках. Он увидел краем глаза, как толпа шахтёров бросилась

вперёд, воздух сразу наполнился криком боли. Стена охранников выдержала первый удар, над головами горняков тоже замелькали деревянные дубинки и обрезки труб — те были готовы к бою. Оцепление военных прорвали в секунды, но уфимские умело сбились в небольшие группки, отступая к Фактории.

— Отходим! — кричал Гильза, ловко круша нападающих шахтёров. Василь бросился к воротам Фактории — обернувшись, он увидел, что нападающие смяли оцепление, и, не тратя время на военных, бросились на северян. Солдаты организованно отступали к воротам Фактории — из сцепившейся толпы к ним бежали охранники и военные, многие с разбитыми лицами.

Василь видел, что у ворот во Внешний город охранники так же выстроились стеной, но они были не интересны шахтёрам. Василь видел, что Стойбище превратилось в визжащую, хаотичную драку. Законник слышал ужасные крики, словно кого-то там забивали насмерть.

— Ну что, пора заканчивать, — зло сказал Гильза.

Внутри Фактории, прямо на снегу, лежали несколько десятков раненых — пять солдат и два десятка северян. В руках у бойцов вокруг Гильзы появилось оружие. Он не видел страха у уфимских бойцов, те разбились по десяткам и ждали только команды.

— За мной! — крикнул майор, направляясь к воротам. Цепь солдат быстро и неотвратно двинулась на сцепившихся в драке северян и шахтёров. Василь шёл следом, сейчас плотная толпа солдат была самым безопасным местом. Выстрелы сливались в непрерывный грохот — каратели уже не церемонились, отстреливая самых ретивых. От попаданий резиновых пуль люди валялись на землю, истошно вопя. Толпа горняков заметалась — со стороны города плотной стеной двигалась стена охранников, так же безжалостно отстреливая шахтёров травматическими пулями. Драка кончилась, работяги уже спасали себя. На брусчатой площади осталось с сотню покалеченных с обеих сторон.

— Чёрт, сегодня хуже, чем обычно, — сказал Гильза, тяжело дыша.

Василь осматривал толпу. Такого он не ожидал — какая жуткая ярость! Вот только почему она была направлена на северян? Толпа охранников Сибая встретила с ударным кулаком уфимских солдат и, разделившись на две шеренги, цепи двинулась в разные стороны, зачищая площадь. Драки больше не было, сейчас это была полицейская операция. Василь так и не увидел никаких подстрекателей, просто разъяренная толпа.

«Что я тут делаю?» — спросил Василь себя и не мог найти ответа. Он быстро шёл по окровавленной площади, кутаясь в куртку — ему хотелось попасть в свой вонючий, безопасный кабинет. Рядом шёл возбуждённый начальник уфимского гарнизона, в сопровождении нескольких охранников. Ещё Василь увидел, что чуть поодаль за ними следует уборщик, который подслушивал в коридоре, стараясь быть незаметным, а военные его словно не замечают. Внезапно Василю стали смешны его подозрения насчет Гильзы — Уфа знала, кого прислала в Сибай. Навстречу им шёл Александра, также в сопровождении своих бойцов.

— Я же говорил, народники, — сказал зло Гильза, — это их рук дело...

Взрыв. Звон в ушах.

Василь увидел, как в нескольких десятках метрах от него, над толпой северян, взметнулся фонтан снега. Видел поток крови, выплеснувшийся на землю, видел чью-то оторванную руку, странно и медленно летевшую в воздухе. Граната зацепила соглядатая, и у Василя мелькнула мысль, что торговец с облитыми унтами мог бы быть доволен. Законник инстинктивно упал на землю, Александра рухнул рядом, закрыв голову. Гильза бежал куда-

то в сторону, вытащив пистолет и целясь в темень у стены, которая так не понравилась Василию. Законник потряс головой — уши разрывал мучительный звон. Граната? Но кто, шахтёры?

Сейчас Василь увидел стрелка — он вряд ли бы заметил его, если бы не блеск металла. Тот стоял в тени стены, в полусотне метров — невысокий, в драной одежде, он держал «Громобой». Гранатометчик как-то странно и механически, словно руки его не слушались, перезарядил оружие и вышел из тени, целясь в их сторону. Кто цель? Гильза? Или он?

— Вон он! — закричал Василь. — Живым брать!

Законник вытащил пистолет и по дуге побежал навстречу стрелку. Вокруг убийцы взметнулось несколько грязных гейзеров от попадания пуль. Стреляли издалека, а выстрелов он не слышал. Кто же стреляет по нему? Нет, хотелось крикнуть ему, только не убейте! До стрелка тридцать шагов, двадцать. Сейчас он видел глаза убийцы — бескрайние белки глаз, зрачков не было видно. Боевой коктейль или просто наркотик? Живым, только живым! Почему-то противник не нажимал курок, на не сгибающихся ногах идя навстречу Василию. «Не профессионал, — подумал законник. — Вкололи боевой коктейль, а что с руками делать, тот и позабыл». Поэтому и нужны бесчисленные тренировки — тело не подведет, даже если голова отказала.

Когда Василию оставалось бежать несколько шагов, стрелок словно очнулся и нажал на спусковой крючок. Граната взвизгнула где-то в стороне, улетев в сторону Стойбища. Василя захлестнул азарт, несколько шагов и он получит ответы! Законник почти успел, когда пули вырвали кровавые фонтанчики из груди несостоявшегося убийцы. Тот без всяких эмоций на лице повалился вперед. Василь упал около него на колени и перевернул. Мёртв.

Василь обернулся, но так и не увидел, кто же мог с это сделать. Стреляли из винтовки с глушителем, ни у кого на стенах не было такой. Василь не успел. Он встал, оглядывая площадь. Кому-то было очень нужно, чтобы он не опоздал. Но только кому?

Глава 8. Люций

Люций ополоснул лицо.

На коже оставалось неприятное ощущение, словно она стала только грязнее. Он брезгливо стряхнул капли воды с рук, закрыл кран и обтёрся дряхлым полотенцем. Где-то внизу он услышал звук капающей воды. Он наклонился и зашипел в раздражении — под раковиной натекла небольшая лужа.

Первой мыслью было позвонить на станцию и обматерить Арсена, повелителя каналюги. Тот, как всегда, будет отнекиваться и говорить, что у него лишь пять сотрудников, а прорех в сетях канализации столько, что и сотня людей бы не справилась. Потом, чего доброго, начнёт припоминать бесчисленные обещания про дополнительные бюджеты, набор новых людей. Нет, проще без него... Люций вздохнул, сходил в туалет за ведром с тряпкой и вытер лужу. Когда он ставил ведро обратно, увидел в углу шкафа клочок бумаги. "Уважаемый Люций Андреевич, напоминаю о просьбе...". Комендант аккуратно положил записку на прежнее место, словно и не видел её.

Люций включил воду и снова услышал отвратительный капающий звук. Минуту он стоял, думая, стоит ли снова сходить за тряпкой, потом махнул рукой и сел за стол. «Ведь когда-нибудь будет день, когда всё развалится окончательно, — подумал он отрешённо, — что делать будем? Остановится станция, потому что не будет запчастей — сейчас их снимали с недееспособных турбин и котлов. Придёт день, когда закончатся кабели, лампочки и насосы. Да зачем представлять, можно и вживую увидеть. Достаточно выйти во Внешний Город, насквозь провонявший навозом — вот так с нами и будет. Да и лекарств к тому времени тоже не будет, по слухам, древние фабрики в Уфе уже на последнем издыхании, будем травками лечиться... Кстати, нужно бы позвонить, узнать, что с ранеными, после вчерашней бойни».

Люций поднял трубку, новенькая связистка долго пыталась соединить его с госпиталем, а когда, наконец, получилось, на той стороне никто не ответил. Пройдёт ещё годик и проще будет сходить. Он подумал также, что стоит позвонить Александере и узнать, как продвигается расследование, но вряд ли начальник охраны скажет что-то новое, что не было озвучено на экстренном заседании Городского Совета.

Стрелок был безликим работягой — кто-то видел его в шахте, другой ел с ним за одним столом в столовой, третий спал на соседней койке в ночлежке, но ни один не знал даже его имени. Во Внутреннем городе две тысячи людей, во Внешнем ещё четыре, ещё несколько сотен каждый день прибывают и уходят, а сколько точно, никто и не знает. Немудрено, что стрелок был невидимкой. Но что же заставило его открыть пальбу? И кто же дал ему «Громобой»? Люций не сомневался, что, как и прошлые теракты, этот останется нераскрытым. Через два-три дня произойдёт очередная катастрофа, и, разгребая последствия, все забудут о стрелке.

Ну не должна была вчерашняя драка закончиться так. Драку устроил Расим по его, Люция, просьбе, чтобы заставить уфимских остановить закуп скота у северян. Вот только кто-то использовал её, чтобы устроить бойню.

Подвёл его Молчанов. Он так надеялся, что генерал пришлёт сюда команду бойцов и законников, от одного вида которой будет трястись и Совет, и Александра. Вместо этого, тот прислал только одного буквоеда. С другой стороны, Люций понимал, что виноват сам —

нужно было сразу кричать, что без серьёзной помощи он не вытянет. Зачем начал уговаривать генерала, говорить, что проблемка совсем небольшая и люди Молчанова справятся мигом? В липовых документах Городского Совета Василь действительно разобрался, вот только про хищения Люций и так знал — ему бы в помощь пяток ребят, кто крови не боится, кто поперёк Гильзы и Грека смог бы выступить. Что теперь сказать Василю, что туфта его расследование?

«Как победить коррупцию? Начните с того, что посадите трёх друзей. Вы точно знаете — за что, и они знают — за что». Люций не помнил, когда слышал эту фразу, вот только она всегда казалась ему глупой. «Как всё просто у них, — зло подумал он. — А что, если двое из них, это силовики? Как ты их посадишь?»

О том, что Плюха сговорился с Ильфатом, отщипывая немалую долю торговли, он знал давно. Также не было новостью информация про Луизу — госпиталь Внешнего Города давно перестал приносить прибыль, хотя в нём всегда полно клиентуры. Да и Александра явно в доле, ищет ищет коррупцию и демонстративно не находит.

С другой стороны, не такой и простой человек, этот законник. Налёт ордынцев, взрывы на площади не изменили его решимости. Другой бы на месте Василя забился в кабинете, а этот нет, так и шастает по Внешнему Городу, опрашивая свидетелей. У законника была задача, и, как дверная пружина, он продолжал давить и давить. Люций даже начинал верить, что законник сможет что-то сделать, хоть не Греком, но с засильем воря.

Входная дверь тихонько скрипнула. Карина неслышно вошла в комнату, поставила перед комендантом стакан чая и аккуратно положила сбоку папку с документами.

— В чём дело? — спросил он устало.

— Люций Андреевич, — сказала Карина, — тут Марсель Грязнов в приёмной.

«И как он умудряется прийти, когда я в кабинете один?», подумал Люций.

— Пригласи.

Марсель неслышно зашёл в кабинет, и Люций в который раз отметил, как же тот отличается от всех уфимских военных, кого он встречал за долгую карьеру. Невысокий, толстенький, улыбчивый, его легко можно было представить, к примеру, владельцем ресторана во Внешнем Городе. Люций посмотрел на свежий шрам на лице майора — почти незаметная, красная чёрточка. Эх, — подумал Люций, — чуть по-другому полетел бы осколок от гранаты «Громобоя», сколько проблем было разом снято!»

— Заживает? — спросил он участливо.

Гильза задумчиво потрогал шрам, но тут же сделал ответный ход.

— Да, уже лучше. Спасибо за участие. Что я зашел-то? — сказал он. — Мы отправляем поезд со скотом в Уфу. Последние два дня закуп остановился, ждать смысла больше нет.

«Так вот зачем ты тут», — зло подумал Люций. После кровавой бани на стойбище северяне прыснули во все стороны, как крысы от света. У него был план дотянуть до весны, закупая у них скот. Сейчас, после теракта, торговля Сибая сократилась вполовину, враз поставив город на грань голода.

— Может, концентрат отправим в Уфу? — решил попробовать Люций. — Что место в поезде пропадает?

— Нет, — с показным сочувствием ответил майор, — у меня приказ. Транспорт только под продовольствие для Уфы. Всё, что не купили тут, погрузим в Белорецке. Северяне сейчас туда рванут.

«Как удобно, — подумал Люций. — Как же вовремя для тебя произошла стрельба на

стойбище! Ещё вчера я думал, что у меня есть время, а сейчас счёт пойдёт на дни. Знает ведь, сколько у нас продовольствия в запасе! Знает, что без закупок скота и рыбы у северян, мы не протянем».

Майор развалился в кресле. «Что же там такое лопаешь, в своём гарнизоне, что красотой телесной налился? — с ненавистью подумал Люций. — В Сибаяе упитанные щёчки только у Иванки, ну там-то вопросов нет».

— Ну нет, так нет, — равнодушно сказал Люций, — что поделывать, затянем пояса. Не впервой.

— Может, не нужны такие жертвы? — спросил Марсель участливо.

Люций внутренне простонал. Опять тот же разговор.

— Ну а как ещё? Или предлагаешь немножко поступиться независимостью Сибая? Так я тебе скажу, ничего не изменилось со времени последнего разговора.

Марсель раздражённо отмахнулся.

— Не скатывайся в банальности. Рассказы о том, как у вас всё прекрасно, будешь населению перед выборами втирать. Если поверят. Я знаю, что запас продовольствия у вас меньше чем на месяц, и даже эта цифра была с учётом поставок из степи. По моим оценкам, через две недели в городе будет голод. Если мы договоримся, я смогу организовать необходимых вам запасов продовольствия из Межгорья.

— А есть ли те запасы? — не удержался от шпильки Люций.

— Есть, — сказал Гильза уверенно. — Я же не предлагаю вам полностью подчиниться Уфе. Мне нужно куда меньше — всего лишь немного изменить состав городского Совета. Просто политический жест.

— Надо же. Всего-то, — желчно ответил Комендант. — И кого вы хотите там видеть?

Марсель посмотрел на дверь, наклонился к Люцию и вполголоса продолжил.

— Во-первых, мы хотим убрать из совета Дмитрия Хвостинского. Сам понимаешь, он народник. Ну и вместе с ним, предлагаю поменять обслуживающий персонал станции на людей из Уфы. Инженеры у вас — это одно название. Наши люди куда более квалифицированы, чем ваши самоучки, количество аварий по городу снизится.

Люций про себя вздохнул. Ну да, звучало красиво, а к следующему сезону цена топлива вырастет раз в пять, и они уже ничего не смогут сделать. Знаем, проходили. Нет, уж лучше самоучки Димы.

В который раз он подумал, когда же всё начало валиться в пропасть? Ведь ещё пять лет назад всё было не так уж и плохо. Приемлемыми были отношения с Уфой, экономика города была в лучшем состоянии за всё время с основания города. Ещё не было Армянина, и торговля с северянами приносила огромные деньги через рынок. Они даже позволили себе нанять несколько врачей, устроив госпиталь для северян. Тогда были надежды, что Сибай перестанет быть сырьевым придатком Уфы.

Потом как-то резко всё стало ухудшаться. Армянин подмял под себя заведения Внешнего Города, война разрушила торговлю, а от госпиталя под руководством Луизы были одни убытки.

Люций поймал себя на мысли, что потерял нить разговора.

— ...Что ещё? Твой любимчик. Расим. Мы бы хотели сменить его на посту начальника рудодобычи.

— Ну, дело своё знает. В чём причина? — спросил Люций.

— Ну да, претензии к нему не как к специалисту, — примирительно сказал Марсель, —

но все мои источники говорят, что в шахтах бардак. Что драки с северянами эта проба сил боевых ячеек народников. Расим знает, но ничего не предпринимает. Нужен человек другого склада, кто такое терпеть не будет. Может, Артура, как думаешь?

Интересно, он на тебя уже работает? Или ты мне скармливаешь фуфло, чтобы я начал суетиться, требуя Александеру убрать Артура?

— Ну и... — продолжил Гильза, — мы бы хотели, чтобы Арсен не был твоим заместителем. Я все знаю. Он прекрасный человек, но по-моему вместо того, чтобы помогать городу, он тянет одеяло на себя.

— Кто же должен его заменить, по вашему? — холодно спросил Люций.

Марсель улыбнулся. «Ох и мерзкая ухмылочка», — подумал Комендант.

— Глухарь, — ответил майор.

«Очень странный выбор, — подумал Люций, — до сих пор фермер не был замечен в симпатиях к Уфе. Нужно было признать, майор был достаточно скромнен в желаниях. Дело, конечно, не в его миролюбии — понимает, что стоит ему передавить в переговорах и город полыхнёт. Многие судачат, что в проблемах Сибая виновата Уфа. Ну а мы эти разговоры не гасим, но изо всех сил разжигаем. Вот только если майор хочет видеть на посту заместителя Глухаря, значит, тому уже сделали предложение, от которого не отказываются. Нужно будет проверить, ну а пока... Пока пускай думает, что я готов согласиться», — размышлял Люций. Если он не согласится, через две недели, когда начнется голод, требования Марселя вырастут на порядок.

— Надо же. В этот раз не так уж и много хочешь, — сказал он. — Это всё обсуждаемо. Давай про это завтра поговорим — ты меня перед обедом поймал.

Марсель встал и в шутку поклонился.

— Разумеется, — ответил майор, широко улыбнувшись, — кто я такой, чтобы вас задерживать?

* * *

За дверьми кабинета Люций почувствовал, что у него трясутся руки.

«Стареешь, Люций. Никогда не боялся, а сейчас-то, что дрожишь? И ведь ни слова не сказал уфимец про стрелка. Выгодна ему та стрельба на площади, больше, чем кому-либо. Ну, значит, и будем исходить, что он сам бойню и устроил. У меня был план, у него контрплан. Шрам? Могли и скальпелем прорезать, чтобы подозрения отвести. С другой стороны, законника ты под выстрел подставил. Хотя, может и это часть плана — делать его сговорчивее. Как Василь ругался, когда люди Александеры забирали его Громобой! Вот это интересно — значит, пока майор не смог его переманить на свою сторону, хотя даже сомнений нет, что пытался».

Люций посмотрел на часы — была половина первого. Через пять минут к нему домой должен зайти Расим. Комендант поднялся, накинул на плечи тёплую куртку и вышел из кабинета. Карина была на своём месте, за огромным столом у двери. Она что-то читала, в свете настольной лампы она выглядела удивительно уютно. Она подняла голову, обещающе улыбнувшись ему. В который раз кольнуло сердце, и в который раз он подумал, что расставание было ошибкой. Ещё большей ошибкой было оставить её секретарём. Сам ведь решил порвать, но зачем мучить себя? Почему не заменил её, чтобы не видеть каждый день?

Люций холодно кивнул, сказал, что будет через два часа и вышел, чувствуя, как бешено стучит сердце. Он минуту постоял, поднял голову и увидел, что на него недобро смотрит охранник. Человек Александеры, даже не старался показать, что он важная шишка. Люций

быстро, кивками отвечая на приветствия людей, зашёл в столовую за едой на двоих и потом пошёл к себе. Это было неправильно, с людьми нужно разговаривать и пожимать руки, но он устал.

Администрация располагалась на первом этаже пятиэтажки. Верхние три этажа были жильём чиновников, при этом квартира коменданта была самой небольшой. Начальник должен быть примером, всегда думал он, жаль другие не разделяют эту идею. Конура Люция была аскетично обставлена, да и размер — однушка, была куда меньше положенной ему по статусу. Вон, Ильф аж две трёхкомнатные квартиры занимал, ничуть не стесняясь пересудов. Обставлена она была аскетично, вот только что окна, в отличие от почти всех помещений в городе, не были заделаны кирпичом и квартира была залита светом.

Он поставил еду на стол и начал подтягиваться, скорее по привычке. Десять, пятьдесят, сто. Такой же привычкой была и ежедневная борьба в Совете. Каждый раз, как бы больно не было, доводишь до конца. Минут через пять без стука зашёл Расим. Они договаривались пообедать вместе, но почему-то бесцеремонность старого знакомого отозвалась горечью внутри.

— Чёртов Грек! — бушевал шахтёр. — Всё утро моих шмонал! Меня, представляешь, тоже обыскать хотели! Гребанный гранатомётчик. С чего Александра решил, что я причастен?

Люций не прерывал ругань шахтёра. Пока тот не выговорится — не успокоится. Расим ходил по комнате, сотрясая воздух. Через пару минут его отпустило, и шахтёр сел в кресло. Он повёл носом, увидел контейнеры с едой, без разговоров поставил один на столик и начал есть.

— Я в администрацию заходил с утра, — сказал он, — говорят, там Хохол жаловался на Василя?

Люций кивнул.

— Да, Василь пришёл к нему обедать, а сам на кухню просочился, — ответил он, беря ложку. — Щитки вскрыл электрические. Посудомойку, говорит, нашёл и растерзал.

— Женщину, что ли? — с ужасом поднял голову от котелка Расим.

— Ну ты сказал, — рассмеялся Люций, — машину. Я и сам не знал, но у Хохла на кухне посуду какая-то автоматическая посудомойка моет. Василь это узнал откуда-то и полез проверять. Поваров запугал, они и пустили, но я этому не верю. Думаю, они сами Хохла и сдали, уж слишком целенаправленно Василь рыл.

— Нашёл что?

— Ну да. По электроэнергии у нас давно неучтенка была. В ресторан вёл кабель без счётчика. Как появилось, никто не знает, Хохол говорит, всегда кабель был.

Шахтёр кивнул, словно его это совсем не удивило. Он минуту помолчал, а потом вытащил из внутреннего кармана бутылку и поставил на стол.

— Что, может, по одной? Давно мы с тобой не сидели под бутылочку.

Люций отрицательно покачал головой.

— Я-то не против, но не в обед же! Может, вечером? Да и что вдвоём сидеть, давай компанию старую позовём.

— Хорошая идея, — кивнул Расим. Он достал бумагу, кисет с махоркой, и начал сосредоточенно крутить самокрутку. «Да, пальцы у тебя так и остались сардельками, — подумал Люций. — Да и мозгов особо не прибавилось, хотя карьере это совершенно не помешало. Вот сидит, и даже мысли у него нет, что Люций может проиграть. С другой

стороны, он и не думает самому занять место коменданта. Зачем ему быть наверху, если у него всё прекрасно — без конкуренции, без постоянного страха».

Сильно же вырос Расим из того исполнительного паренька, с которым он пробивался из Уфы. Как-то незаметно, при этом пугающе быстро, тот сделал карьеру среди ополчения Белорецка. Была даже мутная история, что его рота участвовала в перевороте, когда город откололся от Уфы на стороне восставших. Подробности Люций не знал, но после того переворота Расим поднялся, получив назначение командира роты охраны Сибайского Карьера, а потом начальником рудоуправления Нового Сибая. Про восстание в Белорецке ходила шутка, что если бы первыми приказ отдали уфимские, Расим бы без колебаний перевешал восставших, но заговорщики успели добежать до него первыми...

— Совсем что ли, обурел? Ты тут, в квартире, курить собрался? — сказал Люций зло.

— А что такого? — ответил тот, чиркая спичкой.

Вот ведь, насекомое. Впереди маячили выборы, и это был жирный намёк, от кого зависит треть голосов. Люций подумал, что в целом жизнь его не так уж изменилась, по сравнению с довоенной, когда он был начальником гражданской обороны завода. Конечно, Люций стало комендантом города, но по факту, роль его была представительской. Он следил за распределением запасов, что-то решал по мелочи, но по факту, вся власть, вся реальная деятельность, была в руках начальников производственных управлений. Его власть держалась только на том, что Люций умело стравливал их между собой, сам оставаясь над схваткой.

— Ну что, тогда после ужина у тебя? — спросил Расим.

— Да. Я Фангата позову.

Расим поморщился, но возражать не стал. Торговец всё время подкалывал шахтёра, тот же терялся и не мог придумать, чем ответить на шутки.

— Ну да, можно ещё и Арсена, — с некоторой издевкой предложил Расим.

— Ну блин, тогда точно напьюсь, — рассмеялся Комендант. — Притащи побольше зелья, что твои гонят. Я закуску организую.

Люций остался один в кабинете чувствуя грусть. Расима он знал сорок три года, Арсена чуть меньше, да и Фангата лет двадцать. За последние годы не появилось ни одного нового друга, да что друга, знакомого, которого можно было позвать выпить! На него в который раз нахлынуло пугающе чувство, что жизнь осталась позади. Вот только что он в жизни видел? Он снова подумал об отъезде. Взять сокровище, спрятанное у Расима, и свалить на Урал. Там продать, да и пожить в своё удовольствие. Вот только не дадут ему сбежать, не дадут. Была надежда на Молчанова, да не сработала. Так что пора признаться себе, что он уже проиграл — выстрел прозвучал, но пуля ещё не прилетела. Через месяц, после поражения на выборах, она вышибет ему мозги.

* * *

Люций спустился в Убежище Совета в Старом Городе.

Он минуту постоял на улице, оглядывая тёмные окна древнего здания. Все стёкла давно вытащили фермеры для устройства теплиц на фермах, а всё, что оставалось ценного, растащили собиратели. На улице не осталось даже деревьев — спилили и пустили на дрова. Он пару минут изучал окрестности, не увидев ни соглядатаев Гильзы, ни случайных свидетелей. С улицы спуск в подвал был перекрыт железной дверью — помучавшись, он открыл её ключом.

Вниз уходили ступени, по которым журчала вода. Он с опаской спустился — плиты

перекрытия над головой просели, обнажив рёбра арматуры. Свет лампы отражался от пустых комнат подвала. На полу была масса следов, но все они были древними — сюда никто не спускался много лет. Он подошёл к стене и щёлкнул выключателем. Света, разумеется, не было — все кабели, уходя, вытащили люди Димы. Сколько лет он не был тут. Четырнадцать? А сколько лет провёл в этом подвале, управляя умирающим городом? Девять? Старое, мёртвое место, но тут прошла пятая часть его жизни.

В конце вереницы пустых комнат была железная дверь, с почти неразличимой надписью: «Убежище для эвакуируемых Национального Банка». С ней он помучался куда дольше — металл по краю приржавел к косяку. Люций поддел дверь ломиком и открыл. Внутри было пусто, мебель сохранилась в большом зале, да и только потому, что там были прикрученные к полу кресла и огромный стол, вытащить которые было слишком муторным делом. Люций сел в кресло, чувствуя, как на него нахлынули воспоминания о первой Зиме. Это были отвратительные годы, но он гордился тем, что тогда смог сделать.

Он закрывал глаза и видел лагерь около станции «Бензин» в Уфе. Море палаток, взвод мальчишек из университета МЧС с нашивками спасателей, рота безусых военных — тоже курсанты училища, которым досрочно налепили погоны. До первых морозов людей успели переселить в отреставрированные дома с центральным отоплением, иначе первая Зима стала бы последней.

Волна пепла, накрывшая обе Америки, почти не затронула Уфу и сюда бежали люди со всего света. Люди, давно сбежавшие за рубеж, внезапно вспомнили, что они русские. Они ехали из Европы, Америки, из Азии. Ещё не было холодов, но голод, новый господин мира, уже вступил в свои права. Международная торговля как-то внезапно закончилась, все страны стремительно накапливали запасы, и без удобрений сельское хозяйство стремительно скатилось в 19 век. К счастью, в первую Зиму была еда из хранилищ Госрезерва — вокруг неё как-то незаметно выстроилась новая вертикаль власти. В эвакуационном лагере произошло то же самое — военные плюнули на наведение порядка, контролируя только район столовой и складов продовольствия.

В воспоминаниях Люция о том времени самым ярким было всё, что связано с едой — миски, котлы, повара. Количество её было на грани выживания — на огромный чан, в котором варили на сотни людей, приходилась пачка гречки и банка тушёнки. Если тебе попадало несколько крупинок и нить мяса, ты был счастливчик.

Он помнил, что в столовой всё время играла музыка из репродукторов. Люди умирали постоянно — они садились и засыпали, чтобы больше не проснуться. В лагерь всё время привозили новых людей, старые отравлялись на огромные кладбища вокруг. Музыка включали так громко, чтобы никто и не думал заснуть в столовой или на улице. Ещё он помнил запах бачков с раствором на входе в столовую. Давно не было мыла, только какая-то жидкость с хлорным запахом, от которой облезала кожа. Кроме голода, организаторы лагеря боялись эпидемий.

Люций помнил только один случай из тех лет, когда он ел колбасу. Загорелся склад, он даже не мог подумать, что колбаса так хорошо горит. Зарево пламени над складами, они спасали коробки и Люций не сдержался — схватил прямо из огня обгоревшую, жирную головешку и сожрал. Это был единственный случай из тех лет, когда он взял что-то чужое. Его принципиальность чуть было не стоила ему жизни. Две пули, четыре удара ножом — были единственной за это наградой. С другой стороны, эти раны его и спасли — из страшных первых пяти лет Люций почти два года провалялся по госпиталям в Уфе.

Медсанчасть сделала его артистом. На что только он не шёл, чтобы разжалобить медсестёр, чтобы остаться в больнице подольше. Вот тогда Люций и понял, что не так уж важно, что говорить, главное, как и сколько вкладывать энергии в слова. Самое нелепое враньё может выглядеть нескладной правдой, если ты говоришь с жаром и убедительно.

Годы в лагере сделали из него политика. Тогда Люций понял, что же движет людьми, и как использовать это. Он узнал, как лютый сплав жадности и страха превращает людей в винтики механизма, заставляя одного стать надсмотрщиком, а другого соглашаться на простую работу с мизерным пайком.

Василь появился только через сорок минут, когда Люций начал замерзать. Видно, долго не мог найти место.

— Направьте, пожалуйста, свет в потолок, — попросил Василь, входя в зал.

Комендант развернул фонарик на потолок, залив комнату мягким светом.

— Садись, — сказал комендант, — мебель тут хорошо сохранилась, не развалится.

Василь проигнорировал его предложение, и пошел вдоль стены и рассматривая схемы на стенах. Люций в который раз думал, как же не подходит внешний вид Василя, под его суровое ремесло. От законников ждешь какого-то устрашающего вида, но Василь был плотным, мускулистым мужиком неопределенного возраста, с редкими волосами, и походил скорее на учителя физкультуры. Ещё с физруком или трудовиком его роднили глаза, какие-то слезящиеся, несчастливые, казалось, что он пьет не просыхая. Хотя по меркам законников он был стар, профессия не располагала к долголетию, и это намекало, что дело своё он знал.

— Я слышал, что тут был штаб Нового Сибая, — сказал законник. — Когда вы только стали комендантом.

— Да, — сказал Комендант — тут был городской Совет. Зачем ты попросил встретиться не в городе?

— В вашем кабинете кругом прослушка, — спокойно ответил Василь.

— Не может быть, — ответил Люций, — я всё время проверяю.

— Вы обыскали всё в кабинете, — пояснил Василь. — Вот только тот, кто ставил прослушку, знак, куда прятать. По воздуховодам звук слышен за десятки метров, микрофоны стояли у главной вентшахты.

«Гильза, — подумал Люций, — больше некому. Теперь понятно, почему ты был так хорошо информирован о моих перемещениях».

Василь сел. Люций почувствовал себя неуютно, законник сидел, положив руки на стол, не мигая. Люций решительно не мог представить, что у Василя могут быть друзья. Автомат просто, а не человек. Законник не ходил ни в бар, ни в кинотеатр. Он даже спал у себя в кабинете, за железной дверью.

— Ну, что нарыл? — спросил комендант. — Нашёл, кто устроил стрельбу на площади?

Василь помассировал лоб, но даже это выглядело неестественно.

— Армянин или Хохол, кто же ещё. Наркоту сбывают в городе их люди, да и стрелок был под какой-то дурью. Как начать их разрабатывать, пока не придумал. Хорошо концы в воду прячут.

Люций кивнул. Ничего нового законник не нарыл. Уже год по утрам в городе находили людей, умерших от передоза. Вне ниточки вели к Армянину, главе администрации Внешнего города, и к Хохлу, владельцу корчмы.

— Не спору, они первые в списке, — сказал комендант, — нужно проверить все заведения во Внешнем городе, которые как-то связаны с этими двоими. Я организую приказ

Администрации. По факту треть пайков уходит по внутренним ценам во Внешний город, ну а там продаётся в заведениях Освальдса и Хохла. По уставу они должны прибыль отдавать в бюджет города, но по их отчётности это всё глубоко убыточные предприятия. Кроме столовых, можно проверить баню, кино и медпункт. Подозреваю, все эти заведения куда более прибыльны, чем показывают Хохол и Армянин. Если я попробую что-то сделать, мои оппоненты тут же поднимут людей на протесты. Но если наезд на них будет от тебя, население обеими руками поддержит. Никто их не любит, правда, меня ещё меньше.

Василь кивнул.

— Хорошо, — спросил Василь, — если что-то нарою, решение, что с ними делать, я принимаю сам?

Комендант помедлил с ответом. Он легко мог представить себе, что законник нарочит что-то на Арсена или Расима, лишая его союзников.

— Я не буду защищать никого, если у тебя будут доказательства. Ещё скажи, Ким, механик, почему ты против, чтобы он был в городе?

Василь с кривой улыбкой посмотрел на коменданта.

— Непростой он человек. Легенда у него чёткая, все проверки прошёл, но что-то с ним не то. Откуда вы его откопали?

— Карина нашла в Кумертау. Очень недорого он мне достался. Наверняка народник, но выбора не было.

Василь поморщился.

— Дело ваше, но я бы выгнал его из Внешнего города. Просто чувствую, что с ним могут быть проблемы.

Люций не ответил. Возможно, Василь был и прав, но механик, это был шанс на победу. Вряд ли Ким сможет навредить за недели, что остались до выборов.

— Вот ещё. Люди нужны, — сказал Василь, — Вы мне посоветовали вербануть Искандера, но он сдал меня Александере. Откуда могли Плюха с Луизой узнать, что я по их душу? Я только Искандеру сказал.

Люций отрицательно покачал головой.

— Когда вы уехали, Ильфат уже знал про тебя. Так что это точно не Искандер.

Впервые за разговор, Комендант увидел хоть какую-то эмоцию на лице Василя. У того на лице появилось облегчение.

— И ещё, я знаю где Плюха, — едко улыбнулся Люций, — он попросил Александеру, чтобы его сопроводили до одной деревни около Сибая.

— В охране ваши люди?

— Конечно, — усмехнулся Люций. — Если бы я сидел ровно, меня бы в этом подвале и прибили.

— Хорошо, — недобро улыбнулся Василь. — Первым делом я навещу его. Думаю, там и дальнейшие ниточки появятся. Что думаете про Ильфата?

Люций помолчал.

— Не могу сказать точно. Грехов за ним полно, но вот что он замазан в налёте ордынцев или стрельбе на площади, я не уверен... Ильфат трусоват, да и так поднимает со складов много, не стал бы он рисковать. Что по бойцам посоветовать могу. Попробуй с Фангатом контакт найти, я просил его людей встретить вас на пути из Белорецка. С Армянином он на ножах, думаю поможет.

— Попробую, — ответил Василь, вставая.

— Будь осторожен, — Люций протянул руку, — ставки очень высоки. В следующий раз они выберут кого-то посерьёзнее наркомана с трясущими руками.

«Институт». Лу. 3 года после начала Зимы

Лу стояла под потоками дождя, с наслаждением подставляя лицо теплым каплям. Из темноты над головой хлестали болезненно приятные струи. Геофронт был освещён лишь цепью фонарей над дорожкой по краю, так что можно было легко поверить, что этот тёмный свод — это настоящее небо.

Девушка шла по блестящему от воды лесу, нарочно задевая ветки, и каждое дерево сбрасывало на неё поток капель. Лу смахнула воду головы, радостно рассмеялась и пошла по лесу к краю Геофронта, туда, где склон становился совсем крутым, и нужно было использовать звонкую лесенку из нержавеющей стали, звенящую от капель. Как всегда после дождя, она не могла надыхаться свежестью. Вроде тот же воздух, что вентиляторы гнали с поверхности, но всё равно, вдохнёшь, и внутри какая-то детская радость.

Потом она стояла на тёплом, ласковом бетоне, растираясь полотенцем, а рядом отфыркиваясь, вытиралась Ксения. Внизу, в Геофронте, шелестел под последними струями дождя, молодой, едва выше роста Лу, лес. В потоках воздуха колыхались вершины ив, замерли плотные заросли молодых пихт, наполняющие воздух головокружительным запахом хвои. Ксения присела на самом краю, трогая верхушки деревьев и впервые за последние недели выглядела счастливой. Она срезала для исследований несколько побегов и с тревогой посмотрела на пожелтевшую ель.

— Хорошо тут сегодня, — сказала Ксю.

На другой стороне Геофронта тоже были люди, парни в плавках гоготали, лупя друг друга по спинам. Лу помахала им. Сегодня в лесу были только свои, с Нижнего уровня, так что можно было расслабиться. Когда кто-то с той стороны свистнул, Ксю игриво выставила ногу из-под полотенца, встряхнула волосы и соблазнительно изогнулось. Лу с завистью посмотрела на подругу, у неё не было такой уверенности в себе. С другой стороны леса одобрительно завопили. «Змей, кто же ещё, — подумала Лу с негодованием. — Вот если бы Рыжий так же засвистел ей...»

— У тебя нет пластыря? — спросила Ксения, с гримасой на лице рассматривая пятку. — Натёрла.

Лу кивнула. Она подошла к стене, где на скамейке стены лежала одежда и её сумка с медикаментами. Она присела, рассматривая красную пятку подруги.

— Это всё от костюмов, — сказала Лу.

Она достала банку с пахнущей хвоей мазью, аккуратно смазала и наложила бинт. Потом со смехом ущипнула Ксю за гусиную кожу на ляжке. В прошлый раз во время купания на обводном канале, Рыжий только и делал, что пялился на Ксению, и Лу так и не простила подругу.

— Ты совсем похудела. Ложись к нам в госпиталь, там питание получше.

Ксения с негодованием фыркнула, натягивая землисто зелёный костюм. Она расчесала кудрявую копну, на которую жаловались техники, которые ремонтировали душевые. Потом села на скамейку, достав зеркало. Лу с жалостью посмотрела на неё, кисти рук и лицо стали костлявым, она выглядела как узница концлагеря. Ксения повесила на шею наушники и переключила их на громкую связь.

— ...Получены предварительные результаты по материалу И-сто семнадцать. Доктор Савельев предполагает, что этот вид может быть устойчивым...

Ксения вздохнула, затянув молнию до подбородка. Её губы превратились в жёсткую линию, и Лу тут же забыла, как ревновала Рыжего.

— Не расстраивайся ты так. Думает он о тебе.

— Дура ты, — беззлобно сказала Ксю, — сдался он мне.

Лу натянула голубой комбинезон врача. «Ну, пока не врача, но скоро буду», — самодовольно подумала она. Эх, вот почему её так не свистят, как Ксюхе? Лу говорила себе, что это ей совсем неинтересно, но втайне признавалась, было обидно, что всё внимание достаётся старшей подруге.

Дождь прекратился, на своде Геофронта зажглись лампы. Горела, дай бог, треть — в институте сэкономили энергию — деревья внизу выглядели тёмной, пугающей массой. Она любила лес, он был напоминанием о мире, который исчез под снегом.

Запищал таймер в фитнес-браслете, она вздохнула. Время отдыха кончилось, впереди была напряженная двенадцатичасовая смена на нижнем уровне. Лу надела сумку, набитую средствами от химических ожогов и бинтами ожогов, на другое плечо натянула противогаз. Не нужен он, но Ксения без него не пускала в лабораторию, говорила, там опасно.

Наверное, Грей уже сделал всё для больных на Нижнем уровне, и теперь всё, что ей нужно, это следить за ними и делать перевязки. Там не было тяжело раненных, в основном поражения кожи второй степени. Привычная рутина на нижнем уровне, и её снова будет скучно. Нужно как-то просочиться к Ксюхе, в лабораторию, вот только без причины нельзя. Конечно, можно внаглую прийти, взять ящики с ивовой корой для производства аспирина, которые так удачно сложены тут и пойти.

Распахнулись двери лифта, и в Геофронт вошло несколько людей из Верхних. От одного их вида лицо Ксении перекошило, как от лимона. Ученые одеты в зелёные костюмы, техники в серые. Люди, которые пришли в зал, красовались в гражданской одежде. Впереди шла немолодая костлявая женщина в деловом костюме. Она поморщилась, обходя лужи на бетоне.

— Ксения, — сказала она грубо, подойдя ближе, — почему вы не в рисовой ферме, как указано в вашем расписании?

— Вы знаете, что мы срываем план по проверке однолетних злаковых? — огрызнулась Ксю. — Вы знаете, если мы не отберём в хранилище образцы для высаживания, можем потерять этот вид? Нет, конечно, вы это не знаете.

Женщина, поджав губы, стряхнула со скамейки капли воды и поставила дорогой портфель на рифленый металл. С важным видом она достала папку с бумагами и начала перебирать листы.

— В первый раз слышу, — надменно сказала женщина. — В расписании лаборатории этого нет. По плану у вас увеличение посевов риса на пять процентов. Вот распоряжение. Подписано, в том числе, и вашим руководителем.

Ксения поморщилась.

— Да, я вижу. Но тут же сказано, что работу по увеличению продовольствия нужно выполнить после плановых работ в Хранилище. Сохранение семян — это плановая работа, поэтому её в расписании нет. По моим оценкам, эта работа займёт около четырех часов.

Женщина в костюме буравила Ксю взглядом. Через минуту она сдалась.

— Хорошо, я найду в лабораторию в середине смены.

Она повернулась к Лу.

— Луиза, как я понимаю, вы сегодня дежурный врач на Нижнем уровне?

Лу кивнула.

— Да. Тоже есть какое-то распоряжение?

Женщина покачала головой.

— Нет, к вашему наряду вопросов нет. Я хочу попросить вас лично: на Верхнем уровне столпотворение больных в госпитале, а ваш Грей сегодня отказывается работать.

Лу промолчала. Верхняя умолчала, что от врача, который и так работал без выходных по полторы смены, потребовали организовать уход за хрониками из Верхних.

— Вы же понимаете, что наверху пятьдесят людей, которым нужно медицинское обслуживание. В конце концов это ваш долг, как врача.

Лу с изумлением понимала, что Верхняя действительно верит, что сможет её убедить. Тут, внизу, была очередь на перевязку, но вместо этого она должна была с ложечки кормить старух-язвенниц из Верхних? Лу задохнулась от возмущения.

— Вы кем работали? До Зимы. — спросила Ксю.

— Заместитель министра финансов, — процедила женщина.

— Понятно, — зло сказала Ксю. — Ну тогда для вас объясню, как для экономиста, если по другому вам непонятно. Денег на счету нет, и как не уговаривай, больше их не будет! На весь Институт есть один врач и один фельдшер. Больше нет. Это вам понятно?

Женщина фыркнула, но к удивлению Лу не стала спорить.

— Ксения, через шесть часов я зайду, — сказала она, собирая бумаги в портфель и направившись к лифту.

Лу слушала, как шипит и ругается Ксения. Сейчас Лу простила подруге всё, даже Рыжего. У неё самой не хватало духа спорить с руководителями Верхних, а вот Ксю не боялась.

— Не переживай, спасатели говорили, что подготовят для них другое убежище, — сказала Лу, чтобы успокоить подругу.

— Ты веришь? Не будет этого, они тут навсегда, — сказала Ксю с тоской. Она помолчала минуту и добавила. — Верхние предложили закрыть Геофронт,

Лу с ужасом посмотрела на нее.

— Говорят, система дождя потребляет четыре процента энергии. Говорят, для экономии нужно отключить.

— Но ведь тут ивы и хвоя для лекарств!

— Предлагают растить в теплицах, как всё остальное.

Лу покачала головой.

— Не смогут, — сказала она, — отстоим.

Ксения сжала губы и вздохнула.

— Они хотят сделать тут парк для прогулок. И футбольное поле.

Лу с удивлением посмотрела на неё.

— Так у них же есть зал! Волейбольный, да ещё и отдельный теннисный зал.

— Теперь хотят футбольное поле.

Ксения отвернулась и скрылась в темноте туннеля. Лу молчала, глядя на единственный кусочек леса в Институте. В голове роились мысли, и впервые она решила, что сделает всё, чтобы это не произошло.

* * *

Наблюдать за затуханием мира было пугающе, но очень интересно.

Первые месяцы она не могла оторваться от новостей, пересматривая каждое видео из

Америки, где облака пепла накрыли города около Йеллостоуна. Она с ужасом смотрела видео из домов, где пепел доходил до крыш, или из высоких домов, вокруг которых была пепельная пустыня, с редкими торчащими зданиями. Через несколько недель после извержения Интернет стал ужасающе медленным, в соцсетях нельзя было посмотреть видео, и остались только фотографии.

Источником новостей оставался только телевизор с раздражающе спокойными репортажами. О надвигающейся Зиме рассказывали как о чем-то обыденном. Утепляйте окна, утепляйте стены, запасайте теплую одежду... Люди спешно подключали кабельное телевидение — обычные телевизионные антенны стали бесполезными. По слухам, вулканическая пыль блокировала сигналы со спутников.

По государственным каналам было много сюжетов про заготовку урожая, тот был огромен, и без экспорта должно было хватить на несколько лет. Вместе с Интернетом исчезли газеты и, почему-то, туалетная бумага. Люди начали собираться на площадях и улицах, и в городе появились военные, был введён комендантский час и запрет собраний, и всё, что оставалось людям, это сидеть перед телевизорами.

В Соликамске, где она жила, ещё не было видно признаков надвигающейся катастрофы. Она жила в десяти минутах от Института, на съёмной квартире, так и не найдя в себе сил сказать хозяйке, что их ждёт. Она не очень переживала за родителей — те жили в нефтяной столице Сибири, и Грей убедил её, что у них всё будет хорошо.

Потом небо стало темнеть. Чистоту небосвода начали прорезать длинные серые полосы, и с каждым днём их становилось всё больше.

В городе стало тесно от чужаков, которых привозили автобусами. Старые пятиэтажки в городе старательно утеплялись, на окна ставились ставни или навешивался наружный стеклопакет. Она слышала, что городскую котельную перестраивали, добавляя огромный топливный парк. Все заброшенные дома в городе реконструировались, наполняясь беженцами. В Соликамске стало очень много людей, который говорили на разных языках. Она встречала людей, предки которых уехали ещё до революции 1917 года, но которые сейчас возвращались в Россию, убегая от пепла. Многие даже не говорили по-русски, но власти почему-то принимали всех.

Лу каждый день ездила на служебном автобусе в Институт. Для неё не было работы, но это было куда интереснее, чем сидеть дома. Она видела грузовики, которые непрерывно въезжали через ворота, разгружая запасы на нижние уровни Института. На собрании сотрудников им сообщили, что они должны быть готовы провести под землей до трех лет, вот только запасы были на куда больший период, и это пугало.

К сентябрю небо стало серым, в воздухе непрерывно висела дымка. Красивыми были лишь закаты, жёлтое, дрожащее солнце с трудом пробивалось сквозь пыльную завесу. Люди уже не открывали окна, стоило открыть и через минуту на каждой открытой поверхности была пыль. Трава стала серой, листья опали раньше обычного и теперь деревья стали мрачными остовами в серых пейзажах. Даже река превратилась в медленный поток грязи.

Стало сложно дышать, люди выходили на улицу только в масках. В один из дней Лу собиралась на работу, как в дверь постучали, на пороге была фигура в маске и защитном костюме.

— Фёдорова Луиза? Десять минут на сборы. Эвакуация.

Лу кивнула. Она была готова давно. Она привычно попрощалась с хозяйкой квартиры, взяла две сумки с вещами. Бледные, взволнованные сотрудники садились в желтые автобусы.

Те выстроились на улице, под охраной нескольких военных машин. Их никто не провожал, на улицах не было прохожих. Лишь один раз она увидела, как закутанных по самые глаза в костюмы детишек колонной ведут в школу, да на перекрёстках, укутанные от пыли военные, слепо смотрели сквозь маски.

Автобусы въехали на территорию, остановившись у главного туннеля Института. После поездки автобусы потеряли желтый цвет. Автобусы оставили их и направились в сторону города. По ограждению со знаком электричества бежали молнии, на проволоке налипли хлопья пепла. Лу оглянулась в сторону жёлтого солнца. Внутри комом ворочалась тревога.

Огромные ворота с воем сирены распахнулись, и они прошли длинным туннелем, тут была ещё пара ворот. Военный в маске помахал, оставшись в тоннеле, сотрудники зашли внутрь, и ворота с чавкающим звуком закрылись. Через камеры она видела, что военный проверил щит управления, заблокировал его и скрылся в темноте туннеля. Через минуту горящий красным индикатор открытой наружной двери мигнул зеленым и погас.

Люди собрались в холле, где горели лампы и вентиляторы всасывали принесенную пыль. Молча они разделись, убрали верхнюю одежду в контейнеры для стирки и достали из полиэтиленовых пакетов чистые комбинезоны. Могучие вентиляторы всосали пыль и запахи, и Лу почувствовала запал пластика и металла.

— Вот что, друзья, — сказал Михаил Петрович, директор Института, — давайте устраиваться. С этого дня считаем, что работа по сохранению биосферы нашей планеты началась.

— На сколько мы тут заперты? — спросил кто-то в толпе.

— Два года, — сказал он медленно, — может и больше.

Лу думала, что директор врёт, но только зачем? Информация не вызвала ни волнения, ни разговоров. Люди разбрелись по Верхнему этажу Института. Их одежда и прошлая жизнь осталось наверху. Лу зашла в свою комнату и, не раздеваясь, легла на жёсткую койку. У неё ещё не было друзей среди сотрудников, так что в комнате она была одна. Она лежала в темноте, чувствуя себя очень одинокой.

* * *

Шли однообразные дни под землёй.

Лу была интерном в госпитале Института, но по правде, работы для неё не было. Её начальником был Грей, пятидесятилетний разведённый реаниматолог, который взял её на интернатуру, а потом предложивший работать на Институт.

Она проводила всё время в радиорубке у Рыжего. Эфир был полон сообщений, радио оставалось самым надёжным методом связи. Насколько она понимала, наверху всё было плохо, но не ужасно. В городах было тепло, была и электроэнергия. Страна продолжала добывать газ и нефть, работали электростанции и железная дорога.

Большой частью эфир наполняли служебные переговоры между городами. Очень много было нудных запросов и отчетов спасателей, в их ведении были лагеря эвакуированных, и они запрашивали продовольствие и топливо. Часто она слышала военных, когда спасаемые не хотели мириться с порядками спасателей и захватывали власть.

Кроме радио, другой информации с Большой Земли у них не было. Она не видела, что было на поверхности. Камеры показывали только территорию около Института и большей частью они были залеплены пеплом. Датчики показывали падение температуры. В конце сентября она упала до нуля, к октябрю ночью доходило до минус двадцати. Эфир наполнился криками о помощи.

С ужасом она слышала отчёты спасателей, как в лагерях, где было несколько тысяч человек, к утру оставалась сотня. Частой причиной гибели лагерей был голод — через пепел и снег не могла пробиться помощь. Лучше всех было лагерям вдоль железных дорог, до них легко можно было доставить топливо и еду. Она завела карту, отмечая точками места, откуда слышала сообщений. С каждой неделей их становилось всё меньше.

Лу накрыла депрессия, ни разу за всё время она не слышала, что происходило с городом, где были её родители. Она забросила работу, забывала про еду, непрерывно слушая эфир, надеясь услышать хоть что-то. Её спасла Ксения. Она переселилась к ней в комнату, заставляла есть, принимать душ и ходить на работу.

Иногда в эфире она слышала голоса на других языках. Она делала записи и тащила их Ксю, которая могла перевести, но та лишь раздражённо отмахивалась.

— Не нужно тебе это слушать, — говорила Ксения, но сама становилась мрачной, — работай. Это успокаивает.

Ко второй зиме стало ещё хуже. Датчики показывали, что в июне температура падала до минус десяти, а к декабрю ночью мороз достигал восемьдесят градусов. Голоса в эфире стали редкостью, она уже узнавала всех, как родных. Много было голосов из Казани, выходили в эфир почти все города Башкирии, иногда она слышала Екатеринбург, Кемерово, Томск.

Вот только когда жизнь под землей стала привычной и предсказуемой, когда утихли волнения ученых, понявших как их обманули со сроком нахождения под землей, когда она смирилась с отсутствием вестей от родителей и начала всерьёз думать о том, чтобы самой позвать Рыжего на свидание, всё изменилось.

В Институт пришли Верхние.

Глава 9. Искандер

Искандер стоял перед «Полушкой».

Двери в столовую охраны были изрисованы граффити, хотя их каждую неделю закрашивали. Это был форс у молодых из фермеров. Говорят, девчонки не шли танцевать с тем, кто такую глупость не отмочил. На рынке было непривычно тихо — северяне почти исчезли, и от огромных толп посетителей остались редкие обитатели Заповедника. По улице тянуло холодом — для экономии на улице отключили отопление. Свет тоже почти полностью выключили, улицу освещали только вывески и свет окон «Шахты». Прямо на улице стояли мусорные баки, источающие вонь. Над ними можно было разглядеть выцветший, нарисованный от руки плакат «Экономь топливо, закрывай двери».

— Ну, что замер? — недовольно спросила Иванка.

«Романтики в ней хватило минут на пятнадцать», — обиженно подумал Искандер. Он повёл плечами, словно разминаясь перед дракой, и шагнул внутрь. В лицо ударил жар, отопление было демонстративно выкручено на максимум. Вдоль одной из стен вытянулись довоенные хромированные прилавки, за которыми виднелись помещения кухни.

За столами в баре сидело два десятка охранников. «Полушка» во всём демонстрировала, что тут обитает элита — вместо древней обшарпанной мебели тут были резные столы и стулья, накрытые скатертями. Вместо алюминиевых тарелок тут была настоящая посуда. В других столовых было тесно — они непрерывным конвейером там обслуживали почти две тысячи горожан, тут же можно было поесть с комфортом. Роскошью и разнообразием меню мало отличалось от ресторана Армянина во Внешнем Городе. Искандер слышал, что Комендант выступал против отдельной столовой для охраны и администрации, но сосредоточенный натиск Александеры, Ильфата и Плюхи продавил идею.

Сейчас тут обедала дневная смена охраны, самая борзая, которая охраняла фермы и блюла внутренний распорядок. «Мало того, что ночью они высыпаются, так тут ещё каждый или сержант, или лейтенант», — зло подумал Искандер. Он рассказал Венере, но та объяснила, что в этом был глубокий смысл. Александере нужна была конкуренция, чтобы охранники понимали, что их могут заменить. Звания в охране раздавались легко, а полагающиеся им привилегии давали только тем, кто занимал руководящую должность. Искандер был одним из пяти капитанов охраны. При этом должностей под это звание было две, поскольку город Александра ревниво контролировал сам. Ещё для двух капитанов оставались контроль Внешнего Города, и патрули за стеной, чем занимались Артур и Искандер. Оставшаяся троица, питание и оклад которых мало отличались от рядовых, делала всё, чтобы занять эти места. Искандер возразил тогда Венере, что на склоки тратилось больше сил, чем на работу, но мать лишь развела руками.

Искандер заметил, что стоит на пороге и скрипит зубами. Когда ты растёшь, выдирая кусок хлеба и глотки таких же беспризорников, ты не думаешь о том, что справедливо, а что нет. Ты дерёшься, воруешь, лишь бы у тебя был кусок хлеба. Ты вырастаешь с этим чувством, оно давит изнутри, как пружина, заставляющая тебя каждый день прогрызать путь наверх. «Всех грызи иль ляжь в грязи», — так говаривал Александра, натравливая охранников друг на друга.

Вот только, когда Искандер вырвался за пределы душных стен, когда увидел людей, настоящих, не то что эта глумливая шушера, он начал думать, а стоило ли оно того? Он

вспомнил, как издевался над добрым толстяком Артёмом, и ему стало стыдно.

Иванка пошла к лучшему столику у окна, которое выходило на торговую улицу, с показным радушием обнявшись с помощницей Люция. Искандер посмотрел на изящную Карину и в очередной раз подумал о словах коменданта, что сейчас люди ни черта не понимают в красоте. Карина была самой необычной девушкой в городе, с точеными чертами лица и голубыми глазами цвета чистого льда. Она приехала из Уфы два года назад, быстро заняв место помощницы коменданта. Слухи про её возвышение ходили самые скабрёзные, вот только Искандер по долгу службы общался с ней и понимал, что девушка хитра, как лиса, и легко заняла бы эту должность и без внешних данных.

Искандер вышел из к столикам, и зал взорвался приветственными криками. История о плене у ордынцев и последовавшем бое взбудоражила город. Такие истории были редкостью — если ты попал в плен Орде, то шансов вернуться не было. К Искандеру подскочил Артём, опасно похлопав по плечу.

— Долго шёл! Ты почему завтрак пропустил?

Искандер кивнул в сторону стола, где Иванка о вполголоса разговаривала с Кариной. Артём посмотрел на девушку, его губы сжались в тонкую линию. И этот туда же, сохнет. В который раз Искандер подумал, что вот ради таких взглядов он и начал встречаться с дочкой Ильфата.

— Что с Плешивым? — спросил Искандер.

За одним из столиков сидел избитый до неузнаваемости охранник — лицо того было опухшей синей маской, верхняя часть головы была замотана бинтом в огромный тюрбан. Из-под тюрбана ниспадали длинные волосы до плеч.

— Опять с уфимскими сцепился в кабаке у Ели, — сказал Артём. — Подрался с солдатом из-за одной из наших девчонок из города. Плешивый позвал на улицу, вот и поговорили. Говорят, Плешивый летал, как кролик в пасти овчарки. Куртку, вон, порвали.

Искандер поёжился — он бы не рискнул задирать бойцов гарнизона. Он себя слабаком не считал, но там были очень серьёзные ребята. В госпитале до сих пор было тесно от покалеченных шахтёров — разнимая толпу, уфимские накрошили костей и черепов больше, чем шахтёры и северяне проломил друг другу за все прошлые драки.

— Ну мы собрались, кто свободен был, морды им начистить, — с жаром продолжил Артём. — Вот только уфимских вышло два шкафа, каждый небо заслоняет. Валите, говорят, отсюда. Ну мы тихонько стоим, только Артур и говорит, вы ему куртку порвали, давайте откуп. Те даже спорить не стали, вон, куртку ему дали новую. Так что, считай, с прибылью подрался.

— Да. Рожа хрен с ней, а вот куртку порвали, непорядок.

Он посмотрел на избитого охранника — тот радостно улыбался, вместе передних зубов у него зиял прогал. Он красовался новой курткой.

— Слушай, а что Александеры нет? — спросил он.

Артём оглянулся.

— Он в нумерах. Там приходил ещё майор уфимский, но ушёл. Ещё и латыш заходил, тоже свалил уже. Пойдёшь к нему?

Армянин. Жуткий ведь человек, но пока не поговорил с Василем, так и думал, что для города он меньшее зло. Что лучше один бешеный пёс, чем сотня голодных крыс. Понятно, что будет в городе какая-то мафия, ведь есть в городе какой-то теневой бизнес. Но вот две недели назад Искандер попал в подвал к Хохлу и увидел, что не стоило видеть. После этого и

задумался, о чём же он ещё не знал?

— Если только позовут, — поморщился он.

— Хорош болтать, — сказала Иванка, вставая из-за стола, — идём, я тебе хавку положу.

— Ты теперь в «Полушке» работаешь? — спросил Искандер, беря поднос.

Раздатчики еды и повара были самой желанной должностью в городе. Никто без допуска не мог прикоснуться к еде.

— Ага. Батя заставил работать, ну я и выбрала столовую. У меня допуск есть.

Она уже надела передник, открыла кастрюлю и налила ему огромную тарелку супа и вывалив, наверное, большую часть мяса ему в тарелку. Потом она ушла на кухню и вернулась с бутылкой самогона, налив ему половину стакана.

— Вот этого не надо, — попросил он.

— Александра распорядился, — сказала она неожиданно строго, — на санях дозиметр пищал.

Она достала тетрадку и протянула Искандеру для росписи. Бумага стоит дорого, но еда была жизнью — и не дай бог пропала бы хоть одна порция. Даже для неё не было исключений.

В зале мест не было, но за стол с Кариной он не рискнул садиться. По слухам, она давно рассталась с Комендантом, но было в ней что-то пугающее, что отваживало даже самых смелых в охране. Только у Артура, как капитана охраны, хватало смелости на боязливые комплименты. Искандер пошёл к своим, выбрав стол с двумя девушками, Розой и Метелью. За соседними столиками народ с шутками подписывал список.

— Что у вас там? — спросил Искандер.

— Сбор подписей для выдвижения Александеры, — ответила Роза, — нужно пятьдесят подписей, а у нас сорок две.

— Вот только из них сорок, это охранники, — проворчал Артём из-за другого стола, — ты тоже подписывай.

— Попозже подпишу, — отмахнулся он.

Он сел на стол, думая о выборах. Как же Александеру не любили в городе, если он собрал так мало подписей! Учитывая, что во внутренней охране было больше пятидесяти человек, результат был удивительным. Неужели кто-то из охраны открыто решил не подписывать? Искандер слышал слухи, что в Администрации работает женщина, которая, сверяя почерк, могла точно сказать, кто подписался. Вот только при всеобщей нелюбви, он год за годом становился начальником охраны, так что может, эти голоса и не значили ничего.

Роза и Метель приветственно кивнули Искандеру и продолжили разговор. Метель посмотрела на него, закусив нижнюю губу. Искандер сел напротив Метели, а то будет за коленку щупать. «Интересно, — подумал он, — знает ли Иванка, что Метель по мне сохнет?» Метель была из Заповедника, где девчонки наравне с парнями в десять лет должны убить первого оленя. Она была не очень красива, ее черты лица были грубыми и красивыми были лишь длинные темные волосы. Её плечи, руки, бедра были словно вырублены из камня и, по слухам, однажды задушила рысь голыми руками.

— Нам нужно не сидеть в городе, а ставить охрану в окрестные деревни! Там наши люди, и мы им нужны, — горячо спорила Роза. — Мы загнёмся в этом городе. А ведь в деревнях нет проблемы с продовольствием! Поставить в каждую деревню по пять бойцов, и можно брать мясо в оплату! Можно строить башни, базы, как это делают белорусские.

«Эх, других проблем у тебя нет», — с тоской подумал Искандер. Он поднял на ложке кусок мяса. Тушёнка. По всему городу собирали банки и осенью, забивая скот, делали тушёнку. В банки убирали всё, даже лапшу и зерно. И это было самое надежное решение, так как крысы не могли прогрызть крышку. Искандер начал есть суп. Как же он ему опротивел! Хлеб был редкостью, вместо него лепёшки из картофеля, ну а каша была только по праздникам. Он опять подумал, что нужно уйти в дозор. Там всегда можно подстрелить птицу, поймать рыбу, а если лето, собрать грибов и ягод.

— Не нужны башни, — буркнула Метель, — нужно как Зауральский клан, жить кочевой жизнью.

Ещё одна крайность. Он подумал, что случившаяся сорок лет назад катастрофа была счастьем для северных народов. По слухам, население у тех выросло многократно. Метель была под стать зауральским, только случай привел её в охрану города. После начала Зимы много людей начали жить в степи, сбиваясь в банды, а потом и в кланы, а потом в один Зауральский клан, поставлявший наемников и охранников во всех городах Республики. Если по умениям выживать в степи северяне делали их, как детей, то в умении воевать и убивать, Зауральские кланы были на голову сильнее.

Искандер со злостью посмотрел на жирные щёчки Розы. Учит и учит всех, хотя ни черта не понимает. Ни разу за стеной не была, а учит, как нам с деревнями жить. Её можно было назвать милой, но вот этот невыносимый снобизм и самоуверенность... Искандер с сочувствием посмотрел на Метель — та не смела спорить с племянницей Александры.

В который раз общаясь с Розой, он чувствовал себя немного ущемленным. Девушка была одной из немногих, у кого была родня. Во время Великой Зимы выжил лишь один из ста, да и тех тасовали между убежищами. Его занесло в Сибай на поезде из Ишимбая с кучей детей, поскольку тогда тут было тепло и было питание для них. Жизнь и смерть определялась экономикой, мог ли город позволить себе покупку топлива. Ишимбай не смог.

— Кстати, про куртку слышал? — спросила Роза у Искандера. — И про драку с уфимскими?

— Слышал.

— А про Салавата?

— А с ним что?

— Ой, что было, — хихикнула Роза. — Та девушка, которая с вами была. Северянка. Он к ней решил подкатить во Внешнем. Она без разговоров отлупила его же ремнём, а потом за кисть подвесила на столбе. Он минут пятнадцать орал, пока за патруль не прибежал.

Искандер улыбнулся. Салават был тем ещё бабником, да и вежливым обращением к другим себя не утруждал. Это безумно злило Искандера, но попытка приструнить его вызвала молчаливое осуждение охраны, и Искандер оставил бабника в покое.

— Она может, — хмыкнул Искандер.

— Ой, а можешь про Василя рассказать, — спросила Роза, — он правда законник?

Искандер кивнул. Все хотели знать про Василя и про Алёну. Искандер кратко пересказал про бой с ордынцами. Если у фермеров Василь вызывал благоговейный трепет, охранников при упоминании законника корёжило от злости. Каждый тут чувствовал, что появление законника — это видимый вызов статусу охраны. Появление уфимского гарнизона решило массу вопросов по нападениям бандитов, но тут же пошли разговоры, зачем охране столько народу? Потом Комендант продавил создание отдельной охраны для караванов Внешнего Города, и те быстро переманили всех независимых торговцев более

низкими расценками, ну и что греха таить, исчезновением случайных поборов, когда охрана брала, что хотела из груза. Девять дней назад он скатился до самого низа, и это открыло ему глаза. Кого они охраняют? В чём смысл их работы? Охранять Сибай? Но Сибай — это люди, а для них появление законника было радостью.

Как капитан, Искандер был в курсе сократившегося бюджета города. Вот только пока Василь не ткнул его носом, он не видел очевидного. Раньше город мог позволить себе закупить куда больше топлива, еды и лекарства, и на всё хватало денег. В последние же годы, хотя они нарастили производство, и в город пошли налоги от торговли, внезапно в бюджет города стал дефицитным.

Искандер видел, что за спиной у Розы открылась дверь кабинета. Александра выглянул, послушал разговоры и, ступая неслышно, зашёл за спину Розы.

— Не была ты в этих деревнях, — сказал он, больно ткнув её пальцем под ребро.

Девушка с визгом подскочила. Искандер и Метель рассмеялись.

— Дядя, опять твои шутки, — вскрикнула Роза.

Александера сел за стол. Это был немолодой, грузный мужчина с красным лицом и ёжиком седых волос. Когда-то он казался Искандеру сильным и опасным человеком. Сейчас ему было под шестьдесят, он размяк, но хитрости и жестокости в нём не убавилось.

— Ты меня-то не услышала, — сказал он племяннице. — Думаешь, пяток неопытных солдат, которых мы поставим охранять деревню, ордынцев заметят? Я не говорю остановят, но просто заметят? Те их вырежут, наши даже пикнуть не успеют. Нет, пока не будет у нас аэросаней, не будет раций, только стены нас и спасают. Ну а деревенским проще откупиться.

Роза замолчала.

— Даже если деревенские попытались бы защититься, что они могут? Ордынцы с детства в набеги ходят, они все уловки местных знают, — добавил Искандер.

— Может, в деревнях тоже строить стены? — предложила Роза.

— Да, это помогает, — согласился начальник охраны. — Но если ты крестьянин, тебе нужны пастбища, поля. Вот укрылся ты за стеной, а налётчики тебе говорят, если не откроешь, тогда мы сожжём урожай. Так что ты сам откроешь.

— А если огородить поля?

— Да, если у деревни хватит людей на такую огромную работу. Ордынцы, те ведь тоже могут большой бандой прийти. Если у деревни есть ресурсы на стену и на оружие, то добыча может быть огромной. Тогда к тебе придёт не пять налётчиков, а двести.

— Тогда нужно налётчиков в степи ещё отлавливать. Покупать аэросани с пулемётами, как у уфимских и расстреливать. А с деревенских брать плату за защиту.

— Ну а тогда какая разница, нам платить или бандитам, — рассмеялся Искандер. — Если мы потратим деньги на такое оружие, мы будем брать больше, чем бандиты.

— Ну мы убивать не будем.

— А ты думаешь, они так хотят жечь и грабить? — спросил Александра. — Они могут убить, но только для устрашения. Роза, не мучай ты людей разговорами! У тебя своя работа есть, ты про неё думай. Вон у фермерш опять ящик кукурузы пропал в твою смену.

Роза обиженно засопела. Александра хмыкнул и поманил Искандера.

— Пошли, потрещим, — сказал он.

Настоящая жизнь охраны проходила в «Полушке». В караульных помещениях люди только спали, а тут проходило всё свободное время. Тут встречались смены, чтобы обсудить слухи и новости. Тут же был и кабинет, где Александра решал все вопросы. Искандер шёл

за Александерой, чувствуя трепет — в последние месяцы, каждый раз, когда Искандер входил сюда, его жизнь менялась.

Внутри был полумрак, кабинет был небольшой комнатой, с круглым столом и шестью стульями. Тут же у стены был диван с тумбочкой, сейчас заставленный пустыми тарелками и бутылками. Искандер слышал, кто в городе пайки урезали, но Александеру это мало волновало. Тут же стояли два вскрытых армейских пайка из Фактории.

— Ох, что с ней делать, — сказал Александера с тоской, садясь на диван. — Одни проблемы от этих разговоров.

Искандер кивнул, оставшись стоять.

Девять дней назад он также зашёл в этот кабинет. Одежда тогда на нём была изорвана, тело ломило от побоев. С разбитой губы капала кровь. Он только вернулся из Внешнего Города, а тут уже был Хохол — орал про драку и пожар, который устроил Искандер в его ресторане. Крича, что он это так не оставит, Хохол выкатился из кабинета. Александера зло посмотрел на Искандера.

— Ты скажи, какого чёрта ты устроил? — заорал Грек.

Искандер посмотрел на него недоуменно.

— Но ведь там, в подвале, Хохол подпольный бордель устроил...

— Ты дебил? — начальник охраны вскочил. — Не было там такого! Не было! Тебе показалось.

Александера упал на диван, тяжело дыша.

— Все-таки ты дурак, — сказал он устало. — Ты понимаешь, что из-за этих слухов я могу потерять поддержку Хохла перед выборами?

Искандер молчал, глядя в стену.

— Всё было, как я сказал.

Пока Искандер пытался убедить Грека проверить, прошло сорок минут. Вот только если до этого там была банда армян и полуголые девушки, то через сорок минут там было пусто.

— Все-таки ты дебил. Снимай шарф. Тебе даже отделения много, рядовым много! Вон отсюда. Да из охраны тоже, тупые мне не нужны.

Искандер медленно стянул шарф, знак отличия капитана, уронил его на стол и на негнущихся ногах вышел из кабинета, мимо притихших охранников на улицу. Он шел по городу, не зная, куда двигаться дальше. В казармы? Нет, больше это не дом. К Иванке? Нет, прогонит. Он сел на ступени, чувствуя, что проваливается в небытие. На него навалилось вся усталость, недосыпы за несколько лет, что он был капитаном. Ему мерещился Александера, перед глазами вставали Ильфат и ненавистный Хохол. Все, кого он ненавидел. Он понял, что только один человек не вызывает ненависти.

Он поднялся и побрел в сторону внешнего Города, на пост наблюдения. Он не помнил, как дошел туда, но когда дверь открылась, он оказался на полу и как-то снизу он увидел Метель.

Несколько дней он провел в бреду, Метель кормила его, делясь своей порцией. На четвертый день он проснулся, но делать ничего не хотелось. Лишь сидеть и смотреть в небо. Всё, ради чего он жил, испарилось. Но у него не было и мысли, что он ошибся, когда полез в драку с охранниками борделя. Тогда его нашёл Александера, и впервые он выглядел не знающим, что делать.

— Дезертир грёбаный, — сказал он зло. — Обидели его, и он тут же пропал. Я его ищу, а он тут дрыхнет.

Искандер молчал.

— Наказать их нельзя, как дети, — продолжал бурчать начальник охраны. — Короче, есть тебе дело, если справишься, я верну тебя в охрану. Сейчас ты восстановлен, пока рядовым.

Перед Искандером забрезжил свет. Мир стал цветным, он снова мог дышать.

— В городе человек появился. Есть подозрение, что он законник. Проклятье, вот сейчас перед выборами это вообще не жилу! Сейчас он с караваном едет в Белорецк, ты сядешь ему на хвост. Я с Плюхой поговорил, тебе дадут экипировку. Иди к нему, через пару часов они поедут...

Искандер встряхнул головой. Воспоминание было свежим, больным. Александра уже сел на диван и что-то говорил.

— ...Ну не зря я тебя отправил, — сказал он, — нарубал ты ордынцев.

— Да, — сказал Искандер, — чуть не подох только.

— Законники, — сказал Александра скорее себе. — Прямые они и негибкие. Чуть мелкий проступок, сразу мочить. А как у нас тут, и гибким не быть? Полгорода можно сразу вешать. Он и повесит, вот увидишь.

Искандер неопределённо пожал плечами.

— Чёрт, и ведь и не избавишься от него. Народ у нас туповатый, думает, тот порядок наведёт. Вот когда их первых вешать начнёт, одумаются. Да поздно. Сядишь, что стоишь, — сказа Александра, указал на стул. — Ничего с ним не сделать. С другой стороны, он тебе начал доверять. Нужно это использовать. Если мы будем знать детали того, что он ищет, мы сможем что-то предпринять. Как с законником разберемся, я снова тебя капитаном сделаю.

Искандер кивнул. На секунду у него мелькнула радость, но тут же исчезла. Манипулирует опять. Искандер понял, что звание перестало что-то значить для него. Если быть капитаном — это уметь закрывать глаза на ситуации, как с Хохлом, то пошло оно... Ведь никто не захотел ему помочь, когда он кричал про бордель в подвале у Хохла.

После того случая Искандер чувствовал, что внутри произошёл надлом. Он не был наивным, догадывался, что Грек в доле заведений во Внешнем Городе, но бордель был за гранью. Способный до смерти отлупить курсанта, Искандер никогда не стал бы обижать Метель или Иванку. Может, причина была в том, что он рос без матери, но Искандер чувствовал какой-то трепет и преклонение перед женщинами.

— Чтобы подозрений не вызвать, ты пока еду потаскаешь внешней охране. Так вопросов не будет, чем ты занимаешься. Я думаю, ты законнику понадобишься, и он попросит тебя о помощи. Ты поможешь, но только давай не как с Хохлом, если тебе что-то мерещится, поговори со мной.

Искандер снова кивнул. Вот ведь жаба! Даже не сомневается, что он что-то найдет, и ему опять что-то померещится.

— Свободен, — махнул рукой Александра.

Искандер кивнул и вышел, услышав обрывок истории про полынью, утонувшие сани, которую рассказывал Салават. Вот только с полуголой Аленой вместо Кима там был Искандер. Завидует, гад, сам к Иванке клинья подбивал. Не успел он вернуться, как Салават уже решил подножку поставить.

— И тут я вижу, что она, голая, лезет к нему под одеяло, — сказал Салават.

Он не успел закончить. Искандер и не понял, как выдернул стул из-под шутника и пришел в себя от того, что стоит над ним, надавив коленом на горло и замахнувшись. Дело

было даже не в том, что Салават выставил его перед Иванкой в неприглядном свете, ему было неприятно слышать такое про Алёну.

— Придурок, — сказал Искандер в наступившей тишине и отпустил Салавата. Охранники переглянулись, расступаясь перед ним. Ну вот, так и пойдут слухи. Поодаль стояла Иванка, и взгляд её не предвещал ничего хорошего. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Гадюшник, хоть и звался охраной. Плевать им на всё, кроме своих желудков. Искандер молча развернулся и вышел из «Полушки».

Он вдруг вспомнил лицо заплаканной девушки в подвале Хохла. Если он думал помочь Василию, руки чистыми не будут. Прав был Александра, нет того, на что Василь закрыл бы глаза... Но лучше кровь, чем грязь.

Ким сидел на пороге ресторана, глядя на восходящее солнце.

Он чувствовал себя спокойно, впервые с тех пор, как уехал из Кумертау. Изводящий зуд страха отступил. Если бы легенда дала трещину, то его бы уже задержали. Он видел, даже надзор со стороны городских почти исчез.

Страх заставил его действовать в плену. Ужас от возможности рабства, ведь ордынцы могли его грохнуть без разговоров. Позже, когда он бросился в воду, это он не геройствовал. Туда его толкнула возможность разоблачения, близкая перспектива дознания и пыток. Позже Ким понял, что он начал подстраиваться под легенду о ветеране, которую сочинял на ходу, но в тот момент в его действиях не было расчёта. Кореец не мог это объяснить, но стоило этому страху появиться, и он делал вещи, которым потом сам удивлялся.

Болели отбитые рёбра, но впервые за несколько дней в Сибее он улыбался. У него были еда и постель на неделю. Самое важное, он получил связь с подпольем, и теперь был лишь вопрос времени, когда будет контакт. Он прокрутил в голове вчерашний день, думая, всё ли сделал правильно.

Вчера утром он, как обычно, направился на площадь. Город опустел, от бескрайних юрт и чумов на стойбище осталось лишь два десятка временных построек и у Кима без конкуренции стало больше работы. Время завтрака заканчивалось, работяги потянулись в сторону карьера. Неприкаянных обитатели ночлежек разбрелись по городу, выискивая работу. Ким увидел мужчину с каравана, который потерял жену. Тот шёл, пошатываясь, в сторону ночлежки. Ким почувствовал, что за ним кто-то следит. Он обернулся, и увидел якута, что медленно шел позади. Немолодой уже, дублённая от ветра кожа и больные от солнца, воспалённые глаза. Несколько раз за последние дни Ким видел, как тот аккуратно следит за ним. Ким понимал, что действует неправильно, но ему хотелось понять, кому же он интересен. Он подошёл, поприветствовав якута.

— Табак есть? — спросил Ким. Якут покачал головой и протянул кисет понюхать — пахло травами. Кленовые листья, чабрец, зверобой, хмель. Ким вздохнул, но всё-таки достал из кармана копейку.

— Таких, как ты, я не знаю, — сказал якут по-башкирски.

— Да. Таких, как я, больше нет, — задумчиво ответил Ким, выпуская кольца дыма.

Он думал, существует ли ещё Корея — он помнил рассказы отца о родине, тот плакал, когда вспоминал Пхеньян. Когда началась Зима, он учился в медицинском институте в Уфе и уже не смог уехать. Ким не знал маму, она умерла, когда он был маленьким, но она тоже была из Северной Кореи.

— С торговлей приехал? — спросил Ким.

— Да. Пушнина. Жир. Кость, — отметил якут, пуская кольца дыма.

Кореец видел, как из ресторана вышел Ель и уверенно двинулся к нему. Спиной Ким чувствовал, что якут проводил его взглядом. Точно шпион, вот только чей? Ким пошел навстречу кабатчику поклонившись в пояс. Ель оправдывал кличку — высокий, больше двух метров роста, и худой, как ствол дерева.

— Привет, тебя-то я ищу. Вот, что мне нужно, — сказал трактирщик, протягивая лист бумаги.

Ким кивнул. Это был нарисованная от руки электротехническая схема.

— Да. Кабель к себе новый тянешь?

— Разбираешься в этом?

— Да, конечно, — по возможности равнодушно ответил Ким.

В который раз он подумал, что отец был прав, заставляя его учиться на механика и тратя на его обучение всё, что зарабатывал врачом. От этих мыслей стало горько, как бы по-другому могла сложиться жизнь! Потом он подумал о тайнике в Уфе, где было спрятано золота больше, чем он мог заработать за всю жизнь, даже став врачом. Нет, не смог бы он по-другому.

— Пошли, — сказал Ель с облегчением. — У нас новое здание есть под ночлежку, а света там нет. В городе мне сказали — вот тебе свободный автомат в щитовой, дотяни сюда кабель, а мы подключим. А кто мне его тут протянет? Так что если в таком разбираешься, делай. Парня дам в помощь, инструмент. Монет тридцать заплачу.

Ким подумал, что работа стоила сильно дороже. Скорее всего, дело было не в том, что у городских не было времени, а в том, что они заломили цену, а Ель решил сэкономить.

— Пятьдесят. Ещё неделю буду ночевать у вас и харчеваться, — ответил он.

— Ах ты ж, — нахмурился Ель, но потом рассмеялся, — ладно, согласен.

Он провёл его в холодную, тёмную кладовую при ресторане и показал приготовленные материалы. Ким перебрал их — розетки, патроны, кабель: всё было древним, но на вид рабочим.

— Могу и дешевле сделать, — сказал Ким равнодушно, — если на работу в город поможешь устроишься.

— Ишь ты! Меня-то дальше рынка не пускают, — расхохотался Ель.

* * *

— Принимай, — сказал Ким.

Ель щёлкнул выключателем и радостно крякнул. Гирлянда ламп осветила длинный, уютный коридор, куда выходили двери комнат. Ким подумал, что ночлежка тут была не для таких, как он, ведь тут было печное отопление и электрическое освещение.

— Ну молодец! Ну умелец! Ну, парень, не пропадёшь ты в городе. Пошли, там ужин готов уже.

Войдя в ресторан Ели, Ким пристививстнул. За непритязательным фасадом скрывалось яркое и чистое помещение, окна закрыты портьерами, на столах скатерти. Вдоль стены тут была настоящая барная стойка с массой бутылок за ней и небольшая сцена в дальнем конце зала. Кореец понял, что именно отсюда слышал звуки музыки ночью. Еда тут тоже была на головы выше, чем в городе — пахло так, что у Кима невольно выступила слюна. Зал пустовал, лишь пара столиков была занята офицерами из уфимского гарнизона, один богатыми торговцами из Заповедника и несколько занимали люди из Внутреннего города. Ель щёлкнул пальцами и указал официанту на Кима.

Ким прикинул, мог ли Ель иметь связи с народниками. В Уфе, в дешёвых районах, кабатчики часто были связаны с народниками. Массы людей проходили через столовки, кабаки, рестораны, так что владельцы были в курсе всех слухов и охотно торговали информацией. Ещё они легко могли указать на удобных людей, кого легко было завербовать. К сожалению, часто они работали на охранку, поэтому тут нужна была осторожность.

Ким всё время думал, сколько же вокруг таких, как он? Кто мог работать на уфимскую охранку? На казанских? Разве сложно найти агента? Дело даже не в золоте, те, кто работают

за деньги, это самые плохие агенты. Куда проще найти обиженных людей, при этом обида может казаться мизерной. Те, кто будут служить за идею, даже когда будут принимать деньги, они будут уверены, что всё равно борются за идею.

Ким понимал, что настоящим владельцем ресторана был Армянин, глава Внешнего города. Кроме ресторанов, тому принадлежали ночлежки, ходили слухи про контрабанду и торговлю наркотиками.

Ель шёл по залу, здороваясь с людьми. Было в его манерах что-то раздражающее — какая-то странная угодливость к гостям и надменность к персоналу. Вот только Ким понимал, что его это раздражает, потому что и он такой же. Неосознанно легко становился своим в любом окружении. Даже сейчас, на социальном дне города, через три дня он стал своим и обзавёлся массой знакомств.

Кима усадили в помещении для мытья посуды, он ел, через открытую дверь слушая разговоры в зале. У входа на кухню сидела странная пара — вульгарно одетая женщина за тридцать с роскошными формами и другая, чуть моложе, в фермерской одежде. Ким сразу обратил на них внимания, когда зашел в зал. Она была одета в мягкий полушубок из оленя. Сытая, надменная, с ухоженными руками. Под полушубком у неё был серый комбинезон горожанки с вышитой вручную надписью: «Медицинская служба».

— Ну, в Уфе найду, чем заняться, — говорила накрашенная дама, — Сейчас поезд в Белорецк идёт. Билет я купила. Как меня достала жизнь тут! Как достала возня с приезжими! Господи, ну разве это жизнь? Я понимаю, дом, мы тут выросли, но не всю же жизнь тут? Ну ведь это безумие, иметь возможность уехать и остаться! Только работа, работа. Там ведь всё по-другому — театр, искусство. Я понимаю, раньше нельзя было выбирать, но сейчас-то никто не держит! Даже в Белорецке в тысячу раз интересней, чем тут.

— Эльвира, я всё понимаю, — сказала её собеседница. Её ладони лежали на столе, кожа белёсая, обожжённая удобрениями, — конечно, езжай.

Ким обратился вслух. Судя по всему, дама в дорогой одежде была прошлой помощницей коменданта. Он слышал про неё от охранников — те не понимали, как комендант смог отказаться от такой роскошной женщины.

— Сестричка, вот и ты туда же, — сказала Эльвира раздражённо. — Что за глупая привязанность к Сibaю?

— А дочь?

— А что дочь? Пускай остаётся с отцом. Ей с ним лучше, — сказала она, посмотрев в сторону.

Они замолчали.

— Ладно, рада была увидеть напоследок. Мне пора спать, — сказала фермерша, — поезд уходит в рабочее время, я не смогу проводить тебя.

— Опять ты спать. Почему не можешь с сестрой провести время? Ну и проводить тоже могла бы. Что там случится, если пропустишь свою вахту? Что изменится? Получаешь там мизер...

Ким услышал звук отодвигаемого стула. Через минуту Ким услышал, как Эльвира хохочет уже с офицерами за столиком. «Одно и то же, — подумал Ким зло. — Все стремятся в Уфу, думая, что если там богаче жизнь, то и у них всё будет отлично. Хотя у такой, как она, точно всё будет отлично...»

Ель вернулся, от него пахло вишней и водкой.

— Почему тебя дальше рынка не пускают? Ты не гражданин что ли? — спросил его

Ким.

— Нет, конечно. Горожанином стать почти невозможно. Даже Освальд, хоть и в Совет входит, не горожанин. Хотя во Внешнем городе нас человек пятьсот, кто живёт тут лет по пять. Крутимся, как можем, но всё равно второй сорт.

Ким иронично поднял бровь.

— Думаешь, у меня так просто? — взорвался Ель. — Уфимские уверены, что мы должны кормить их бесплатно. Алкоголь мы может брать только из города, еду тоже. Хотя могли бы закупаться в других местах, но стоит так сделать, даже Освальд не прикроет. Комендант обернёт всё так, что нас толпа сожрёт.

— М-да, — неопределённо промычал Ким.

«У кого-то бриллианты мелковаты, у кого-то щи жидковаты», — подумал он.

— Да. А ведь я местный! В деревне родился, в семи километрах, — жаловался кабатчик. — У меня на глазах город строился. Но Совет решил, что вы, кто город строил, граждане, а вот вы из деревень — нет. И теперь мы второй сорт. Да и у шахтёров так же, там куча народу, которые уже лет по пять на заработки ездит и за сезон добывает больше, чем местные. Расимыч все уши прожужжал, что таким нужно давать гражданство, но Совет упирается.

— Не боишься такое мне говорить?

— Поверь, я вашего брата повидал. Где ты стукача с золотыми руками видел? Точнее, рукой, — Ель рассмеялся над своей шуткой.

Ким старательно улыбнулся, хотя ему хотелось одеть тарелку на голову кабатчику.

— А народники тут есть?

— Ох парень, молчал бы ты, — сказал Ель вполголоса. — Уфимские из тебя дурь выбьют, если только заикнёшься. Тут часто люди пропадают.

Ель посерьёзней, смотря куда-то в сторону зала. Ким проследил тоже высунулся, в зал зашли и сели у бара две девушки.

— А кто это?

Ель нахмурился.

— Карина. Помощница коменданта, будь она неладна.

Ель вышел с кухни и угодливо заговорил с ней. Девушка была в обычном для Сибая сером рабочем комбинезоне. Вот только есть люди, на которых что не одень, и оно сидит как коза на заборе, а на ней даже рабочая роба выглядела соблазнительно.

Киму было достаточно одного взгляда, чтобы узнать её. В прошлой жизни он знал её как Свету. У неё изменился цвет волос, когда он последний раз видел её — она была блондинкой, изменилась фигура, она перестала сутулиться и сидела гордо и надменно, но это была она. Он не видел её три года, но узнал сразу.

* * *

...После спасения и дознания он провёл шестнадцать дней в больнице: «А плечо вывихнутое — это вас в лагере?.. Нет, это уже тут, охрана... А двух ногтей не хватает? Да, это тоже тут». Он был один в городе, у него не было связей с народниками, и всё, что оставалось, это ждать. Его вышибли из армии, на работу его тоже не брали, так что он бродил по Уфе, тратя мизерную сумму, выплаченную ему за увечье властями Республики, и пытался найти хоть какую-то работу.

Ячейки народников исчезли. Пока он был в плену, в городе была облава. Он пробовал осторожно выяснить у кабатчиков, кто мог быть связан с подпольем, но натёкался на

молчание. Пару раз его били, но он не оставлял попыток. В один из дней ему подкинули в карман сообщение. Условным кодом там было сказано, что он должен быть на виду, и с ним свяжутся.

Он начал обходить дешёвые бары, медленно и скучно напиваясь. Однажды он зашёл в алкогольный сумрак заведения, и вдруг увидел её, сидящую за стойкой. Света, знакомая по подполью. Она была одета в дорогой брючный костюм, перед ней был бокал тёмного пива с осевшей пеной.

Ким сидел, глядя на девушку, она почувствовала его взгляд и мельком посмотрела на него. словно вспомнив что-то, она быстро допила пиво, расплатилась и вышла. В Уфе бары размещались в подвале древнего торгового центра, и можно было переходить из одного в другой, не одевая верхнюю одежду. Он шёл следом, через нескольких минут она зашла в другой бар и села за стойку. Видно было, что бармен спросил её, а потом поставил перед бокал тёмного пива. Ким вошёл следом, оглянулся, все столики были заняты, и он сел от неё через одно место за стойкой.

— Не подскажите, что можно заказать? — спросил он у неё.

Она скользнула по нему презрительным взглядом, подняла бокал.

— Пиво не советую.

Ким вспомнил, как два месяца назад Карим привёл её на встречу. Тогда их часть стояла на переформировании в городе, получая пополнение и оружие. Девушка прошла все проверки, за неё поручилось несколько людей. Она работала в торговой комиссии Уфы и могла быть очень полезной. Ким тогда удивился, у неё были светлые волосы, которые выглядели очень странно с азиатскими чертами лица. Когда Ким спросил, почему она хочет присоединиться, она открыла воротник рубашки, там был ожог и след от выстрела, словно по ней стреляли в упор. Она рассказала историю, что попала в группу пьяных вертухаев, а потом, наигравшись, они решили замести следы. Историю проверили, даже нашли одного из вертухаев в штрафной роте на Юге. Вот только когда она появилась, они с Каримом попали в плен, а остальное подполье было разгромлено...

Бармен был на другой стороне стойки, стоял, наклонившись к радио, и слушал матч. Карина молча пила пиво, было в этом что-то механическое. словно дело было не в пиве, да и не в нахождении тут. Как и Ким, она ждала, отмеряя внутри минуты, живя в своём ритме. Кореец почувствовал, что пьян. Он почти не ел и полстакана водки стало перебором. Ким думал о заточке за поясом. Вот только кого он обманывает?

— Можешь погромче сделать? — попросил Ким. — Это же мотористы с армейцами играют?

Бармен кивнул и зал наполнил шум толпы и надрывный голос комментатора. Ким поднял стакан с водкой, наклонившись к Карине.

— Ведь это ты сдала нас? — сказал он зло.

Девушка не повернула головы, и тут Ким понял, что она в отражении бутылок смотрит, не следит ли кто-то за ними. Внезапно он понял, что это сидение — часть её легенды. Если кто за ней и следил, не смог бы отследить всех, с кем она контактировала за день. Ещё он понял, что это вряд ли операция охраны.

— Ты меня с кем-то путаешь, — сказала она безразлично. — Не знаю, кого ты ищешь, я впервые тебя вижу. Но если хочешь развлечься...

Она достала карточку, что-то на ней написала. Он взял кусок бумаги, там гостиница, номер и дата. Вот только в углу она сделала чёрточку, словно расписывала ручку и на

секунду посмотрела ему в глаза. Это был условный знак у них с Каримом, указание тайника. Больше про него не знал никто.

— Да, обознался, — пробормотал он, беря карточку. Он оставил на стойке плату за водку и вышел.

Через четыре дня, в субботу, он сел на трамвай и направился в промышленную зону. По выходным заводы заводы набирали людей, и его поездка не должна была вызвать подозрений. Столица состояла из нескольких районов и каждый был маленькой крепостью, связанной трамвайными путями. Между районами катались бронированные трамваи, перевозя людей между жилой частью и нефтяным и механическим заводами. Это было более простое решение, чем переносить завод, или строить защищённые туннели, длиной в несколько километров.

Место, которое он искал, было в пяти минутах от заводов, на дороге между стоянкой трамвая до проходной. Снег тут был утоптан, во все стороны, к разрушенным зданиям, уходили следы тех, кто был не в силах дотерпеть до туалетов на территории завода.

Сейчас тут было пусто — толпа людей из трамвая наперегонки бросилась к заводу. Ким прошёл через заброшенные заводские корпуса и оказался у рядов разрушенных, опустошённых пристроек. Он оглянулся, протиснулся между провалившихся гаражей, перебираясь через отвратительные замершие наслоения. Хороший тайник, думал он, случайно такой не обнаружишь. Метров через двадцать было чисто, так далеко людям было заходить лень. Кореец засунул руку под ржавый металл гаража у самой земли, где была засыпанная снегом щель. Пальцы задела край пакета, он сунул его за пазуху, вылез и долго вытирал ноги об снег.

Сейчас нужно было продолжать следовать легенде, что он просто калека, который ищет работу. Он прождал на проходной два часа, пока подошла очередь в отдел кадров. Ким ругался, толкаясь в очереди, всё время думая о пакете и об охранниках завода, которые не сводили с него глаз. Разговор был недолгим, усталая сытая тётка прямо сказала, что и без калек есть кому работать. Успокоился Ким только, когда вернулся в город, и несколько раз проверил, что слежки нет. У него было безопасное место на крыше разрушившейся парковки, засыпанной снегом. Тут было безлюдно, он поднялся по остаткам лестницы на третий этаж, и спрятался от ветра на лестничной клетке.

Кореец огляделся, достал конверт, отёр от грязи и открыл — внутри были неразрезанные золотые пластинки и небольшая записка с надписью “Это аванс. Инструкции позже.”. Он пересчитал их, тут было не менее трёх сотен. Рабочий за год получал меньше двадцати. Ким сел, глядя на золото. Можно было сбежать из города и не работать пятнадцать лет. Вот только Света, или как её звали по-настоящему, именно его ждала в баре. Золото было не платой за руку, но предложение работы и аванс за неё.

Сердце колотилось, как бешеное. Света сдала их ячейку уфимской охранке. Это факт. Теперь же она предлагает ему работу. При этом это работа не на охранку. Орда? Казанские? Или всё-таки народники, и игра куда глубже, чем он видит?

Он собрал золото, стараясь успокоиться. Первым делом, его нужно спрятать. Есть ли место, о котором не знает никто? Некоторое время он думал, потом спрятал золото в ботинок и решительно двинулся в город...

* * *

Ким смотрел на Карину, его руки затряслись.

После нескольких недель тогда, в Уфе, ему подбросили записку с условным знаком. Ему

следовало ехать в Кумертау. Ещё через три года, когда он уже подумал, что его списали со счетов, с ним связались так же через записку, с описанием связного в Сибире.

Ким доел суп и подошёл к стойке.

— Чего тебе? — спросил бармен недовольно. — Еды больше не дадут.

— Да не, я выпить хочу, — сказал Ким, протягивая две полоски. Тот кивнул, сгрёб копейки и налил стопку какой-то ягодной настойки.

Ким оглянулся, словно выбирая вернуться ли ему за столик, а потом направился к Карине. Девушка сидела погруженная в свои мысли. Ким сел через одно место, она равнодушно посмотрела на него.

— Вы же Карина? — спросил он.

Она кивнула и подняла бокал.

— Да. Ваше здоровье.

— У меня к вам дело, — тихо сказал он.

— Все дела к местным. Не видите, я отдыхаю?

Бармен вопросительно посмотрел на девушку, но она отрицательно покачала головой.

— Я механик, я надеялся найти работу, — сказал он заискивающе.

Она рассмеялась.

— Игорь, а он смешной. Ты видел одноруких механиков? Я вот нет.

Бармен тоже рассмеялся и отошёл к столикам.

— Ты дурак, знаешь, как это называется? — спросила она тихо.

— Знаю, я облажался, — торопливо сказал Ким. — Но мой связной был арестован уфимскими, и всё, пропал без следов. Я не могу выйти на народников.

Она пожала плечами.

— Гильза не дремлет.

— Ты можешь помочь мне? Как мне связаться с ячейкой?

Карина подняла бокал, глядя в отражение.

— Связалась с тобой, подпольщик хренов, — сказала девушка негромко, — ты меня подставляешь. Я всё организую, но сейчас тебя отмутузят, чтобы меня не раскрыли.

Она повернулась в зал и сказала громко.

— Артур, подойди пожалуйста.

От одного из столов поднялся рослый парень в форме охранника. Ким видел его много раз — Артур, капитан охраны.

— Помоги юноше выйти, — сказала Карина надменно, — он немного не понимает, как с людьми говорить.

Артур влюблено посмотрел на девушку, кивнул и умело скрутил Кима за здоровую руку. Он вывел его из заведения, потащил по улице, иногда ударом по почке корректируя направление. Ким что-то вопил про произвол под взглядами собравшейся толпы — обилие свидетелей было сейчас только на руку. Потом его втащили в помещение охраны, и без особого усердия, экономя силы, Артур начал его избивать. Он привычно избивал странного бродягу, тот, как и положено, выл и просил прекратить.

Допросы в Уфе после освобождения из плена были грубыми и простыми. Кима готовили к такому в ячейке — мечтай о боли, желай её, и ты сможешь вытерпеть. Это был вопрос не силы воли. Это было контролируемое безумие, которому обучали и пестовали. Ким понимал, что пройдя школу подполья, он стал чуть безумным, но такие были и все вокруг. На допросе в уфимской охранке он смотрел, как ему вырвали очередной ноготь и

выл, не от боли, но чтобы не закричать, моля, чтобы вырвали ещё один. Он так и не раскололся.

В лагере Тубен Кама были мастера. Он смотрел на свою кожу между пальцев ног, которую аккуратно стёрли верёвкой до мяса. Боль, которую нельзя описать, которую нельзя вытерпеть. Уровень, когда он с наслаждением молил о большей боли, они прошли за несколько часов. Потом он был готов рассказать всё, но мастерам этого было мало. Каждый раз, когда он доходил до предела, ему давали отдых и поднимали к новым вершинам мучений. Он кричал, повторял снова и снова, что расскажет всё. Но мастерам пыток нужно было куда больше...

После того провала Ким думал, что сломается и расколется на первом же допросе. Сейчас, скорчившись от ударов сибайского капитана, Ким едва сдерживался, чтобы не смеяться и кричать, прося о большей боли.

Глава 11. Василь

Василь поморщился от яростного лая.

Это был хороший день. Оставалось только одно дело. Василь подошёл к краю деревянного помоста и посмотрел вниз, где бесновалась свора собак. В пяти метрах над ними, на досках настила стоял стул, к которому был привязан полуголый избитый человек.

— Вот что, товарищ Плюев, — сказал Василь устало, — поскольку вы говорить со мной отказываетесь, думаю на этом мы и закончим.

Законник кивнул улыбающемуся человеку со страшным шрамом на шее. Тот наступил на стул между голых бедер Плюхи, легонько покачивая стул.

— Интересная у вас смерть, начальник, — сказал Висельник с усмешкой.

Потом он толкнул стул.

* * *

За шесть часов до этого Василь вышел на улицу, задумчиво жуя зубочистку. Около кабака громоздились сугробы грязного снега, десятков бедно одетых людей с лопатами сгребали его в тупики и переулки.

За спиной остался пустой трактир Клёцки. Кроме Василя в зале сегодня было лишь несколько молчаливых людей из Заповедника. Законник поел и положил на стол две медные копейки. Клёцка отрицательно покачал головой, но Василь поднялся, оставив их. Он не сомневался, что Клёцка сложит их в отдельный ящичек, словно они отравлены.

Василь уважал принципиальных людей. Вон, Хохол так угодлив, что сразу понятно, у такого стакан из рук лучше не брать. Ель тоже без разговоров сказал, что для законника у него всё бесплатно, комната и еда. Нет, уж лучше плевок в лицо, чем нож в спину.

Время было около полудня, вместо того, чтобы вернуться к документам, он стоял на улице и думал о нескольких вещах сразу.

Василь думал, что приключения в плену не прошли даром. Как часто с ним бывало после запредельного стресса, начала чесаться кожа, и ни одно средство не помогало. От этого он начинал думать, что ему уже хорошо за тридцать, и все те испытания тела, на которые в восемнадцать ты идёшь со смехом, теперь начали оборачиваться мучительными болячками.

Ещё он думал, о отвратительном послевкусии во рту — в столовой не было хлеба, и вместо неё напекли лепешек из картошки. Перед глазами вставал детский приют в Дёме, где вырос Василь. Он помнил стол, тот был застелен клеёнкой, заклеенной скотчем, вокруг молча ждуг полтора десятка прозрачных от голодухи мальчишек. На столе тарелка с двумя картофельными лепёшками и кастрюлька с водой, оставшейся от варки картошки. Он не мог вспомнить лицо женщины, которая следила за ними, но хорошо помнил тебе отрезают полоску лепёшки и наливают небольшую чашку воды, где едва различим вкус варёного картофеля. От воспоминаний мысли перескочили на заведения Хохла и Ели, где до сих пор подавали настоящий хлеб, и у Василя начинали нестерпимо чесаться руки.

Кабатчики, какое же мерзкое племя. Каждый раз, когда он раскрывал дело, хоть каким-то краешком, но был замешан кабатчик. Василь пожевал зубочистку и со злостью выплюнул её. Прижмёшь кабатчика, а у того в глазах искреннее изумление. Ну а что такое, да помогал сбывать краденное, ну сам же не воровал? Ну да, тырит он электроэнергию, ну а какой вред-то?

Василь пошёл прочь от трактира Клёцки, краем глаза отмечая слезку. Сделать с преследователями он ничего не мог, поэтому Василь планировал, как оторваться. Каждый раз, приходя в новый город, он составлял карту. Тут было всё — места для тайников, места отрыва от погони и засад. Этому его учили в Квадрате — когда ты один, только город может быть союзником.

Он зашёл внутрь туалета у бара Клёцки, открыл окно, выходящее на пустую улочку. Василь подтянулся на высоком подоконнике, легко пролез через узкое окно и спрыгнул. Тут было натоптано, так что Василь не переживал, что кто-то сможет найти его по следам. Он прошёл через двор трактира Клёцки, мимо ресторана Ели и городской администрации. Ещё пара поворотов и Василь оказался у приземистого двухэтажного здания, откуда слышался лай собак.

Это была контора торговли Внешнего города. По слухам, Фангат страшно пил — он не выходил из своей комнаты уже четыре дня и только выставлял в коридор пустые бутылки. Дело вряд ли было в потерях при налёте ордынцев — не стал бы он начальником, если был чувствительным к таким вещам. Грехов Фангата хватило бы на десятерых, и он, похоже, был уверен, что Василь пришёл по его душу.

Василь остановился у двери конторы, переводя дыхание. Внутри была лестница, ведущая на второй этаж. Он медленно поднялся, остановившись на пороге большой, ярко освещённой комнаты, заставленной столами и шкафами. Внутри было четверо людей — при виде Василя они замерли, держа руки на оружии. «Ждут, меня ждут», — подумал он.

Из общей комнаты было два выхода: один в спальню для отдыхающей смены, другой — в кабинет Фангата. Василь увидел оружейный шкаф, про который с негодованием упоминал Александера. По мнению начальника охраны, оружие должно было быть только у его людей. Василь в секунды оценил, кто тут был опасен. У одноглазого мужика, которого он видел в спасательной экспедиции, у стены на скамейке лежит ружьё. Ещё у одного со шрамом, который тоже охранял Василя в дороге до Сибая, за шкафом явно был прислонён автомат.

Василь показал открытые ладони.

— Спокойнее, парни. Я просто поговорить пришёл.

Бойцы Фангата переглянулись.

— Ну так говори, — сказал одноглазый, почесав повязку. Насколько помнил Василь, его звали Сыма.

— Мне к вашему главному.

— Вряд ли получится, — сказал боец со шрамом, — он не принимает.

— А что так? — спросил Василь.

— Пьян. Запой, будь он неладен.

Опасный человек, непростой, городские охранники его сторонились. То, как он смотрел, как двигался, выдавало военную подготовку. На шее шрам — наверное, ордынское лассо перетёрло. Но, может, через виселицу прошёл и выжил, а это вызывало массу вопросов. Виселица была сложным, муторным методом казни — чтобы заслужить такое, нужно было сотворить невероятное зверство.

— Ваши люди погибли, — сказал Василь, — хочу найти ту тварь, которая навела работорговцев.

— Мы и сами хотим, — ответил Висельник, косо улыбнувшись. — Но учти, бугор, он не виноват. Будешь на него гнать не по делу, и не поглядим, что ты законник.

Василь дружелюбно улыбнулся в ответ. Это был самый искренний разговор, с тех пор

как он появился в городе. Остальные юлили, но боец со шрамом рубил правду матку.

— Ну, мы это, рядом будем, — сказал одноглазый, поднимаясь со скамьи. Он подошёл к двери и постучал условным стуком. Видно, они сами опасались, что хозяин кабинета пальнуть может.

— Войдите, — послышался хриплый голос.

Василь толкнул дверь пальцами, укрывшись за косяком.

— Не бойсь, законник, — сказал хозяин хриплого голоса, — стрелять не буду.

Василь заглянул внутрь. Всё это больше походило на логово бандита. Комната с небольшими открытыми окнами. Стол с парой стульев и шкаф. Вдоль стены стояли опустошённые бутылки, они же были и на столе. За столом сидел караванщик — перед злосчастной поездкой в Белорецк Василь уже виделся с ним. Тогда тот был солидный, важный, разговаривал через губу. Сейчас мало что осталось от того самоуверенного типа — перед законником сидел косматый зверь с красным носом и потухшим взглядом. Василь закрыл за собой дверь, взял стул и сел перед Фангатом.

— Не могу пить уже, — сказал Фангат, — не берёт водка.

— Не пей, кто заставляет, — хмыкнул Василь.

— Да как не пить-то, — махнул рукой караванщик. Он приглашающее поднял бутылку. Законник отрицательно покачал головой. Фангат пожал плечами, плеснул на дно стакана и выпил.

— Эх, вроде приличный человек с виду, а законник, — сказал он задумчиво.

Провоцирует, подумал Василь. Только зачем?

— Ну, извини, разочаровал, — развёл руками Василь.

— Мочить будешь? — спросил тот.

— Зачем?

— Ну у вас же так принято. Знаешь анекдот? Решила Уфа экспедицию послать до древней столицы. Ну, там, как полагается, военные, караванщики. И законники, куда же без них. Дошла экспедиция до столицы, начали копать, и там странное здание. Заглядывают внутрь, а там труп мужика. Думают, кто такой, а законник и говорит, дайте мне пять минут. Только не смотреть. Выходит и говорит, мол, мужика этого Лениным зовут. Ну все заохали, спрашивают, как узнал, а тот и отвечает, что сам, падла, сознался.

Водки в караванщике было ведро, но речь ясная, движения лишь нарочито неловкие. Может, изображает пьяного? Но что он хочет? Хотя скорее всего ждал, много лет ждал, что за ним придут, вот при слухах о законнике и запил.

— Ну говори тогда, зачем пожаловал? — сказал Фангат, откидываясь в кресле.

— Помощь твоя нужна.

— Ну а зачем мне тебя помогать, душегубу?

Василь внимательно смотрел на Фангата, думая, что же сказать. При отъезде из Уфы Молчанов дал ему папку на егерей Фангата. Скупая, непроверенная информация, которая сейчас могла помочь. Нужно было сделать всё аккуратно.

— Первое, у меня к тебе нет претензий. Я не думаю, что это ты навёл ордынцев. Второе, то дело, по которому я Сибае, тебя не затрагивает. От моего присутствия ты только выиграешь. Ну и третье...

Фангат внимательно посмотрел на Василя. В его взгляде не было и капли алкогольного дурмана.

— Знакомый у нас есть один общий, — сказал Василь. — Говорил, что если мне

помощь нужна будет в Сибее, я могу на тебя рассчитывать.

Василь наклонился ближе.

— Душманом звали, — сказал законник тихо.

Если бы он открыл пальбу, вряд ли бы вызвал такую реакцию. Фангат вскочил, уронив бутылки со стола, прижавшись к стене.

— Откуда, — прохрипел он. Потом помотал головой, поднял стул и сел. — Мать твою, не ждал я такого. Как меня звали, сказал?

— Султан, — ответил Василь.

— А ещё что сказал? — почти закричал Фангат. Всё безразличие с него слетело.

— Сказал, что в овраге, я бы принял правильное решение, — добавил Василь. — Так и не сказав, почему.

Фангат трясущимися руками налил водки, с ненавистью посмотрел на стакан и швырнул в стену.

— Чёрт, а уж и правда подумал, что ты меня мочить будешь. А тут вон оно как обернулось. Эй, Гоша!

В комнату заглянул Висельник.

— Организуй чаю, — приказал Фангат.

Тот кивнул и закрыл за собой дверь.

— Как он? — спросил караванщик.

— Хорошо, — соврал Василь, — курит лишнего. Очень от людей прячется.

Фангат подошёл к окну, о чём-то думая. Значит, информация в папке была правильной. Василь почувствовал, что у него задрожали ноги под столом. По краю прошёл, по краю. Фангат улыбнулся, сел на стул и расслабленно откинулся.

— Твой человечек, который у окна сидит, он стукачок, — сказал Василь.

Фангат улыбнулся.

— Метла? Знаю. Он на уфимских из гарнизона работает. Смысл его менять? Всё равно они будут засылать шпионов. Уж лучше тот, про кого знаешь. Вон, дылда на телефоне, его пару раз ловили, как он тихонько о чём-то с Артуром из охраны тёр. Подожди, сейчас поговорим без свидетелей. Вы правда стоянку ордынцев бросили с бараклом?

— Правда. Куда его девать-то было.

— Покажь место, — сказал караванщик, расстилая карту.

Василь указал долину на карте. Фангат пару минут думал.

— Эй, Метла, — рявкнул он, — готовь всех к выезду! Трофеи забрать нужно, это добыча законника. Ну и нам доля малая. Ты, Звонилка, метнись на склад, нужно рис для собак взять. Сходи, всё равно делать пока нечего. Метла, готовь сани. Гоша, сейчас на рынок метнёшься, скажу, что взять. Циклоп, на тебе оружие. Через час выезжаем.

Через несколько минут контора опустела.

— Ну теперь без ушей лишних поговорим. — сказал Фангат. — Ты же не поболтать пришёл. Помощь нужна?

— Про наркоту в городе знаешь?

Фангат замолчал, даже уменьшившись в размерах. Знал, и это его пугало. Василь разочарованно смотрел на Фангата. А ведь таким грозным был минуту назад!

— Поможешь? — спросил законник.

— Да как же я тебе помогу? У меня людей полтора инвалида. Ты пойми, я только за то, чтобы прижать этих. Вот только я новых людей набрал, ружьё держать не умеют. С ними на

притон идти?

Он продолжал что-то бубнить, но Василь не слушал. Было видно, что егерь уже успокоился, и помощи не предложит.

— Ладно. Я всё понял, — сказал Василь, вставая. — Если что, ты знаешь где я.

Законник вышел из конторы, разочарованно вздохнул и побрёл к Внешнему городу. «Помощники нужны, — думал он, — помощники!»

Эх, жалко, что не получилось с Искандером. Тот после возвращения в город ни разу не попытался встретиться с Василем. Парень был куда лучше, чем он думал о себе. И амбиции есть, пробился в этом гадюшнике, и в то же время у него был внутренний моральный стержень. При этом и Грек это тоже видит, потому и сделал своим помощником, чтобы иметь прикрытую спину и противовес тому же Артуру.

Через минуту Василь услышал шаги, он отступил с улицы в подворотню. На него с подозрением смотрел Висельник.

— Ты, значит, Душмана знаешь? — спросил Гоша холодно.

Василь кивнул.

— Фангат, конечно, был у нас главным, но только он ни хрена не знал. У Душмана оба лёгких прострелены, даже у костра сидеть не мог из-за дыма. Так что соврал ты.

Василь промолчал.

— Ладно, пофиг на это, все врут. — Висельник посмотрел по сторонам, — ты правда бизнес Армянина хочешь вальнуть?

— Да, — ответил Василь, — тебе-то что?

— А то начальник, счётец у меня к нему.

— Чем насолил?

— Эх, твою ж... Любому барыге за счастье посадить молодую девчонку. Объяснить почему?

Василь помолчал, думая. Жена, или дочь?

— Но ты ведь не крестить его будешь? — спросил Висельник настороженно.

— Судить что ли? Нет, мы такой ерундой не занимаемся.

— Хорошо, — кивнул Висельник. — Тогда помогу. Но уговор, когда дойдёт ему свинца выписать, он мой. Если согласен, мы с Сымой впишемся.

Василь кивнул и протянул руку Висельнику. Тот пожал её, глаза бойца сверкнули злым предвкушением.

— Для начала мне Плюху взять нужно и допросить, — сказал Василь. — Я знаю где он, но он с охраной будет. Ну и допросить его, место нужно. Он хоть и торговец, но человек суровый. Сам с караванами ходил, бандитов не боится.

— Ко всем можно подход найти, — мерзко ухмыльнулся Висельник. — У нас тут собачник есть, что овчарками занимается, думаю, он поможет.

Василь улыбнулся и кивнул. После разговора с человеком Фангата он понял, что же такое случилось в овраге.

* * *

Василь сидел на деревянном древнем стуле, на помосте, возвышающемся над вольером. Внизу в бешенстве рычали огромные, косматые собаки. Край пустой деревни в лесу был превращён в питомник. Несколько огороженных вольеров, домики для псин и огромная изба хозяина. Дальше начинались горы. Василь посмотрел на часы и подумал, что выдержит ещё полчаса — потом он задубеет окончательно. Василь достал термос из рюкзака

и налил сладкого, горячего чаю. Рядом с Василем стояло ведро с порезанным мясом, замоченным в воде. Звери внизу чувствовали запах и сходили с ума.

— Говоришь, собак не кормил со вчерашнего дня? — спросил он у собачника.

Лысый хозяин питомника кивнул. Василь на ноже поднял кусок мяса и швырнул вниз, чуть не оглохнув от рычания своры.

— Эх, нельзя, чтобы чужак кормил собаку — проворчал собачник, — они меня перестанут признавать.

— Разок можно, — добродушно сказал Василь.

Помост угрожающе скрипел под ногами, вот так и навернуться вниз недолго, подумал Василь В Квадрате у него часто были учебные бои с собаками. Чаще всего у него из экипировки была плотная одежда и палка, он должен был выдержать десять минут. Иногда против Василя выступали экземпляры, у которых в графе «злость» был восклицательный знак, и время боя было ограничено двумя минутами. Внизу, в вольере, он видел парочку экземпляров, у которых в графе «злость» стояли бы одни восклицательные знаки.

— Ты бы не смотрел, — сказал Василь, — к чему лишние вопросы. Не бойся, смертоубийства не будет. Не попортим мы тебе породу.

— Да мне пофиг, — ответил собачник, — если разорвут человека, это только на пользу. Цена вырастет.

Снаружи, за воротами собачьего двора, слышались голоса. Похоже, Висельник и Сыма вытащили Плюху из его лёжки. Собачник поднялся и ушёл в дом. У некоторых людей есть правильное и редкое умение не задавать вопросов. Василь быстро допил чай, завинтил крышку термоса и спрятал в рюкзак. Рядом, на стульях, лежал автомат — он положил его на колени.

Девять лет назад была война между Белорецком и Уфой, которую тогда называли специальной операцией. Передовые отряды уфимских начали подминать деревни у Белорецка и очень настойчиво рекомендовали им войти в состав Республики. Тогда, ведомые кто алчностью, кто жаждой мести, в город слетелись добровольцы. Половина из них были романтиками с горящими глазами. Вторая половина, были люди в наколках. Романтики устраивали засады, минировали дороги, жгли опорники уфимских. Уголовники с удовольствием жгли деревни, если те хоть в чём-то войскам противника. В партизанской войне может победить только более жестокая сторона — зататуированные добровольцы жестокости обеспечили с избытком.

Война кончилась без официального объявления, когда издержки для Уфимской республики многократно перевесили любую выгоду. Романтики сгорели в той войне, бандиты один за другим переступали черту и исчезали, встретившись с карательными отрядами, или просто попадали в засаду озверевших селян. Но были и те, кто прошел войну, не погиб. Самые хитрые, со звериным чутьём. Фангат, Душман и пара бойцов, которые сейчас тащили мешок, были из тех, кто выжил. Лысый хозяин овчарок тоже. После войны каратели под новыми именами осели во Внешнем Городе Сибая, включившись в прибыльный бизнес по истреблению расплодившихся волков, а потом быстро разрослись до полноценной торговой конторы, что организовывала и охраняла караваны. В иной ситуации все они заслужили пулю. Вот только других союзников у него сейчас не было.

— Отожрался, зараза, — сказал Висельник, вытаскивая огромный мешок на помост.

Караванщики развязали верёвку на горловине, вытряхнув на деревянный пол Плюху.

Руки и ноги начальника торговли были связаны, он был в пыльном костюме и почему-то был босым. Во рту торговца были его же носки. Лицо Плюхи было разбито, под обоими глазами наливались синяки. Люди Фангата не церемонились — не то, что они хотели помочь Василию в допросе, скорее сводили старые счёты. Циклоп, вытянул слюнявый кляп из рта торговца.

— Ты, — зашипел Плюха, увидев Василя, — тебе хана!

Законник без эмоций изучал начальника. Не было пока в нём страха, привык к своему положению, не верит, что его посмеют тронуть. Ну что же, начнём с этого — нужно чтобы боялся.

— Ну, я не думаю, что он об этом узнает. Мертвецы не болтают, — философски ответил Василь.

Висельник поднял и продемонстрировал начальнику торговли ведро с мясом. Плюха перестал вырываться. Оглянулся, посмотрел на Висельника, потом посмотрел с помоста вниз и его начало трясти.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Василь. — Ну конечно же, знаешь. Вот что, господин Плюев. Я не буду парить тебе мозги разговорами. Смысла нет. Живым ты отсюда не выйдешь. Но всё может быть просто — один выстрел и всё. Или собаки. За покушение на законника приговор — смертная казнь. Да, ты будешь говорить, что тут не Уфа, но мне это безразлично. Где я, там и закон. Твоя маленькая группа по обогащению его нарушила. Кто-то из вас навёл работорговцев на нас, так что в любом случае у тебя вышка за соучастие.

Висельник тем временем перекинул через блок над вольером веревку.

— Знаешь, что меня всегда удивляло в овчарках — сказал Висельник. — Ты их кормишь каждый день, кормишь. Ну, к примеру, рисом с рыбой. А потом ты берёшь человека, вываливаешь на него эту рыбу с рисом, и собакам пофиг, что человек живой. Главное, что он пахнет едой.

Боец со шрамом хохотнул, слушая лай взбеленившихся собак.

— Сейчас мы ещё собачек повеселим, — пробормотал он. Штаны Плюхи, внутрь которых набили мешки и пиджак, он обмакнул в ведро с мясом, обвязал верёвкой и кинул вниз, протянув свободный конец Плюхе.

— Тяни давай, — приказал торговцу Сыма. Он держал нож у спины начальника торговли, в районе лезвия рубашка уже намочила от крови.

— Александра тебя найдёт и уроет! — прокричал Плюха срывающимся голосом.

Василь молча пожал плечами.

— Мало кому так везёт, — сказал Висельник, — свою смерть отрепетировать.

— Тяни, — приказал Одноглазый и легонько воткнул нож в ногу Плюхе. Тот вытянул верёвку, на конце которой остался лишь обрывок ткани.

— Не найдут тебя, начальник, даже хоронить нечего будет — сказал Сыма.

Одноглазый с Висельником поставили стул спиной к краю, усадили на него визжащего, сопротивляющегося Плюху и прочно привязали. Потом Висельник взял ведро с мясом и начал лить воду на голову Плюхи. Оттянул воротник рубашки, пихая мясо.

— Нет, нет! — причитал торговец, вырываясь.

— Ну вот что, господин Плюев, — сказал Василь устало, — говорить вы со мной не хотите. Думаю, пора заканчивать.

Висельник поставил ногу на стул, между голых ляжек Плюхи.

— Интересная у вас смерть, начальник, — сказал он с усмешкой и пнул стул.

Пальцы ног Плюхи выгнулись, словно он пытался уцепиться за доски. Торговец орал, словно хотел остановить падение, которого всё не было и не было. Он завис над щёлкающими челюстями на вытянувшейся, звонкой верёвке. Через минуту его вытянули и поставили на доски.

— Не ори ты так, пошутил я, — сказал Василь.

Он встал напротив Плюхи, глядя в лицо, по которому бежали грязные слёзы. Торговец, пока висел, орал так, что у него лопнули сосуды на белках глаз.

— Последний шанс. Мне нужна информация. Рассказывай.

Плюха оглянулся вниз, на беснующихся собак, и начал говорить.

Глава 12. Искандер

До утра Искандер не мог уснуть.

Любой в городе согласился бы с тем, что верхушка зажралась, и горожанам от неё одни убытки. Вот только метода, как доказать это, не было. Те, кому полагалось сторожить, прогнили первыми.

Чем больше Искандер думал об этом, тем сильнее соглашался с Василем, что налёт организовал кто-то из города. Тогда в чём был смысл? Убрать людей Фангата? Законника? В этом случае заказчиком легко мог быть Плюха, те были ему костью в горле. Но зачем он хотел избавиться от Косаря и Ковыля? Или всё-таки причина в нём?

Искандер понимал, что взгляд, которым он видит город, замылен, он и не видит многое. Что Василь видит без тени привычки, у него нет симпатий. Значит, и он должен поступить так же, если хочет понять, что стояло за налётом. За стенами города Искандер запрещал себе думать, что он что-то знает. В каждую деревню он входил как первый раз, готовый к любой неожиданности. Это несколько раз спасало им жизни, когда по каким-то признакам, которые пропускали остальные, он понимал, что в деревне чужие.

Первым делом, нужно раскрутить ниточку к подозреваемым. Необходимо понять, они всё ещё в городе или сбежали? Если сбежали, то куда, можно ли их догнать?

В четыре утра, ещё до возвращения ночной смены, он выскользнул из казармы, направившись на городскую стену. Он долго стоял, дыша ночной свежестью и слушая далёкий вой. Уходить не хотелось, лучшие минуты его жизни прошли так, когда он был в дозоре, и не одолевали мысли.

Внешний периметр города был наказанием, — сюда Александра ставил своевольных, непослушных. Служба на стене воспитывала внимательность — охранники тут были бы первыми, кто погибал при налетах. Один из охранников видел, что похожий на Плюху мужик (одежда и нарты были неприметными, но пухлая комплекция начальника торговли сразу бросилась в глаза) направился на санях куда-то на юг. Луизу и караванщиков никто не видел, так что нужно исходить из предположения, что они ещё в городе.

Искандер вернулся в общагу торговцев, где Косаря и Ковыля видели в последний раз. Они оставили все ценные вещи, так что вряд ли они сбежали. Вряд ли они где-то в жилых домах во Внутреннем городе, тогда их кто-то увидел. Выходило, что внутри города есть убежище, про которое он не знает.

У него была ещё одна ниточка, точнее, жирная нить — толстяк-работорговец. Его должны были хорошо знать на рынке. Когда наступило утро, он туда и направился. На посту перед выходом столпилась небольшая, шумная группа. Тут стояли жители, кому нужно было на рынок, и они шумно требовали пройти. Было несколько скандальных торговцев из Заповедника, у которых были запланированы встречи.

В воздухе стояла зябь, которая часто тут бывала весной, когда на станции начинали экономить топливо. Он не любил это время года, снаружи слишком холодно, но стоит тебе зайти, и ты вмиг вспотеешь в шубе.

— На нас разве не плюют, — сказал уборщик, он оттирая грязь, которую нанесла охрана. Работник был из Внешнего города и не знал, кто перед ним.

— Подождите десять минут, там обыск. Уфимская охрана оцепила часть рынка.

Искандер решил попытать счастья через другой вход. Пришлось вернуться в казарму за

уличной одеждой, потом во двор, к служебным воротам, к вычищенной улице, где не было снега. Тут тоже было несколько уборщиков, в форме и с лопатами. Они курили и без интереса взглянули на него. Через служебный вход складской персонал разгружал мешки, похоже, с картофелем из Заповедника.

— Не топчи, — сказал один, с невыспавшимися красными глазами.

В который раз Искандер подумал, что в городе полно лишних людей. Вон, складской персонал и администрация, их же больше, чем всех охраны города, всё контролируют, контролируют... Ещё десять лет назад бездельников выгоняли из города, но сейчас под них создавали бессмысленные должности. Учётчики, нормировщики. Десятки людей, у которых одна задача, чтобы шахтёр не получил лишнего. Чем голоднее становилось в городе, там больше было разговоров у администраторов, что нужно усилить контроль над фермерами, как будто это могло добавить пайков. И это везде: и на фермах, и в школах, и на рынке. Кругом масса каких-то странных людей, которые только и заняты тем, что контролируют других. Но зато Ильфат по голосам сравнился с Расимом, а по вони, которую поднимали перед выборами его избиратели, давно превзошёл.

Если в его отряде были потухшие взгляды и нежелание тянуть лямку, то он не начинал разбираться, кто работает много, а кто мало. Искандер начинал поднимать людей на какое-то общее дело, как-то вместе решать проблемы. Тогда и появлялся огонь в глазах, а почему они потухли, на что были обижены люди — это он разбирался потом.

В коридорах пахло хлоркой. Один из переулков рынка был перекрыт, там стояли мордovorоты из гарнизона. В сторону ворот Внешнего города тащили четырёх людей, в последние недели такое стало обыденностью. Ходило много слухов, что народники планируют восстание. Искандер не особо верил в это.

Лавка приёмной мамы опустела. Ещё оставались какие-то личные вещи, но надпись о примусах исчезла. У Искандера заныло внутри — часть мира, в котором он вырос, исчезла.

— Знаешь, я поспрашивала пару людей, кто у нас вёл торговлю с Югом, — сказала Венера. — Они знают твоего толстяка. Он из Узбекистана, представлялся Ойдином. До войны он был тут минимум четыре раза, сопровождая торговцев. Ещё они говорят, что, когда началась война, именно толстяк был посредником по обмену. Но он не солдат, вообще они были удивлены, когда я им рассказала про налёт. Он торговец и известен по всему Югу.

Искандер кивнул. Почему-то он не был удивлён. Василь сказал, что если бы это были работоторговцы, у них не было бы шансов, даже с Алёнкой. Ещё это объясняло, как ордынец забрался так близко к Белорецку. Как торговец, он знал всё и про стоянки, и про маршруты охраны.

— По обмену пленными что-то известно? Кто был с нашей стороны? Александера?

— Переговоры вели люди со станции. Там есть женщина, зовут Марина. Она казахский язык знает, поэтому была на переговорах. От ваших тоже были люди, старшим был Артур.

— Когда Ойдин приезжал с караванами, что за товары были с нашей стороны?

— Трудно сказать, — она пожала плечами. — Там были коробки с лекарствами. Запрета на торговлю тогда не было, по документам всё было чётко. При этом люди Артура сопровождали до Степи.

Артур. Мог ли он договориться и навести этого торговца? Только зачем ему это? Ради поста начальника охраны? Сомнительно. У него была стабильная кормушка во Внешнем городе. Место там хлебное, но он на виду всё время. Марина Ухтомская? Мельком он видел её, она не покидала станции. Смысл-то ей организовывать налёт?

Искандер поблагодарил Венеру. Он подумал, что если кому и было выгодно исчезновение, так это Ильфату. Насколько тот любил доченьку, настолько же возненавидел его. Тут же мог прихлопнуть двух зайцев одним ударом. Тем более наверняка знал Ойдина, и уж точно мог что-то предложить за услугу. Искандер не сомневался, что на официальных складах он ничего не найдёт. В месяц пару раз Ильфата шли линчевать, всё кричали, что он вор, но проверка показывала, что всё сходилось. Значит, тот прятал так, где никто не искал. Минуту он подумал, где же может быть место, где никто не будет искать, и внезапно понял, где оно, и причем тут Марина.

* * *

Искандер шёл на Станцию.

Александера, надо отдать ему должное, хорошо придумал, чтобы Искандер на время стал разносчиком еды. Во всяком случае, на Станции не будет разговоров, зачем он припёрся и шныряет вокруг. Охранник перехватил удобнее сумку с едой и двинулся по рыхлой дороге, где уже появилась чёрная грязь. Путь занял от силы десять минут, но Искандер выдохся так, словно полдня брёл в горы. В воздухе стоял запах ржавого железа и мазута, со стороны Станции слышался мерный рокот генераторов.

Он подошёл к стене, ограждающую Станцию. Та была возведена ещё до зимы, добротная, в три роста высотой. В последующие годы её чинили и укрепляли и сейчас это было опасное нагромождение острого железа и бетона, поверх покрытое клубами колючей проволоки.

Искандер с силой постучал в ворота, на удивление, его сразу же осветили прожектором. Обычно люди на постах были не столь расторопны. В стене открылась калитка, и он вошёл внутрь, закрывая ослепшие от света прожектора глаза. Вид у встретивших его пары охранников был безнадёжно унылый, они стояли насквозь промокшие, продрогшие, со стучащим зубами. Они радостно взяли свою еду и помчались куда-то в сторону громады станции, где было караульное помещение. Тут должно было быть ещё шестеро охранников, четыре за пулемётами на стенах и пара на вторых воротах.

Искандер добросовестно обошёл посты, одаривая продрогшую охрану едой и забирая пустые судки. После этого он направился на станцию — у него была еда и для персонала. Территории станция представляла собой неправильный пятиугольник. В дальней вытянутом краю были огромные цистерны с топливом, обложенные дополнительной защитой из бетонных блоков. В середине территории была сама станция — три здания с двумя высокими трубами. Свет горел только в самом маленьком здании, с дымящей над ним невысокой трубой.

Он подошёл к двери и нажал звонок, внутри замельтешил красный свет аварийных светильников. Через несколько минут ему открыл заспанный, немолодой энергетик. Кажется, его звали Петр, он пару раз чинил проводку в казарме, тайком отпивая из фляжки. Он, как и охранники, был какой-то замёрзший и очень несчастный. Искандер прошёл внутрь, в машинный зал станции. Тут было ещё более влажно, чем на улице, по стенам стекал конденсат. Два генератора, накрытые небольшой крышей из металла, ревели в темноте. Искандер вслед за Петром пошёл в жилые помещения, которые были пристроены к зданию станции. Одна из комнат была кухней, туда и направился Пётр.

Пётр бухнулся на стул, отрыв контейнер и начал жадно есть дымящийся суп.

— А где все? — спросил Искандер. — Время завтрака же.

Он знал, что почти весь персонал станции сейчас был в городе. Там загорелась одна из

подстанций, обесточив шахты и Внешний Город, и энергетики сейчас пытались переключиться на резервные линии. Искандер не сомневался, что ближайшие несколько часов они не появятся.

Пётр пожал плечами. Искандер для виду поругался, вместо того, чтобы дать отлежаться в госпитале, его заставляют ходить в такую даль. Он жаловался на еду, одежду, северян. Было видно, что этот монолог лишь усыпляет Петра, тот кивал головой, потом голова его падала на грудь, он просыпался и удивленно смотрел на Искандера.

— Ааа... А что-то в городе же. Кабельная линия, вроде, повреждена. Все там.

— Жаль. Я с Мариной хотел поговорить.

— Так она должна быть тут, — ответил Пётр, пошатываясь, уйдя куда-то в темноту. Когда вернулся, он выглядел удивлённым. — Её нет.

Искандер кивнул. Ему всё это нравилось всё меньше и меньше. Могла ли она видеть, как он подходил к Станции?

— Мне ещё старику нужно порцию отдать. Жалоба была, что он свою долю не получает, — раздраженно сказал охранник.

Это была безопасная легенда. Вся администрация была завалена жалобами людей на плохое питание, на них даже не тратили бумагу. Пётр указал ему дорогу и упал на стул, тут же захрапел.

Искандер спустился обратно в машинный зал и прошёл в соседний корпус. Это был огромный зал с исполинскими тушами котлов. По рассказам первых жителей, несколько лет после начала Зимы они работали, но потом убийственные морозы остановили добычу газа на севере, сделав современные котлы бесполезными. Древний же машинный зал, с двенадцатью устаревшими котлами на мазуте, снова ожил, снабжая город теплом и электричеством.

Позже здание использовалось как склад. Часть помещений разделили металлическими листами и навесили двери. Было это в те времена, когда Межгорье снабжало Сибай, и запасы приходили огромными составами, под которые нужны были склады. Тут было полно пустых коробок, разобранных ящиков, бочек. Пахло бензином.

Одна из комнат открыта, там горел свет. Внутри было на удивление уютно — стоял диван, накрытый покрывалом, был стол со стульями, и кресло под лампой, которая была украшена бумажным торшером. Тут же находилась и уютно трещащая буржуйка, труба которой была выведена в стену. На кресле сидел дед лет ста возрастом — весь высохший, тощие кисти рук торчали из огромного, не по размеру ватника. Кожа лица была почти коричневой и вся в пигментных пятнах.

— Ну наконец, — проворчал он, увидев Искандера. — Жратву принёс? Надеюсь, не обделили старика?

Дед указал ему на диван, а сам открыл печь, подкинул несколько щепок и поставил чайник. Он раскрутил контейнер, линейкой замерил, насколько тот был полон и, удовлетворённо крякнув, поставил на стол.

— Богато живёшь, — сказал Искандер.

— Да разве это богато, — скривился дед. — Вон телек не работает.

На тумбочке действительно стоял телевизор. Искандер подумал, есть ли сейчас в мире хоть одна станция, сигнал которой можно поймать? У них в городе было несколько телевизоров с какими-то древними плеерами, и очередь туда была на месяц.

— Телек? — переспросил Искандер.

— Ну да. Я же на этой котельной всю жизнь работаю, сразу после армии пришёл. Вот

там так гоняли, всё мечтал, что приду, устроюсь охранником и буду телек смотреть. Вот уже сорок лет жду...

Искандер пожал плечами, потом достал из рюкзака записку — газету. Артём, который чаще других таскал еду на Станцию, подсказал ему, как подкупить старого охранника. Дед взволнованно схватил газету, натягивая очки на нос.

— А, эта у меня была, — сказал он разочарованно.

Искандер подумал, что дед зажрался. У каждого была такая вещь, без которой ему жизнь не мила. Он знал в Белорецке полковника, который ел курицу каждый день и плакал, что нет перца. То, что такая же курица приходилась на сто шестьдесят человек, ему в голову не приходило.

Дед снял чайник с огня и разлил по чашкам.

— Ух ты, — сказал охранник, — кофе!

Кофе был ячменным, но другого никто не пил лет тридцать.

— Вон, комната пустая есть. И отопление есть. Посади сам, будет тебе и чай, и табак, и ячмень для кофе.

— Ну даёшь дед, — рассмеялся Искандер — А вот там, на третьем складе что у тебя? Может, личный свинарник завёл?

Про склады ему так же рассказал Артём. Если первые два склада постоянно использовались, то третий был запечатан. При этом, судя по рассказу Артёма, в коридоре пол был чистый.

— Иди ты, — беззлобно ответил дед, — там всё глухо. Ключей нет давно, потеряли. Дверь потом вскрыли, всё барахло вытащили и заварили. Уже лет пять там никого не было.

— А уличная дверь?

— У меня ключей от неё нет и не было никогда.

Дед поднялся и показал ящик с ключами.

— Видишь, даже номера под такой ключ нет.

Вот только у Александеры был, подумал Искандер. Он видел тот ключ, на котором была надпись «Скл 2–3», и давно уже сделал его копию. После того, как его выгнали, он сделал некоторые приготовления. Если такое случилось бы, он бы взял сколько сможет оружия и сбежал на Север. Вчера он расковырял записку, сейчас у него были ключи от всех замков города.

Искандер попрощался с довольным дедом и вышел на улицу. Тут была темень. Вряд ли сейчас кто-то следил за ним. Он шёл, то проваливаясь в снег, то в какой-то мусор, с трудом выдирая промокшие ноги. Искандер подошёл к двери и понял, что к ней вела другая дорога, кем-то заботливо расчищенная. Подсвечивая фонариком, он открыл дверь. Помещение склада было пустым, но у самой двери стоял стол, на котором стоял пузатый чёрный портфель.

Он достал содержимое, внутри были аккуратно пронумерованные папки с документами. В самой новой папке был городской бюджет за последний месяц. Искандер решил начать с отчёта поступления и убытия на склады. Он понял, насколько же мало понимает в этом. В январе по торговому отчету недостача окатышей на шестнадцать тонн. В другом месяце они появляются. Что случилось в этом месяце, куда ушла эта руда и почему вернулась? По лекарствам ситуация была ещё запутаннее. У него на руках были совершенно диаметрально противоположные отчёты.

Искандер ощутил, глядя на эту кипу документов, что Василь был прав. Налёт

действительно был спланирован. Ещё он понял, почему Александера выбрал его. Грек был уверен, что если он найдёт что-то не то, то придет обсудить, как в случае с Хохлом. Как пришёл, когда нашёл притон наркоманов в городе. Искандер со злостью ударил кулаками по столу, подняв пыль.

Вот только если это Александера, если у него был ключ... Искандер понимал, что стоимость его жизни стремительно испарилась. Василь был единственным, кто мог бы защитить его. Охранник сел на стул, сердце бешено билось. Нужно найти Луизу и караванщиков, а теперь ещё и Марину Ухтомскую, пока Грек не понял, что раскрыт. Внезапно Искандер понял, что был один человек, кто точно должен был знать, где может быть тайное убежище.

* * *

Искандер поднялся по скупому освещённой лампой лестнице. В рюкзаке был чёрный портфель с документами. Что, если его остановит охрана? Что, если кто-то видел его в тайнике и успел сообщить Александере? На последнем этаже лестничный марш кончался решёткой. Искандер поставил контейнеры на ступеньку, достал из внутреннего кармана связку длинных ключей и, браня холод, открыл тугой замок на решетке.

За решёткой была площадка с четырьмя дверьми, Искандер постучал в одну из них — древнюю железную дверь с варварски вырезанным окошком. Никто не ответил, и через пару минут Искандер начал бить в неё из-за всех сил. Прошло ещё пять минут, послышались шаги, окошко со скрипом открылась.

— А, это ты. Привет, — сказала Метель сквозь окошко.

Она открыла засов на двери, впуская его внутрь.

— Привет, что не открываешь?

— Не слышала, — флегматично ответила она и скрылась в глубине квартиры. Навстречу из темноты в лицо Искандеру дыхнуло теплом и странным запахом, состоящим из дыма и травяного чая. Был ещё какой-то странный химический запах, который он не мог разобрать. Искандер поднял контейнеры с едой и направился следом, где в самой большой комнате охрана оборудовала пост наблюдения. Перед подоконником окна были сложены бетонные блоки, на них, как трон, водрузили древнее кресло. Перед креслом, на подоконнике, лежал бинокль, стоял чайник и телефон. Сбоку около кресла лежал ручной пулемёт, завёрнутый овечьей шкурой. В углу комнаты трещала буржуйка, у стены было два деревянных ящика с патронами. Метель взяла из рук Искандера контейнер с едой и с ворчанием полезла на трон.

Искандер взял бинокль и посмотрел вниз, на Внешний город. Отсюда он видел крыши домов и трубы, с вертикальными полосами дыма, освещённые несколькими лампами улицы, стену с закрытыми наблюдательными башнями сверху и сумрачную вечернюю равнину, сливающуюся на горизонте с темнеющим небом. Искандер знал, что рубильники на стене включают прожекторы на стене, а по телефону охрана Внешнего Города может поддержку.

В истории города было два бунта, когда жители Внешнего Города пытались взять штурмом Внутренний. Искандер этого не видел, но мог легко себе представить, как Юля поднимает трубку, без эмоций кивает, достаёт из тёплой овчины ручной пулемёт. Включает прожекторы, открывает окно и ставит на подоконник сошки пулемёта. Без эмоций подпускает толпу ближе и начинает стрелять. Когда кончатся патроны, снаряжённые в магазины, она откроет коробку, перезарядит магазины и продолжит стрелять.

— Как вахта?

— А, — Метель неопределённо махнула рукой, — всё лучше, чем за Розой таскаться.

Утомила, сил нет. Ещё вон тот кореец странный, всё в ворота долбится. Утомил.

Искандер посмотрел в указанном направлении и увидел, как из общественного туалета вышел Ким. Он был в костюме химзащиты и в целой руке нёс ведро с тряпкой и ёршиком.

— Меня спрашивал? — спросил Искандер.

— Да, раз десять подходил к воротам, — ответила Метель, — у нас приказ Александеры его не пускать.

Искандер знал, что это была просьба Василя. В любом случае он не собирался помогать корейцу. В городе стало совсем темно — охрана патрулировала залитые светом фонарей улицы. Со стороны Стойбища в город вошло около тридцати человек в камуфляже.

— Вон, опять уфимские припёрлись, — зло сказала Юля.

Ким через бинокль видел, как они направились к кабаку Ели. Несколько человек отделились и пошли в сторону бара Клёцки.

— Часто они так?

— Да последние пару недель каждый вечер, как на работу ходят. Чёт Гильза на нервах, по городу постоянно обыски идут. По слухам, народников ищет, и оружие.

Юля села в кресло, достала наушники и древний плеер. Через бинокль Искандер видел, что на сгоревшей улице вокруг избы кучкуются люди. Сколько раз он говорил про притон Александере, тот игнорировал.

Пьют Сибае люди, страшно пьют — до потери человеческого облика, галлюцинаций. Это Искандер мог понять, но он не мог понять, зачем курить чёрную дрянь, которую везут из Уфы. По слухам, в таком состоянии человек был не человеком, а послушным механизмом. Он разговаривал, жил, что-то делал, а на следующий день ничего не мог вспомнить. Спросишь зачем, а торчок тебе скажет со странной улыбкой: «Знаешь, это такое счастье, вообще не думать и не помнить».

— Юля, поможешь мне в одном деле?

Она сняла наушники и странно посмотрела на него. Она уже пару лет бросала на Искандера заинтересованные взгляды, но он игнорировал, пока буран не свёл их вместе.

Их высадили на пункт наблюдения за популярным у бандитов маршрутом с едой и рацией. Это был край леса, поэтому у них не было саней, да если бы и были, чем они помогли? У них было еды на три дня, но буран отрезал их на две недели. Они вызывали помощь, три раза за ними выходили из города и не могли дойти. Тогда он понял, что может и не Иванка ему нужна, а Метель, которая жила той же жизнью и понимала его. У них кончилась еда на десятый день, и последние крохи они честно делили на двоих. Тогда он сказал себе, что никогда не подставит её.

Вот только сейчас она была единственным человеком, кто мог помочь. Метель была подругой Розы, а Искандер знал, что у племяшки Грека язык без костей.

— Мне позарез нужно найти Луизу и Плюху. Ещё караванщиков, Косаря и Ковыля. Кто-то из них связан с налетом.

Юля молча встала, вышла на лестничную клетку и ключом открыла дверь в смежную квартиру, окна которой выходили на Внутренний город.

— Вот там, — показала она, — на пятом этаже.

Вот только за окном поста была пятиэтажка, где были казармы.

— На пятом? В казарме же три этажа. Подвал, медпункт, квартиры начальства. Выше третьего нет ничего, я там был, там квартиры засыпаны землёй и лестницы разобраны.

— Ну, на самом деле их пять. Там из одной квартиры у врачей есть отдельная лестница.

Наверху то ли тюрьма, то ли госпиталь.

Пазл сошёлся. Неужели всё так просто? Понятно, что они так напряглись из-за законника. Но вряд ли бы у Василя получилось, что получилось у него. Законник не знал про склады на станции. Если бы и узнал, у него бы не было ключа. Если бы и был, его не пустили бы туда. Ну даже если бы он всё это нашёл, разве стала бы с ним разговаривать Метель?

Искандер вышел во Внешний город, размышляя, что ему делать дальше, когда его ударили по затылку.

«Институт». Лу. 3 года после начала Зимы

Луиза страдала от безделья.

Небольшое помещение лаборатории было заставлено гудящими аппаратами. Лу сидела на столе, болтая ногами, Ксю согнала её со стола, достала лабораторный журнал и, наклонившись, начала заполнять. На единственном стуле в лаборатории сидел Павловский, пожилой биолог с Нижнего уровня. Он сосредоточенно что-то изучал в старых записях Ксении.

— Получается, всё просто прекрасно, — бормотал он.

— До чего же неудобно, — проворчала Ксения, — Так, Лу... Иди, давай, не мешайся.

Лу вздохнула, взяла пустую архивную коробку и пошла на выход, натянув на лицо маску торопливой озадаченности. Две женщины из Верхних, приставленных следить за порядком, проводили её равнодушными взглядами. Стоило девушке миновать охрану лаборатории, она тихо рассмеялась. Какие же они недалекие! Вчера, когда она пыталась пройти, так тетки два часа муржили вопросам, что она тут делает. Стоило Лу взять архивную коробку, как она превратилась в невидимку и спокойно просочилась в лабораторию. Вот только веселее ей не стало, Ксения аж дымились от количества задач и болтать ей было некогда.

В который раз она подумала, в чем же смысл был от сидения этих неграмотных теток из Верхних? В науке ничего не понимают, вообще ничем помочь не могут, но сидят и старательно записывают, что делает Ксюха. Та ещё подкалывает, диктует полную ерунду, а те записывают. Ладно, от этих хоть вреда не было, в отличии от Эльвиры, которая всерьез решила, что она руководитель лаборатории.

Лу проскользнула в теплицу — бескрайний влажный туннель, слабо освещенных синий светом. Тут было душно — от гидропонных установок поднимались испарения. Туман складывался в странные фигуры, похожие то на слона, то на жирафа. Хоть какое-то развлечение. Те, кто задумывал Институт, достаточно странно представлял себе его обитателей. Её они точно не учитывали, иначе бы тут был телевизор.

Туннель был разделен на секции прозрачными стенами. В воздухе слышалось гудение вентиляторов, жужжание насосов, подающих питательный раствор прямо к корням. Тут было красиво: синие и желтые огни плясали на потолке, потоки воды в поддонах отражали свет на потолки, от чего казалось, что она шла по туннелю из хрустала.

Она прошла несколько залов, оказавшись в секции с помидорами. Девушка воровато оглянулась, нашла среди зеленых плодов пропущенный сборщиками красный и жадно сжевала его. Лу медленно пошла по теплице, не зная, чем заняться

Она поймала пчелу среди кабачков, где шла стадия опыления, и перенесла в соседнюю пустую секцию. Вот техники удивятся, подумала она со смехом. Конечно, они пчелу найдут. Вообще, это было серьезное нарушение, пчелы болели какой-то своей заразой и ходили шутки, что техники знают оставшихся пчел поименно. Ей стало немного стыдно, но потом она вспомнила, как агротехник пытался погладить её по бедру, когда она лечила ему ожог, и она пошла и перенесла ещё одну полосатую труженицу. Пускай побегают, поищут.

Лу прошла до холодных складов, в конце туннеля, внутрь которого попасть она не могла и лишь посмотрела через стекла, как несколько техников в серебристых костюмах аккуратно распаковывают коробки. Один раз, ещё до Зимы, она просочилась в хранилище и открыла контейнер. Внутри, в ложе из мягких гранул, были вытянутые стеклянные колбы с

какими-то исчезнувшими видами растений. Ещё там были контейнеры, она открыла один и когда поняла, что держит колбы с кровью, от неожиданно нахлынувшего брезгливого чувства чуть не уронила её.

Дверь холодного бокса открылась, выпустила клуб пара, и в коридор вышел человек, костюм на нём скрипел от мороза. Он снял маску, поморщился, вдохнув вонючий воздух из аграрного блока.

— Лу, что ты тут забыла? — раздраженно рявкнул он.

— Да меня Ксения послала, сказала какие-то образцы забрать в девятом блоке, — ответила Лу виновато.

Техник озадаченно почесал затылок и двинулся к телефону. Стоило ему отвернуться, как Луиза незаметно сбежала. Она вернулась к лаборатории, снова просочилась мимо теток, маскируясь пустой коробкой. Живот урчал, чтобы наестся одного томата было мало. Девушка с тоской вспомнила первые месяцы в убежище, еды тогда было завалилось, да и какой! Сейчас Лу ела два раза в день, да и больше тем, что выращивали в разросшихся теплицах.

Девушка вспомнила день, когда пришли Верхние.

Было обычное утро, она дежурила в госпитале, слушая нытье Грея, когда внезапно заорала сирена. Открылась дверь, на пороге был лаборант с перекошенным лицом.

— Все наверх! Там спасатели пытаются открыть двери!

Ксения побежала в холл, в котором она не была со дня, как спустилась под землю. Там было холодно, на экранах показывалось видео с камер перед наружными воротами. Там, на площадке под навесом, свободным от снега, было тесно от автобусов и людей в зимней одежде. Такое было уже не раз, люди стучали в ворота, что-то кричали в камеры. Некоторые оставались, умирая у входа. Это была основная причина, почему Лу не приходила сюда и старалась не смотреть на камеры с поверхности.

Сейчас же вместе с толпой были люди в синей форме Спасателей, они сняли защитные плиты на входе в ворота и колдовали с электроникой. С ними был генерал МЧС, Грей посмотрел на него и скривился.

— Я его знаю. Заместитель коменданта Межгорья. Он своего сынка с греческим именем пытался к нам в Институт запихать. Очень неприятный человек.

Те, кто создавал Институт, оставили возможность открыть его снаружи, вот только для этого нужны были коды, которые по слухам оставались лишь у нескольких людей в стране. Сохранение биологических материалов имело приоритет над всем, что могло произойти на поверхности. Вот только через пару часов Спасатели сумели побороть электронику, ввести код и непробиваемые двери Института открылись.

Люди сверху по хозяйски вошли в холл, скидывая бесконечные сумки с барахлом. Генерал МЧС осмотрел собравшуюся толпу ученых, поманил к себе директора института.

— Этих людей нужно разместить у вас, — сказал он важно, — Всё понимаю, но это необходимо.

Петрович протестовал, но генерал его не слушал. Пришлые разгружали технику, вытаскивали баулы с вещами и за генералом пошли на Верхний уровень. Он без стеснения приказал освободить три четверти помещений, и Лу с ужасом смотрела, как Верхние выкидывали вещи из приглянувшихся комнат, располагаясь внутри.

* * *

Лу сидела в лаборатории на полу, листая записи Ксении.

«Скукота, — думала Луиза, — что тут может быть интересного». Она подошла к подруге, встала рядом и посмотрела на образец между стеклышек. Лепесток и лепесток, что та суетится? Она понимала, что Ксюха выделяет лекарство из растений, но зачем так убиваться, ведь всё равно Верхние заберут большую часть. Или ещё хуже, продадут тем, кто остался наверху за мясо и выпивку.

Ну хоть противогаз не надо одевать. Вчера, когда она пришла без него, Ксюха выгнала её, надавав тумачков. «Рицин, что за рицин», — думала Лу. Она помнила с учебы, что это какой-то яд, но почему тут, в лаборатории?

— Лу, подвинься, — недовольно сказала Ксения. Её острый локоть врезался в бок Луизы.

— Эй, — пискнула Лу. Она снова села на пол, чтобы не мешать. «И Ксюха туда же», — подумала она зло. Старики с Нижнего тоже гоняли её, словно она мешала. Ведь явно что-то у них интересное было, вот Змей точно шлялся на поверхность, что он делал там?

Увлеченная работой Ксения не ответила. Что-то напевая, она открыла холодильник, вытащила поддон и засунула пробирки из реактора. В кабинет заглянула женщина из Верхних, на этот раз её костюм был черным. Лу встала к стене, подняв спасительную архивную коробку, стараясь сделаться незаметной.

— Здравствуйте, Эльвира Ратмировна, — сказала она подобострастно. Если бы самозванная начальница лабораторного блока поняла, что Лу находилась тут самовольно, точно настучала бы. Женщина смерила её недовольным взглядом, но стоило увидеть коробку, равнодушно отвернулась.

— Ксения, почему вы опять тут? Я же распорядилась, что вы должны были работать в семнадцатой теплице с бананами, вы так и не решили проблему грибка!

Ксения зло посмотрела на неё и прошипела.

— Плановую работу по обследованию архива никто не отменял. Во вторую половину смены займусь вашими бананами.

Женщина поджала губы, минуту постояла, ища слова, но вышла, так и не сказав ничего. Лу смотрела на подругу с восхищением.

— Old butt, — выругалась Ксения, — старая кошелка, власть показывает...

Ксю забубнила себе под нос песню на английском. По должности она была переводчиком Института и знала как минимум пять языков, включая норвежский. Перед Зимой именно она ездила по обмену в Норвегию, во второе хранилище Судного Дня. Вот только после начала Зимы она работала в лаборатории или в теплицах. Ксения остановила реакторы, убрала всё в холодильники, записала результаты.

— Пошли в теплицу, — сказала она Лу, закрывая дверь в лабораторию на ключ.

Они подняли бочку с предупреждающими знаками, что внутри яд. До теплицы с бананами нужно было идти почти два километра. Через пару минут, когда посторонних ушей не было, Ксю спросила.

— Что там за история с Давидычем?

Давид был заместителем Тагира, руководителя Верхних.

— Дурацкая история. Несколько дней назад, когда собрали урожай пшеницы, в столовке Верхних белый хлеб напекли. Этот дурак сожрал на обеде два батона, да ещё с собой попросил, ему повара и дали. На следующий день обжору привозят к нам, в госпиталь с раздутым пузом. Клизма ведерная не помогла, непроходимость в тонком кишечнике. Грей говорит, если к вечеру улучшение не будет, резать будем. Тагир приказал, что если Давиду

полегчает, чтобы ему сообщили. Ну, вот обжоре полегчало, пукнул он. Ну я перепутала кнопки, думала начальнику сообщаю, а вместо этого на всё убежище сказала: «Поздравляю, Давид пукнул».

Лу вспомнила, как орал на неё Тагир и у неё от обиды задрожали губы.

Ксения рассмеялась. Лу пожала плечами.

— И ведь я же не знала, что это громкая связь. Никто не верит.

Они были у теплицы с бананами, та была заклеена и на ней снаружи была написана огромная предупреждающая надпись. «Грибок. Химическая обработка. Посторонним не входить».

Ксения открыла ключем дверь и они вошли внутрь. Тут было жарко и темно. Пальмы изогнулись под сводами теплицы, почти заслонив свет. Ксения погнала Лу наверх, срезать спелые бананы. Сама Ксю села пустую бочку, открыла крышку радио и щелкнула тумбер трансляции.

— С вами радио Института, — послышался молодой голос. — Сегодня я хочу поделиться с вами альбомом из жаркого две тысячи шестнадцатого...

Потом Лу с Ксенией сидели и ели бананы.

— Нет ведь никакого грибка, — спросила Лу.

— Нет, конечно. Но иначе бы никто из Нижних эти бананы и не увидел.

Ксения открыла пустой контейнер, сложив внутрь драгоценное лакомство.

* * *

После прихода Верхних, привычная жизнь в Институте сменилась теснотой и бесчисленными конфликтами. Верхние заняли большую часть помещений. Ещё вчера Лу жаловалась на одиночество, но сейчас в двухместной комнате приходилось спать ввосьмером. В душевую было не попасть.

Ученым пришлось вскрыть аварийные запасы еды, чтобы накормить Верхних. Институт был спроектирован, как огромная самообеспечивающаяся система, настоящий рай вегана. В бескрайних километрах теплиц заранее были высажены все сельскохозяйственные культуры планеты. Был и запас на случай аварии из продуктов, которые могли храниться десятилетиями. Пшеница, рис, овсянка, сушеный картофель, топленое масло, сахар, соль, мед, сухое молоко, консервированное мясо, овощи, специи. Чай, кофе, какао. Институт мог протянуть год только на резервах старого мира. Когда пришли Верхние, запасы пришлось открыть. Это было временное решение, ученые начали увеличивать производство продовольствия.

В Институте был резерв пустых теплиц, реактор тоже обладал резервом мощности. Вместо научной работы, ради которой люди согласились запереться на несколько лет под землей, всем сотрудникам пришлось переквалифицироваться в фермеры. От Верхних не было особо толку. Генерал из Межгорья зачем-то притащил в Институт три сотни чиновников, вместе с семьями. Даже комнаты, которые они должны были сами убирать, они загадили, и жилой уровень стал вонючей помойкой.

Вот по административной борьбе Верхние были мастера. Как-то незаметно всё обернулось, что Институтом стал управлять Совет, где две трети заняли пришлые. Кроме того, под благовидным предлогом, что они готовы помочь, Верхние создали гору рабочих мест на Среднем Уровне. Работа была бесполезной — учет продовольствия, рабочего времени, запасов. Под ещё более благовидным предлогом сохранения порядка они создали охрану, и теперь над каждым их ученым был надсмотрщик.

Сотрудники Института переселялись на нижние уровни, делая жилые комнаты из мастерских и складов. Лу, как фельдшер, устроила себе спальню в коморке при госпитале на Верхнем уровне. Мыться им приходилось в теплообменниках реактора, душевые и столовые были теперь только для Верхних. Первые месяцы ученые ещё верили, что это временно, но сейчас уже ни у кого не оставалось надежды, что Верхние уйдут.

* * *

Лу спустилась на лифте со Среднего уровня до Нижнего, пройдя мимо докучливой охраны.

На Нижнем было шумно. Гудели механизмы, ревели насосы. Она постучала в комнату дежурной смены. Помещение ремонтников было большой комнатой, освещенной люминесцентными лампами. Вдоль всех стен стояли шкафы, ящики. Тут пахло маслом и железом. Внутри было два пожилых академика, которые проектировали Институт. Никто лучше не знал реактор, поэтому при новом порядке ученые стали ремонтниками. Лу не любила спускаться сюда. Тут было грязно, холодно, да и сами академики разочаровали её, оказавшись грубыми и самодовольными. Вот только у них были книги...

Один ученый был низеньким, в очках. Павловский, легендарный биолог, лауреат всех премий, член всех академий, которые были в старом мире. Он сидел, недобро глядя на рукописный отчет, что-то чиркая. Поскольку Верхние имели доступ к базе Института, Нижние перешли на бумажные отчеты. Так было проще — не нужно было объяснять ежедневную рутину. Он то взъерошивал соломенные волосы, то снова приглаживал их. Второй ученый, небрежно развалившийся и курящий в вентиляцию, был Ирен Андерсен, нобелевский лауреат по биологии, в момент эвакуации случайно оказавшийся в России.

— Чего тебе? — спросил Павловский.

— Я вам бананов принесла.

— А-а-а. Вон туда положи, — задумчиво сказал он, рукой с сигаретой неопределенно указав в сторону коек.

Лу сгребла бумаги с кровати и села.

— Ты понимаешь, — сказал Павловский тихо, — если сегодня-завтра мы не решим вопрос, будет поздно.

— Да-а, — задумчиво ответил Ирен.

Он одел очки, не выпуская сигареты и стакана с самогоном, взял у Павловского отчет. Они что-то тихо обсуждали, косясь на Лу.

Тайные разговоры, как же она устала от этого! То же самое, Рыжий со Змеем, каждый раз при её появлении они начинали шептаться.

Когда Грей отправил её работать на Нижние уровни, она обрадовалась. Она помнила ученых еще по строительству Института. Энергичные, громогласные, они были воплощением интеллекта и энергии. Она быстро поняла, что ошиблась. Ирена ничего не интересовало кроме еды, домашнего самогона и самокруток из табака, который он выращивал на обводном канале реактора, куда Верхние не рисковали заходить. Он развесил кругом таблички «опасность» и подкрутил датчики радиации на входе так, что они начали показывать опасную дозу.

Павловский тоже оказался противным, непрерывно пил, а выпив, начинал ругать Верхних, Спасателей, Зиму, бесчисленных дураков и тупиц. Может, он был ученым, но два года внизу сделали его желчным сквернословом. Когда Павловский уставал, он засыпал, развалившись в кресло, храпя на всю комнату. Проснувшись, тут же выпивал и продолжал

поток ругани. Ему подчинялось два десятка техников, иногда они боязливо звали его, и он исчезал, ругая их. Тут было несколько начальников из Верхних, но они сидеть в тепле, в комнате у шахты лифта.

Нижний уровень обманул её. Она надеялась, что скроется тут от Верхних, но тут было грязно и опасно. Нижние уровни топило, едкая жижа от размытых удобрений наполняла всё кислой вонью. Единственной хорошей вещью тут была библиотека. В свое время она занимала несколько комнат наверху, а сейчас располагалась в сухом тоннеле, забитым коробками с книгами.

Лу села на кровать, взяла с полки потёртый справочник Института, весь в помарках. Цифры она помнила наизусть, еще со времени отбора в команду Института.

Расположение — Соликамск, в калийных выработках. Глубина заложения — от ста до четырехсот метров. Проектный срок службы — пятьдесят лет (ручкой было поставлено три черточки, три года существования Института.) Персонал — сто тридцать человек (ручкой было зачеркнуто и написано «четыреста сорок»). Протяженность туннелей — двадцать восемь километров. Мощность энергоустановок — сто двадцать киловатт (было зачеркнуто и написано сто девять). В Институте было сто жилых комнат, четыре общих зала, двести семь хранилищ, сто две тысячи книг и ни одного телевизора.

Она закрыла глаза, представляя себе схему Института. За три года она обошла его полностью и легко могла представить помещения вместе со всеми служебными тоннелями. Три главных уровня, пронзенных шипом центральной шахты. Нижний уровень — пять километров технологического оборудования, реактор. Там же, в складских туннелях запас — тысячи тонн запасов для ремонта Института. Тут ручкой было приписано: «Жилые помещения — ноль. Население — пятьдесят семь инженеров и техников».

Средний уровень — семь километров теплиц, которые кормили всё население Института. Кроме того, Геофронт, огромный купол с лесом, и одиннадцать километров складов, ради которых существует Институт. Хранилища, где при стабильной температуре законсервированы все растения, которые когда-либо существовали на планете. «Жилые помещения — ноль. Население — шестьдесят шесть ученых, из которых девять академиков».

Верхний уровень. Два километра туннелей. Жилых помещений — сто комнат. Волейбольный и теннисный зал. Спортзал. Две столовых. «Население — триста десят администраторов. Ученых — ноль, техников — ноль. Пользы для Института — ноль».

* * *

Звук сирены давил на нервы.

Лу взяла сумку первой помощи, рюкзак лекарств, противогаз. Павловский грузно бежал впереди, электронным ключам открывая служебные двери. Гермозатворы с чмоканьем закрылась за ними.

— А там не опасно? — спросила Лу неуверенно.

— Нормально, — ответил Павловский, — топит шестой, он ниже основных помещений. Главную шахту затопить может.

Они шли по жарким туннелям, слушая скрип бетонной крошки под ногами. Они были в технических каналах, которые служили дренажем для Нижнего уровня. Они вошли в затопленный туннель, полный людей.

Тут пахло гнилью, глаза заслезились от соли в воздухе. Техники колдовали с насосами и вода на глазах уходила. Через несколько минут они смогли пройти через влажный туннель с лифтовой шахте, которая была заполнена водой.

Они находились ниже спицы основной шахты, бетонный приямок под лифтами был заполнен водой. Но откуда вода тут, у главной шахты? Что тут происходит? Лу видела следы воды на стенах, походе поток захлестнул двери лифтов нижнего уровня.

Она была на потопах, этот выглядело странно. Она увидела, что несколько техников вместе с Рыжим, радистом Института, копошились в шкафах электроники на стене шахты.

— Ну вроде все, справились.

— Пошли выпьем? — сказал один из техников.

— Да не могу, печень болит, — ответил ему, — эй, Лу, есть что от боли?

Она кивнула. Открыла аптечку, достала обезболивающее. Позади неё человек упал, один из шлангов метался, расплескивая воду. Кто-то побежал отключать насос, пока другие держали шланг.

— ...Макс вчера повредил спину, сегодня его нет. А еще эти двое, их перебросили на средний уровень, там что-то с вентиляцией. Лёня тоже не может, чинит вентиляцию.

— ...Он дурак, пошел договариваться об отгулах, так его на фекальные насосы поставили. Думать надо...

— ...Телевизор, говорит, могу принести с поверхности. Только он все равно ничего не покажет...

Она стояла у открытых дверей лифта, внутри, на технической лесенке, Рыжий о чем то спорил с Тагиром.

— ... Вода попала на клеммы. Всё погорело. Попробую починить, — бубнил Рыжий.

Тагир зло посмотрел на него, но ничего не сказал. Расталкивая толпу ученых, он пошел по лестнице наверх. Как-то разом люди, которые откачивали воду, пошли наверх. Все спешили, авария у кого-то отвлекла от работы, кого-то подняла с постели. Нижний уровень был полон, люди в серых робах нижнего уровня. Появились озабоченные Верхние, и тут у неё словно замкнуло что-то в голове. Картинка стала ясной. Ведь техники копались в щитах управления Институтотом... Они разбирали щит, который управлял дверьми и вентиляцией.

Лу дождалась, пока около лифтов не будет людей и подошла к Рыжему.

— Привет!

— Привет, Лу! — сказал Рыжий радостно.

Она проверила, что никто не смотрит, и строго спросила:

— Выкладывай, что творится.

Глава 13. Василь

Василь сразу же понял, кто ему нужен.

Он бродил у трактира Клецки, изучая людей на площади. Он видел достаточно наркоманов, чтобы сразу увидеть свою цель. Пара трясущихся доходяг вошли в город со стороны стойбища и целенаправленно направились в сторону сгоревших домов.

Василь пошел следом. Законник не переживал, что его узнают — он одел тряпье, которым и нищий бы побрезговал, измазал лицо в грязи и натянул на голову драную вязаную шапку. За час, что Василь провел на площади, его так никто и не узнал. Он шел позади наркош, озираясь по сторонам. Вокруг были сгоревшие избы с пустыми окнами, остатки пожара, опустошившего Внешний город четыре года назад. По слухам, тела из ночлежек даже не стали вытаскивать. Из-под снега торчали остатки скарба — разбитая посуда, расколошмаченные инструменты. Несколько изб спасли от пожара, но люди их бросили, никто не хотел жить по соседству с кладбищем.

Откуда-то потянуло дымом — в одной из разграбленных изб, высунув дряхлый дымоход в выбитое окно, гудела кухня, исторгая рыбную вонь. Василь заглянул внутрь, в темноте двигались люди, при его появлении они замерли. На свету остался лишь повар, что-то жарящий на буржуйке. Повар неприязненно посмотрел на законника, взяв в одну руку нож. Вид его был неприятен, нездоровое синюшнее лицо с без половины зубов, да ещё по батарею окурков за каждым ухом.

— Слышь, где тут дурью закупиться можно? — спросил законник.

Повар непристойно и витиевато выругался. Василь ударил повара ногой в живот, поднял нож и сунул его под небритый подбородок, легонько проведя тыльной стороной лезвия.

— Это, я не хотел, — прохрипел повар. — Вон там, только дом обойти.

Василь в который раз подумал, как же много времени экономят прямые методы.

— Там пароль есть какой? — спросил Василь.

Повар покачал головой. Из темноты выкатились два торчка в обносках, полусгнившие, с язвами на коже. Они надвигались со разных сторон, выставив вперёд ножи. Василь выдернул из кармана, приставив к башке повара. Ему было непривычно от легкости оружия. Стечкин был в кобуре под одеждой, в руках у него был револьвер, которому было под сотню лет.

— Первая пуля ему. Кому вторую?

Крысы с ножами растворились в темноте, зло сверкая глазами.

Держа комнату под прицелом, Василь выскочил на улицу, с наслаждением вдохнув тухлый городской воздух. Странно, что никто не стоял на стрёме, подумал законник, оглядываясь. Бородач, явно барыга, скупает ворованное у наркош. Василь обошёл избу барыги, держа руку под одеждой револьвер, и вышел во двор другого заброшенного дома. Тут по углам толпились молчаливые люди, на него никто не посмотрел. На снегу, у стены избы, лежал замёрзший торчок с босыми ногами. Ещё один, раздетый, в наркотическом бреду ворочался на соломе.

Перед дверью была очередь из трясущихся людей с беспокойными глазами. Люди косилась на него, но никто не дёрнулся и не завопил. Очередь Василя пришла минут через пять. Он медленно шагнул внутрь избы, внутри была небольшая комната, залитая светом красных ламп под потолком. Из мебели тут был стол и стул, на котором сидел человек в маске, положив руки в перчатках на стол. Около двери стоял боец с автоматом, ещё кто-то

ходил на втором этаже. Значит, минимум трое.

— Новенький, что ли. Так и будем стоять? — буркнул он. — Тебе подрываться или забыться?

— Забыться, — наугад ответил Василь.

Человек в маске показал два пальца и законник протянул ему замызганные копеечные пластинки.

— Добро. Иди, тебе на улице товар отдадут.

Василь кивнул и медленно вышел, едва сдерживаясь, чтобы не бежать. Он выскочил на сгоревшую улицу, отошел от толпы и стал ждать. Из переулка, сбоку от избы дилеров, появился подросток, вручил ему бумажный сверток и тут же исчез во дворах. В который раз Василь подумал, что не может Александра не знать об этом.

В Уфе, конечно, считают дурь благом, подумал он зло. Обкалывали новобранцев, отчего те зверели, а потом их швыряли на позиции войск Казани. Василь был под Туймазами во время боя за Волжский рубец. Осмелевшие казанские построили там настоящий укрепленный район. Василь видел, как батальон новобранцев закачали дурью по самые брови и после короткой артподготовки бросили на пулемёты казанских. Самая жуть — это было видеть единственного вернувшегося из атаки. У одного не было одежды, на нём были несколько пулевых ран, и он шёл голый по снегу посиневшими ногами, ничего не видя и не слыша, лишь жал на курок опустевшего автомата.

Василь вернулся к конторе караванщиков. Во дворе горел костёр, вокруг него стояли четверо — Висельник, с ним знакомый стукач из конторы и пара новичков. Тут были и ружья, сложенные шалашиком, гора вещей и приготовленные в дорогу сани. Стукач сидел у костра, обхватив голову. Висельник воспитывал новобранцев, надрывая глотку. Оба новичка ужасно худые, невысокие, темноволосые, с непроницаемыми азиатскими лицами. Один был покрепче, ему Висельник сунул охотничье ружьё, проверив, умеет ли тот управляться. Второй, потерянный какой-то, со складками висящей кожи под подбородком, ему достался замученный обрез.

— А мы вон, видишь, новичков набрали, — сказал Гоша весело.

— Вижу. Кстати, куда дед, который у вас на телефоне сидел, делся?

— Да знаешь, несчастный случай, — невинно ответил Гоша, — поскользнулся на лестнице. Ногу сломал, так что не скоро поправиться. Фангат новичков решил на пробу погонять до Заповедника, нужно торговца сопроводить. Вон, наш ветеран за главного, хватит ему в конторе прозябать.

Стукач испуганно глянул на Висельника и снова уставился на огонь.

— Не боишься, что в засаду попадут? — тихо спросил Василь.

— Не, там уфимские вчера из патруля вернулись. До поворота на Белорецк прошлись, одну группу бандитов расстреляли. Сейчас там тихо. Да и новички наши... Они долганы с севера, по округе трутся, пытаюсь в охрану наняться. Давно меня уговаривали взять. Тот что покрепче, у него Куча кличка, он на Урал с караванами ходил.

Висельник ещё раз прикрикнул на новичков и поманил законника в сторону.

— Ну что, нашёл барыг? — спросил он, когда они отошли в сторону.

— Да, — Василь вытащил пакетик, но Висельник перехватил руку.

— Глаз много, — сказал он.

Гоша завёл его за избу, достал таблетки, раскрыл ножом одну и попробовал крупинку. Он сморщился и стряхнул белую пыль в снег.

— Ну что, не боишься, законник? — испытующе спросил он. — Там клиентуру валить придётся по-взрослому, не сдадутся.

Василь кивнул, подумав про себя. «Да что же вас, душегубов, так ко мне тянет?». Не успел отвязаться от Алёнки, как к нему тут же прилип новый, кому прибить человека проще, чем стакан воды выпить.

— Ладно, тогда пошли, — деловито сказал Висельник.

Он дал последние наставления новичкам, взял автомат и сказал что скоро вернется. Висельник закурил трубку и, насвистывая пошел в сторону сгоревшей части города, Василь, морщась от дыма, шел следом.

Висельник только выглядел расслабленным, законник видел, что тот подмечает все движения вокруг. Когда был на фронте, Василь таких видел таких людей в штрафных частях. У тех тоже не было никакого пиетета перед законником. Расстрелять их ни за что, а послать дальше, где они уже были, было некуда.

— Ну что, законник, какой план? — тихо спросил Висельник.

Василь посмотрел по сторонам, вокруг были только сгоревшие дома.

— Я заметил, что там с задней стороны можно на крышу забраться. Ты окошко тихо вскрыть сумеешь? Тогда снимем того, кто наверху, и зайдем со спины парочке на первом этаже.

— Я-то сумею, — усмехнулся Висельник.

Сгущались сумерки, над Внешним городом поднимались дымные столбы. Василь незаметно проглотил таблетку стимулятора. Василь подсадил Висельника, тот залез на крытую досками крышу и протянул руку.

— Законник, ты вперед не лезь. Я сам всё сделаю, ты, главное, мне спину прикрой.

Висельник открыл слуховое окно и проскользнул внутрь. В руках у него был нож, автомат был за спиной. Через несколько минут Василь пролез следом, без пижонства держа темноту под прицелом. Он перевел «Стечкин» на стрельбу очередью. Законник включил фонарик, осветив чердак, заставленный хламом. Внизу слышались звуки борьбы, и Василь бросился вниз. Когда он спустился, четыре наркоторговца стояли у стены, заложив руку за голову.

— Всё нормально, — сказал Висельник, — даже стрелять не понадобилось. Вот только ошибся ты, тут их четверо было. Подержи их, я проверю, что на улице.

Василь кивнул, взяв наркоторговцев под прицел. Висельник тут же полез по ящикам и шкафам.

— Вам хана, — сказал наркоторговец, — знаете, что Армянин с вами сделает?

— Подрежь ему ножку, — сказал Василь, — по-моему, он не понял ничего.

Висельник ткнул разговорчивого ножом, раздался вой. Гоша выворачивал ящики, на полу росла гора пакетиков с таблетками. Сколько же это в деньгах? Если он хотел привлечь внимание Армянина, он своего точно добился.

Василь помнил, как Уфу захлестнула наркота. Вначале появилась травка. В теплицах, кроме огурцов и помидоров, расцвели высоченные листья каннабиса. Сладковатый запах стал повседневным спутником городской атмосферы. Люди работали, как автоматы, а когда приходил конец смены, впадали в блаженное забытие. Мет появился позже. Люди уходили в рейды, по несколько суток на ногах. Стимулятор был спасением. Были ещё какие-то порошки с постоянно меняющимися названиями. В Уфе им было запрещено бороться с дилерами, но тут ничего не мешало ему пристрелить эту четвёрку.

Распахнулась дверь. На пороге стоял боец, а в руках у него был пистолет с огромным дулом. «Громобой». Без шансов. Василь чувствовал спокойствие. Смерть всегда была рядом, и если это случится сейчас, значит пришло время. Законник не колебался и выстрелил первым. Противник выстрелил тоже, яркая вспышка осветила зал. Огненная звезда с рёвом вырвалась из дула, заметавшись по комнате. Не «Громобой», просто сигнальная ракета, думал он. Четверо наркоторговцев синхронно бросились на него. Медленно, слишком медленно, стимулятор разогнал его чувства в несколько раз от скорости обычного человека. Падая, Василь выстрелил из «Стечкина» очередь. Тягучие секунды тянулись и тянулись, и он видел, что два наркоторговца отлетают, словив пулю. Еще пара пытались повалить Висельника, но тот выстрелил от бедра в одного, а второго встретил ножом.

— Ну, что-то такого я и ждал, — сказал Висельник, трясая головой. Грохот выстрелов оглушил его, он ожесточённо ковырялся в ухе свободной рукой.

* * *

Василь лежал в тёплой воде.

В помещении бани было несколько ванн, над каждой находилась душевая лейка на металлической трубе, и оттуда медленно текла струйка воды. В бане было тепло, в воздухе танцевал пар, сплетаясь в причудливые узоры. Где-то недалеко играла успокаивающая музыка. Баню устроил Висельник, безапелляционно заявив, что после такого дела ему положена баня и выпивка. Василь вспомнил страшную кашу на площади, как взорвались гранаты, грязный, кровавый снег, а ещё запах, пороховую вонь, скручивающая желудок. Тогда ему баню никто не предложил, и Василя трясло ещё пару суток. Сейчас он поднял руку из воды, та уже не тряслась. «Прав ведь, убивалка, баня и немного алкоголя совершили чудо», — подумал он.

Василь лежал и думал, что если бы Гильза предложил стать начальником бани, он бы не сомневался ни секунды. Сдал бы всё. Чем старше он становился, тем сильнее переполняло такое желание. «Свой бизнес, маленькая пивоварня, баня с бассейном, что ещё нужно для счастья? Получится ли когда-нибудь, — думал он, — или однажды противник окажется быстрее и удачливее?»

Медленно в голове крутились образы налёта на наркоторговцев. Он вспомнил допросы торчков, помнил яростное лицо Александеры, обыск притона. Во время следственных формальностей Циклоп испарился, и Василю пришлось делать всё самому. Он вспомнил, как на улицу выносили пакеты с пластиковыми контейнерами. Как охранники нехотя облили их бензином, он кинул спичку, и в воздухе стоял химический запах. Василь успел поговорить с массой людей, но только не узнал ничего нового. Люки Грека изумленно тарасили глаза, словно это было новость, что в городе есть дурь. Когда все формальности были утрясены, Висельник появился так же внезапно, как и пропал, и потащил его в городскую баню. Банщик критически оглядел Василя и провёл его в моечную через черных ход.

— В парную и общий зал не пушу, — сказал он, — там только убрались. А вы вон, по кафелю идёте, и следы грязные. Вы давно мылись?

Хороший вопрос, он не помнил. В комнату с шумом зашёл Висельник. С руганью и болезненным кашлем он включил воду, потом залез под бешеную струю.

— Вот ведь сволочи, — сказал Гоша со стоном, — два ребра мне сломали. А, ведь и по башке тоже ударили. Шишка, видел? Ох блин, а ухо-то что болит? Блин, и что я первый полез...

Он нырнул, и минуту его не было слышно.

— Эй, законник, выпить не осталось? — спросил он, отплёвываясь.

— Не-а, — медленно ответил Василь. Ему было хорошо.

— Да, я вот тоже не подумал.

Гоша вылез из ванной и с руганью растёрся полотенцем.

— Рёбра мне сломали, падлы, — пожаловался он, — а еще этот пистолет. Хорошо, что там сигнальная ракета была.

— Да, была бы граната, не плескались тут, — ответил Василь.

— Не дурак был, кто стрелял. В упор гранатой стрелять, сам бы подох, — возразил тот. — Пуганул, чтобы той четвёрке шанс дать. Но ты молодец, не зассал. А я отпрыгнул так, что штаны порвал.

Василь промолчал. По правде, он испугался, но тренировки — великая вещь. Почему-то прошедшая бойня вообще не трогала его. Пристрелил и пристрелил. И что миндальничал? Еще Алёнку строил, зачем она так любит красного петуха пускать. Может, она не была жестокой, просто прагматичной. Мёртвые проблем не приносят.

— Ох, душу прям отвёл. Случай у меня был, когда я помоложе был. За девкой ухаживал, ох и горячая, но нос воротила от меня. Я прям что угодно для неё, а ей пофиг на это. Вот бешенство меня тогда взяло. Тут Фангат говорит, должничок один есть. Мы с Сымой и пошли. Вот мы стоим за избой, этот должник напротив у стены, и так нагло смотрит! Говорит, клоп, что платить не будет. У меня цепочка была, я её на руку намотал и в морду! И ещё раз, и ещё. Так мне потом спокойно стало...

— А с девушкой что?

— Какой? А этой... Нужна она, — махнул рукой Висельник.

Василь облегчено выдохнул — он ожидал куда более мрачного продолжения истории.

— Вот что я скажу тебе, законник. Тут, во Внешнем городе, только так и нужно. Чуть слабинку даст начальник, и всё, какая-нибудь гниль да заведётся. Вот наркота, зачем нам такая зараза? Что, народу выпивки не хватает? Тащат уфимские эту гадость. Да блин, тут не ордынцев нужно вешать, а сволоту, которая торгует дурью! А ещё кричат, что произвол...

Василь понял, что Висельник нетвердо стоит на ногах.

— Пошли к народу, — сказал Гоша, — слышишь, бухают? Эй, дед! Как там тебя? Высуши шмотки, потом заберу.

Они зашли в «Шахту», которая примыкала к бане. Она была полна возбуждёнными шахтёрами. При виде Василя они начали восторженно орать. Его подтащили к батарее и усадили на лучшее место. Тут же появилась выпивка. Все галдели, и он понял, что проблема была давняя, но ни у кого не было духу её решить. Шахтёры поднимали стаканы с самогоном, обсуждая случившееся. Висельник чокался с каждым, не отказываясь от рюмок. Василь лишь отхлёбывал, но его угощали так часто, что он быстро наклюкался, подубаюкивающую болтовню вокруг.

— ...И что, спрашивается ждали. Надо было самим...

— ...Да, дилеры эти, хуже Орды...

— ...Да, я вон захожу в тепловой пункт. Сидят трое, молодых этих. Синие, перед глазами помахал, не шевелятся. Ох и страшно.

— ...Главное, было бы что хорошее в этом! Помню, сам пробовал, какой-то мужик дал в корчме попробовать. Вообще вначале не понял. Потом понимаю, что я уже десятый раз говорю одну и ту же фразу, а этот гад смеётся. И главное, остановиться не могу. Нет, уже

лучше пить...

— ...Ты это, молчал бы о таком... Не стоит трепаться, что пробовал...

Неприятное чувство, что за ними следят, вывело Василя из благодушного настроения. Он оглядел зал, среди шахтеров было полно городских, которые пили, галдели, смеялись. В толпе законник увидел троицу, которая была одета как городские, и пили они так же, вот только он видел этих людей с Армянином. Василь заметил, что Висельник ему отчаянно маякует, удостоверившись, что законник заметил, Гоша исчез. Законник аж затряс головой, он не заметил, куда делся Висельник.

Законник встал, медленно вернулся в баню. После стимулятора он едва мог поднять руки. Ни вещей, ни оружия Висельника уже не было. «Всё ведь понимает, убивалка, — с уважением подумал Василь. — Вот только сейчас за мной придут, а я и сделать ничего не смогу».

Внутри было опустошение. Можно было дойти до кабинета, запереться за железной дверью, но смысл? Мочить его Армянин вряд ли рискнет, явно поговорить хочет. Василь вышел на улицу рынка и пьяной походкой двинулся в сторону столовой. Он не успел пройти и десяти шагов, как дорогу перегородили, а в спину ткнули ствол.

Ким вынырнул из усталого забытья.

Он замер, вслушиваясь в болезненную темноту. Ночь, полная стонов и хрипов, затихла, словно люди в бараке боялись вздохнуть. Квадрат света около кровати заслонила тень. Он успел подумать, что это абсолютно, ужасающе некомпетентно, как на него навалились, закрывая ему рот и не давая двинуть ни рукой, ни ногой.

— Пикнешь, порешу, — зло прошептала девушка и, намекая, что тут не шутят, провела ножом по щеке. — Понял? Кивни, твою мать!

Ким молча кивнул. Сделать это было непросто из-за сильной руки, зажавшей ему рот. Его подняли с кровати, скрутили руки и потащили куда-то к дверям. Уже на улице ему в рот затолкали кляп и потащили в сторону стены Внешнего Города. Похитителей было трое — двое тащили его, а третий, судя по тихому звуку, замыкал процессию. Киму не завязали глаза, он мог различить плитку у двери, ведущей в подстанцию, откуда недавно тянул кабель.

— Сейчас мы наденем на голову тебе мешок и свяжем руки, — сказала девушка за спиной, — не рыпайся!

Рыпнуться? Да я вас две недели ждал. То, что за ним следят, он понял ещё три дня назад. Ким шёл на завтрак в бар к Ели, когда почувствовал взгляд. Из толпы на него смотрела девушка — высокая, наверное, на полголовы выше Кима, и такая худая, словно прошла концлагерь. Было что-то притягательное в её лице — жизнь, ярость, злость. Он бы даже мог влюбиться, если бы она не выглядела так, словно примеривается, как перерезать ему глотку.

Кима грубо нагнули и повели по коридору. Путь занял минут пятнадцать — Ким удивился, что в городе существует такое огромное подземелье. В воздухе стоял запах ржавчины, влаги и какой-то химии. Пока они шли, он несколько раз запнулся об трубы. Несколько раз ему пригибали голову, чтобы он не ударился. Два раза его ставили на колени и приказывали ползти. «Какой огромный, ухоженный туннель, — подумал он. — Самое удивительное, что тёплый». Не бывает таких прекрасных убежищ у подпольщиков. Те больше по промёрзшим, заброшенным подвалам встречи проводят. У него мелькнула предательская мысль, что всё-таки он в руках у охраны города.

Кима завели в небольшое помещение, он сразу это понял по звукам, в туннеле было легкое эхо. Корейца посадили и стянули с головы мешок. На бетонной стене перед ним яркий круг света с его, Кима, силуэтом. Пол под ногами ощутимо вибрировал — поблизости был огромный механизм. Помещение явно часто использовали — тут было чисто, на полу он видел разводы от тряпки. Вдоль стены пробежал маленький зверёк, наверное, мышь. Тот замер, оглядел людей и скрылся в щели в стене. В комнате пахло бульоном и хлебом, отчего Киму стало смешно. Если его привели сюда на допрос, опять всё было абсолютно, ужасающе некомпетентно — не так должно пахнуть в комнате при допросе.

— Мы что, под станцией? — просил он.

— Молчать, — приказали ему.

Ким понимал, что, если всё получится, он быстро получит ответы на вопросы. Ему было жарко, ноги в ватных штанах ужасно чесались. От его одежды пахло тухлятиной, Кореец подумал, что, если получится выбраться, нужно постирать их и прожарить в бане. Охрана стояла у него за спиной, иногда меняя позу. Он слышал шорох одежды и скрип кожаной

обуви. Глаза слипались — день был тяжёлый. Ким закрыл глаза и попробовал заснуть.

— Он что, спит? — послышался шёпот одного из охранников.

Его легонько ударили по затылку.

— Отвалите, а? — сказал Ким. — Дайте подремать.

Не то, что он храбрился. Тепло от лампы мгновенно разморило его, и в поединке усталости и страха с разгромным счётом победила усталость. Через несколько минут дремы он услышал, как открылась дверь и в комнату вошли люди. Ким слышал, как скрипят по бетону ножки отодвигаемых стульев.

— Поверните его, — приказал тихий, болезненный голос.

Кима грубо подняли, развернули стул и усадили на него, направив прямо в лицо слепящий прожектор. Ким закрыл глаза, но поток света давил сквозь веки. Невыносимо зачесались вспотевшие волосы на голове, Ким вытер их рукавом связанных рук, но стало только хуже.

— Назовите себя, — потребовал тихий голос. Не то, что человек говорил так специально — скорее не мог говорить громко и хоть напрягался, получалось очень тихо.

— Ким. Дурацкое имя, но как назвали.

— Необычно, — сказал тихий голос, — а как полное имя?

— Ким Ха Гиль, — ответил Ким, — но местные зовут Сергеем.

Обладатель тихого голоса помолчал минуту, словно раздумывая.

— Ты видно debil, корейским именем называться — прохрипел он, — помню, у меня был друг, звали Пулей. Так вот, он тоже про себя говорил всякое, а оказался шизиком.

Последние два слова были условной фразой.

— Ну, значит сбрендил, нужно жалеть болезненного, — ответил Ким.

Он чувствовал возбуждение, густо замешанное на страхе. Сейчас, когда его жизнь была в руках этих людей, в нём просыпался подлинный артист. Победить, заставить поверить! Условные фразы были лишь началом, он чувствовал себя, как за покерным столом, когда все деньги уже в игре, карты хреновые, и нужно блефовать.

— Удостоверение. Оно в одежде? — спросил тихий голос.

— Да. Вшито под воротником.

Киму развязали руки и стянули ватник. Он слышал, как они аккуратно распороли ткань, доставая удостоверение, отпечатанное на шёлке. Если не знать, что оно там, на ощупь его не найти.

— Хорошо, — сказал голос, — значит ты тот, кого мы ждём.

— Всё равно не верю, — сказал другой голос, принадлежащий взрослой женщине. — Он был в охране, его выпустили. Не верю, что те так его просто отпустили.

— Может, он действительно тот, кто нам нужен, — ответил ей другой, — но скорее провокатор.

Ким понимал, что идея спрашивать везде про народников действительно была дурацкой.

— Может, выключите лампу? — спросил Ким.

— Нет. Рассказывай.

Он подумал, что было бы смешно, если те, кто его допрашивают, работали на охранку. Может, там сейчас сидит Василь, скрытый за светом лампы, и тихо улыбается?

— Я из Народного комитета Кумертау, — сказал Ким медленно. — Состою в партии три года. До отправки сюда я находился в подполье на Туймазинском фронте, Шестой

Чекмагушевский аэросанный батальон. Три месяца назад, после определённых событий в Белорецке, получил указание усилить вашу ячейку. Поскольку комендант Сибая хотел нанять механика, меня, как самого лучшего электронщика, отправили сюда.

— Почему вас сразу не пустили в город? — спросил тихий голос.

— В караване со мной был законник, Василь. Я не знал о том, кто он. В пути нас захватили работорговцы с севера Степи, и я нарушил легенду.

— Регулярные части Орды?

— Нет. Нерегулярные, Младший Жус. Ночью за Василем пришла его боец, Алёна. С её помощью мы освободились. Василь меня заподозрил из-за того, как я дрался.

— Как вы объясните, что Александра не стал допрашивать вчера, когда вас арестовали?

— Меня задержал не Александра, а молодой парень. Один из охранников назвал его Артуром. Я даже не знаю, можно ли это назвать допросом. Он забрал у меня все деньги — двадцать копеек, — и вышвырнул.

Скрытые за лампой люди молчали, и Ким решил прибегнуть к последнему аргументу.

— Да бросьте уже, я знаю вас, — сказал он раздражённо, — Вы Хворост, Дмитрий Хвостинский, энергетик станции. Вы горели при взрыве на газопроводе в Белорецке, поэтому у вас обезображено лицо. Девушку, которая привела меня сюда, зовут Мурка. Её настоящее имя Маша Петрова. Джон описал её, и я сразу понял, что это она, когда началась слежка. Он сказал, что она нелепо подводит глаза углем, и я с ним согласен — это глупо и неприемлемо в нашем деле.

— Эй! — послышался протестующий женский голос.

— За последние три дня я видел тебя два раза. Ещё четырёх ваших в наблюдении я видел в сумме семнадцать раз. Если бы сопротивлялся, вы бы не ушли из ночлежки. Вас в комнате сейчас четверо. Я думаю, вы Пётр Ухтомский, кличка Залив. Ну а вы, подозрительная мадам, Море, Марина Ухтомская, его сестра. Если хотите, я могу назвать приметы.

— Твою мать, — выругался мужской голос, который до этого молчал, — ладно. Выключайте лампу.

«Любители, — подумал Ким. — Быстро же вы».

Через минуту, когда погасли вспышки в глазах, кореец разглядел допрашивающих. Их действительно было четверо. У стены стояла Мурка — она держала Кима на прицеле. Пётр был мужчиной в возрасте с седыми волосами и следами обморожения на щеках. Марина оказалась худой женщиной под шестьдесят лет с красивым медным цветом волос. Главным в ячейке был Хворост. У него была лысая голова в старых ожогах, один глаз почти не открывался из-за бугра кожи.

— Херовые мы подпольщики, — сказал Хворост, — один предатель, и всю нашу ячейку вскрыли.

— Охранке он сдать вас не успел, — сказал сухо Ким. — Наши вышли на Джона раньше. Он искал выходы на мафию в Белорецке, чтобы продать информацию им. Напрямую с охранкой связываться не рискнул, поэтому искал посредников. Стоило ему выйти на них, он очень быстро попался нашим из Белорецкой ячейки.

— Он жив? — спросила Море.

— Нет, шлёпнули, — сказал Ким. Ему развязали руки, и он с наслаждением расчесал вспотевшие волосы. Даже странно, что подпольщики так быстро ему поверили. Он вспомнил, как ему на видео показывали допрос Джона. Того пытали по старинке, разведя

под металлическим столом, к которому был привязан предатель, огонь. Видео было без звука — он видел выгнувшееся в муке тело, и беззвучный яростный крик, от которого, наверное, разбивались стёкла.

Ким понимал, что первый этап проверок он прошёл. Вот только то, что они поверили ему, было только полдела. Нужно, чтобы они стали его полностью и без остатка, доверяли ему, как себе. Союзник, которому не можешь доверять, не союзник. Если он хочет достигнуть успеха, у него не должно быть сопротивления.

— Он не успел вас сдать, но комитет в Уфе решил, что вам нужна помощь. Убери пушку, милая, — приказал Ким Мурке.

Хворост кивнул, и Мурка со злостью подчинилась.

— Чем вы нам можете помочь? — спросил Хворост.

Ким улыбнулся — сейчас он видел перед собой слабых людей, перед которыми забрезжила надежда. Они всё ещё выглядели безразличными, но он видел, как при слове «помощь» наклонились вперёд и Пётр, и Хворост.

— Для начала, у меня есть вопросы.

— Подождите, — запротестовала Море, — мы ещё не решили, принимаем ли мы его в комитет!

— Да что тут решать, — сказал Хворост, — мы проверили, как могли. Он был в Уфимском подполье, совпадают все приметы. Наш человек на допросе подтвердил, что он никак не выдал себя. Помощь нам очень нужна, поэтому если он может помочь, то я за.

— Я тоже за, — сказал Пётр, — если бы парень был из охраны, мы бы тут не сидели.

— Я против, — сказала Марина.

— Ты всегда против, — огрызнулся Пётр.

Он зло посмотрел на сестру.

— Сидим, сидим по подвалам, ничего не делаем! Восемь лет назад хотели начать восстание, но ты была против. Четыре года, хотя шансы были лучше, чем сейчас, ты была против. Всё я знаю про шансы, знаю! — почти закричал он. — Но и твой подход со взрывами и террором, ничего не даёт.

— Закончил? — спокойно спросила Море. Потом взглянула на Мурку. — Ты что решила?

Та посмотрела на Кима, кусая губы.

— Я за, — сказала она твёрдо, — Залив прав, хватит с меня осторожности.

Хворост облегчённо выдохнул.

— Отлично. Большинством мы принимаем вас в Народный Комитет Сибая. Поздравляю, товарищ.

Хворост поднялся и протянул Киму руку. Он пожал её, пожал руку Петру и Мурке. Море его протянутую руку проигнорировала. Ким подошёл к столу, где стоял ковш с водой и жадно выпил.

— Фу, ну и лампа у вас, — сказал он, — чуть не поджарили.

— Ну, это мы ещё с тобой ласково обошлись. Вон, Море предлагала, что тебе ноготь нужно вырвать, — сказал Мурка.

Ким поперхнулся. Судя по лицу Марины, это не было шуткой. Кореец снял куртку, повесил на спинку стула и огляделся. Похоже, это была древняя тепловая камера. Отверстия в стенах, куда раньше входили трубы, были заложены кирпичном. Над головой находились четыре люка с обрезанными концами металлической лестницы.

— Места получше нет?

— Это самое лучшее, — усмехнулся Хворост — про него не знают.

— Пока не знали, — поправила Море.

— Пока, — согласился Хворост.

— Мы под станцией?

— Нет, около венткамер шахты. Они нагнетают воздух в карьер, отсюда и вибрация. Это древняя тепловая трасса от города до Станции. Когда создавали Новый Сибай, с помощью инженерных частей из Белорецка, мы вскрыли старые трассы и уложили новые трубы. Это старая теплотрасса без труб. При ремонте её просто перекрыли плитами, гидроизолировали и засыпали. В городе уверены, что этой трассы больше нет. Топит тут, конечно, безбожно и в нескольких местах провалились плиты, так что пришлось там на четвереньках выкапывать и делать подпорки. Но, по крайней мере, есть у нас такой козырь, если до боёв дойдёт.

Вернулся Пётр, принеся с собой еду. Он поставил на стол кастрюлю, на крыше был нарезанный хлеб. Хворост тем временем принёс бутылку и пять чашек.

— Ну, за такое дело и выпить можно.

— Тебе бы только выпить — зло сказала Море, встала и вышла из комнаты.

Искандер сел и взял в руки чашку. Мурка с сомнением посмотрела на уходящую Марину, но осталась вместе со всеми. Она села на освободившийся стул и взяла чашку.

— Ну, за успех нашего дела! — поднял чашку Пётр.

— За успех, — повторили остальные.

Ким выпил и закусил липким, чёрным хлебом.

— Вы вовремя, — сказал Хворост, с трудом переводя дух. — Марина может возмущаться сколько угодно, но нам действительно нужна помощь. Джон не единственный — мы теряем людей. Часть бежит в Уфу.

Ким кивнул.

— Мы в курсе, — сказал он. — Их всех перехватывают люди из Уфимского комитета. Можете быть уверенными, беглецы понимают, что их ждёт за попытку продать информацию.

— Да, людей всё меньше. Так что эти выборы, это, наверное, наш последний шанс, — продолжил Хворост. — Ещё четыре года, и мы потеряем всю свою революционную базу.

— А она у вас есть?

— Конечно. Шахтеры, фермеры. Там сотни людей поддержали бы нас, если бы не боялись. Ну и Внешний город — стоит пообещать людям гражданство, и они сметут охрану. Но нужно, чтобы мы смогли взять власть. Как минимум, арестовать городскую верхушку и снять охрану на внешних постах.

— Похоже, вы решились? — спросил Ким. — Попробуете поднять восстание на этих выборах?

— Да, сейчас, с вашей помощью, у нас очень хорошие шансы. Если есть предложения, я выслушаю.

Ким подумал, что Хворост переоценивает свои шансы. Уфа держала гарнизон и фабрику тут не только потому, что Орда близко. Для неё этот город, переметнувшийся к народникам, стал бы гвоздём в крышку гроба. Если полыхнёт Сибай, то следующим будет Белорецк.

— Почему вы думаете, что у вас высокие шансы? Вы не сообщали в центр о своём плане, но мы в целом представляем его. Вы думаете, когда после выборов традиционно

будут волнения, воспользоваться этим и устроить революцию. Вот только вас, по данным Джона, около двадцати, и, если повезёт, человек девяносто актива шахтёров и фермеров. А ещё у вас почти нет оружия. Против вас же будет около пятидесяти человек охраны и больше ста военных.

— Александра планирует сместить коменданта, — сказал Хворост. — Мы скрытно наблюдаем за его действиями, несколько из руководителей нам симпатизируют и делятся информацией. Мы знаем, что Александеру поддерживают несколько людей из Совета. Один из них был Плюха, но Василь вывел его из игры. Если Александра устроит переворот против него будет основная часть населения.

— Кто ещё поддержит его?

— Возможно, Луиза, начальница медслужбы, и Ильфат. Есть разговоры, что Армянин на их стороне. Мы не уверены ещё по нескольким людям, но эти трое точно строили планы.

— А комендант?

— Ну за него, традиционно, Расим. Они уже лет сорок друзья. Глухарь, скорее всего, против него. Мы не знаем, поддержит ли он Александеру. Мы пытались переманить его, но тот запросил денег. Очень много. — вздохнул Пётр.

— Нас?

— Мы тоже официально хотели выставить объединённого кандидата, — неуверенно сказал Хворост.

Ким подумал, что с таким лицом, у него нет шансов.

— С экономической программой народников?

— Вы слишком много от нас хотите. Нет, конечно. О таком нельзя говорить открыто.

— Ну, по моему мнению, шансов у вас мало. Но людей нужно мобилизовать по максимуму. Чем больше у вас будет поддержка перед выборами, тем сильнее люди поднимут бучу.

— Есть ещё один фактор. Расим перестраховывается, не верит что, выиграет комендант. У него среди шахтёров есть человек двести, это его личная боевая группа. Расим их на северян натравливал. Думаю, он ждёт замеса и если что, объединится с нами. Ещё он всё время ведёт пропаганду среди работяг Внешнего, если дойдёт до драки, они тоже встанут на его сторону. Тем более, если он пообещает им гражданство.

— Я думаю, мы ещё раз подробно обсудим это, но нужно решить мой вопрос — сказал Ким. — Как я попаду в город?

— Вполне официально, — сказал Хворост, — Сегодня ты вернёшься в ночлежку. Завтра я проведу тебя через главный вход сразу на станцию. Александере и Василю сейчас не до тебя.

— Зачем я был нужен коменданту?

— Ну, во-первых, он хочет сделать свою службу энергетиков. Мы против него, для него это не новость. Во-вторых, ему до зарезу нужен механик с навыками электронщика.

Брови Кима вопросительно поднялись.

— Он притащил из Челябинска дизельный поезд, — пояснил Пётр, — тяговую станцию. Локомотив рабочий, но там проблемы с электроникой. Если бы у города появился свой поезд перед выборами, это стало бы огромным преимуществом коменданта. Поэтому он заказал гору запчастей в Белорецке, нанял тебя, ещё неизвестно на какие деньги. Я думаю, мы выкатим поезд сами и используем уже как свой козырь.

Пётр посмотрел на Кима, наклоняясь вперёд.

— Вы так и не сказали. Чем вы нам поможете?

— Оружие, — сказал Ким, — автоматы, пулемёты, гранаты. Взрывчатка. Даже если у вас двадцать человек, это уравнивает шансы.

— Люди? — быстро спросила Мурка.

— Нет. Только оружие. Новые люди возбуждают подозрения. Так что новых людей вы должны найти сами за оставшееся время. Оружием мы обеспечим всех.

Хворост кивнул.

— Ваши условия?

— Все кадровые вопросы будут согласовываться со мной. После провала с Джоном Центр будет проверять информацию по каждому. У нас тут есть ресурсы.

— Какие ресурсы?

— Тут, кроме вас, действует ещё одна резидентура. Она дополнительно контролировала ситуацию, на случай если бы вы провалились.

Четвёрка подпольщиков подавленно молчали. Ким не показывал виду, но всё прошло намного легче, чем он ждал. Сейчас они были полностью под его управлением. Даже информацию о резидентуре они вряд ли будут проверять — горизонтальные связи — это самый страшный грех подпольщиков. Ему даже не нужно будет объяснять, с кем и зачем он встречался. Осталось только решить вопрос с Море, ту вряд ли получится убедить.

Он решил подумать об этом позже, обсудив с Кариной. Ким протянул чашку, чтобы ему налили ещё, и повторил тост.

— Ну, за успех, товарищи. За революцию.

Глава 15. Искандер

Искандер открыл глаза.

Он лежал на боку, в тёплом помещении, да ещё и на кровати. Кто-то, кто принёс его сюда, снял шубу и подложил ему под голову. Перед глазами была стена, масляная краска которой была покрыта паутиной трещин.

— Вставай, — послышался сбивчивый голос Алёны, — я слышу, что ты проснулся. Дыхание изменилось.

Искандер сел, оглядываясь по сторонам. Он был в комнате без окон, с единственной железной дверью. Из мебели тут был стол и стулья, кровать и куча спортивного инвентаря. На истёртом коврикe в свободной части он увидел Алёну — та стояла в планке, лицо покраснело от напряжения, а на коже блестел пот. Через пару минут она выдохнула сквозь зубы и плавно поднялась.

Девушка была одета в спортивный костюм, волосы забраны в кубышку. Алёна несколько раз подпрыгнула, размяла руки и села за стол.

— Садись, пожрем вместе, — дружелюбно сказала она, — а то меня местные бандюганы мало что с копья не кормят. Хоть будет с кем поговорить.

На столе были знакомые контейнеры с едой. Охранник встал с кровати, с шипением прикоснулся к затылку, ощупывая здоровенную шишку.

— Это я тебя, не бойся, сотрясения нет.

Искандер сел за столик, рассматривая девушку. Он впервые видел её без верхней одежды. Искандер себя хлюпком не считал, но при виде мускулатуры Алёны внезапно почувствовал укол неполноценности. В Сибое было мало накаченных людей — слишком скудное и однообразное питание. Такую мускулатуру как у неё он видел только у некоторых парней из Белорецка, у кого есть деньги на питание и время на тренировки.

Алёна с жадностью трескала рагу из контейнера. Из другого она достала нарезанный белый хлеб и сочные ломти сала, собирая исполинские бутерброды. Ясно, еда из ресторана Ели, подумал он. Значит, теперь Алёна работает на Армянина.

— Зачем ты притащила меня сюда? — спросил он.

— Поболтать, — сказала девушка, — чёт мало кто хочет со мной общаться.

Искандер рассматривал шрамы на её руках, они не выглядели, как раны от ножа или кулачного боя. Скорее их оставили острые зубы маленьких животных.

— Я вижу, ты в Сибое хорошо устроилась, — сказал он.

— Да, нормально. Только бойцы местного крёстного отца, — Алёна выругалась по-евенкийски, — на перо в бок нарываються.

Искандер чувствовал, что от неё начала исходить угроза. Вроде ничего не поменялось, даже улыбка та же, но по коже побежали мурашки. Он непроизвольно напрягся, чтобы успеть защититься. Это было нерациональное действие, Искандер редко чувствовал такое. Он начал понимать Василя, почему тот то шутил в обнимку с Алёной, то сидел от неё в десяти шагах с рукой на оружии. Алёна хмыкнула, и подошла к двери, посмотрев в щель. Похоже, за дверью ещё кто-то был.

— У кого-то лишние уши есть, — сказала она. На дверь послышались торопливые шаги. Боятся её, подумал Искандер, и почему-то эта мысль развеселила его.

Девушка села на место, беря огромный бутерброд и угроза, исходящая от неё, внезапно

исчезла. Искандер подумал, почему она тут? Если бы Василь боялся её, почему не попросил майора уфимских арестовать? Что за отношения были у неё с законником? Она была на десять лет младше Василя, в Квадрате они не встречались. Александра позвонил в Белорецк и там подтвердили, что последние четыре года Алёна провела в Белорецке и с законником не встречалась. Значит, Василь действительно встретил её на нартах по дороге в Сибай, но почему-то она сразу стала ему помогать. При этом и он начал доверять ей, ведь взял же потом Алёну в Белорецк.

— Василь сказал, что ты сказала какую-то фразу на санях, когда его встретила, — сказал Искандер, чтобы начать разговор.

— Nobiscum Deus, — кивнула она, и видя, что для него это ничего не значит, пояснила, — “с нами Бог”. Это латынь.

— А ты откуда знаешь? — спросил Искандер.

Она помолчала, размышляя, потом отложила вилку. Она открыла чашку с чаем и начала пить его небольшими глотками.

— Чай. Липовый. Видно не так уж меня и ценят, если настоящий пожалели. Ты же знаешь про Квадрат в Уфе? Это где законников готовят. Кроме всего прочего, там учат латыни и истории Рима. Некоторые курсанты даже считают, что они новые легионеры. Это поощряется — там любая воинственная дурь в почёте.

Квадрат. Конечно, Искандер знал о нём — не было в Уфимской республике никого, кто не слышал мрачные слухи про таинственное учебное заведение законников. Никто не знал подробно, чему же там учат, но каждый, кто хоть раз сталкивался с законником, понимал, что слухи, может, даже преуменьшают.

— А ты что там делала? — спросил Искандер.

— Ну как что? Тренировала. Они же молодые мальчики, с гормонами. Увидят красивую девочку и забудут всё, что им вбили в головы. Поэтому там есть отдельная зона женская, где учат управляться с такими, как я. Девчонки там не простые, все со статьями серьёзными. Мне, к примеру, расстрел заменили сроком в Квадрате.

— Расстрел? — спросил Искандер, — за что?

Алёна откинулась на стуле, погладив живот. «Сколько она съела за раз, в охране ели трое за день. Понятно, что у неё мышцы растут», — подумал Искандер с завистью.

— Когда война началась с Казанью, к нам на стойбище приехал батальон уфимских. Окружили и сказали, что мы все призваны в уфимскую армию. Тогда ногайский клан к Казани откочевал, так что видно переживали, что и мы переметнёмся. Слово за слово, но Зауральцы это не те, кто так просто сдаются. Не то, что мы хотели за казанских воевать — ни за кого не хотели. Вот только эти, в батальоне, отказ не принимали. Там из трупов, что с нашей стороны, что с уфимской, можно было хорошую такую горку выложить.

Она нахмурилась, вспоминая.

— Мы их засекли на подходе, уйти бы не смогли, а вот к бою приготовились. Ну, против пулемётов шансов у нас не было, несколько наших в плен взяли. Меня и ещё несколько девчонок отправили в Квадрат. Считай, та же вышка, но растянутая по времени. Я думаю, расстрел был бы в чём-то милосерднее. Меня привозят в зону, а там камер нет, ограждённая территория и молодые законники с дубинками бродят. Только познакомилась, устроилась, а в барак заносят Алиску, а на той места живого нет. Говорят, её увели в карцер, пришли три курсанта и начали избивать.

Алёна рассказывала тихо, но Искандер чувствовал, что спокойствие обманчиво —

внутри девушки кипела ярость.

— Ох и лицо у тебя, — сказала она, грустно улыбнувшись, — можешь быть уверенным, тех курсантов тоже принесли в казарму. Алиска была из банды, пять лет в налётах, уж драться она умела.

— А зачем им это?

— Бой с девчонкой из клана в сотни раз лучше любой тренировки. Мы смертники, убить можем без разговоров. Такое тоже бывает. Ну и у законников к крови привычка появляется. Вообще, у них считается нормально, что законник убивает за время обучения от четырёх до шести гладиаторов. Или кукол.

— Кукол?

— Мужиков смертников там зовут гладиаторами, девчонок, типа меня, куклами.

— И тебя так же били?

— Нет, — улынулась она, — если курсантов было меньше четырёх, я била их.

Искандер против воли чувствовал, как каменеет лицо.

— Погано.

— Даже не представляешь как, — спокойно сказала она.

Искандер помолчал, чувствуя, что ногти врезались в ладонь. Они в Сибасе тоже были не святые. Он и сам несколько раз избивал людей в походах до полусмерти, а отвесив свинца степняку, не переживал бы не капли. Но делать из девчонок тренажеры для законников, было ужасно.

— Значит, и Василь? — спросил он тихо.

— Эй, успокойся, — сказала девушка, — это не твои разборки. Я скажу, что в клане, примерно меня также учили. Свою пятёрку жмуров я завалила ещё до пятнадцати. К Василию у меня вообще вопросов нет. Он как раз ни одну из наших не убил, пока учился.

— Так зачем тебе вообще на него работать? — спросил Искандер.

Она помолчала.

— С чего ты взял, что я работаю. Так, прокатилась за компанию.

— А работаешь на Армянина?

— Ну, надо же мне как-то на жизнь зарабатывать, — сказала она, — он ещё не самый плохой вариант. На фоне тех, на кого я работала в Белорецке, так просто ангел.

— А ты не боишься? Для законника он будет одной из первых целей.

— Не совсем. Сейчас Василь сам по себе. У него был куратор, генерал Молчанов. Его убрали из совета обороны Уфы, там из-за войны законники в опале. Так что заступиться за него некому, и вряд ли он против Армянина в одиночку полезет.

Искандер замолчал, думая. Может ли быть, что она работает на Александру? Уже слишком это походило на проверку. Метод у Александры был один — провокации. Сколько их было — всё беспокоился, как Искандер реагировать будет. Сколько раз ему пытались дать взятку! Или, когда он стоял на посту, на складах, как будто случайно оставалась открытой дверь, а там внутри ящик с консервами. Было и такое, что он стоял на дальнем посту, и тут начинала клеиться девчонка. Но только всегда делал всё правильно — не нарушал правил и сразу докладывал. Даже за городом, если встретил там патруль, которого не должно быть. Или встретился на выезде с лучшим другом — нужно доложить. Всегда проверки, и попробуй не пройди. Сколько сменилось капитанов, да только мы вдвоём с Артуром и остались.

Сомнения Искандера разрешились самым неожиданным образом. Дверь открылась и на

пороге был Рафик, который точно работал на латыша. Вот только лицо его было в синяках, а рука на перевязи. Тогда, у Хохла, он был в охране борделя, один из шрамов на его лице был от Искандера. Рафик посмотрел на охранника и отвернулся. Помнил.

— Одевайся, — приказал он Алёне, — ещё нужно это шустряка взять. Армянин сказал везти на Северные Кресты. Сейчас туда же притащат законника.

* * *

Искандер поёжился.

Дул сильный ветер, выдувая тепло из-под одежды. Он ехал на нартах с Алёной, его руки были связаны. Перед ними ехали ещё одни сани с Рафиком и ещё другим бойцом, тоже с сине-жёлтым от синяков лицом. Последний раз он видел их в подвале Хохла. Они тоже узнали его. «Похоже, кончать со мной будут», — подумал Искандер. Он чувствовал злость, ярость, но страха не было.

Город остался за спиной. Слабое, утреннее солнце сквозь дымку освещало снежную равнину, где на проталинах сверкал лёд, и сквозь снег торчали остатки поваленных могильных крестов. Они приехали на старое христианское кладбище.

Василь был тут, он сидел связанный на нартах, с каким-то весельем посмотрев на Искандера. Тут же был Армянин, и ещё один боец, с разбитым лицом. Видно, Армянин притащил всех, кто тогда был в подвале. Рафик посадил Искандера на нарты рядом с Василем, а сам отошёл метра на три, держа в руках обрез. Алёна стояла за ним чуть в стороне.

— О, ну здравствуй, — сказал Василь Алёне. — А встреча становится всё любопытнее.

— Какого чёрта? Ты её знаешь? — спросил латыш. — А, вы же вместе приехали...

Освальд встал напротив Василя. Законник даже не поднял головы, глядя на троицу бандитов. Лицо у латыша было какое-то рано состарившееся. Волосы чёрные, а вокруг глаз морщины. Он был одет в дорожную, чёрную шубу, под ней тёплый комбинезон.

— Я же сказал вам, не лезьте, — сказал он Василю. — Мои люди разве не были намёком?

— Намёком? — законник рассмеялся и впервые посмотрел на Армянина. — Вот теперь понял.

Законник встал с нарт. Огляделся.

— Мне уже говорили про это кладбище, — сказал он. — Никого тут не хоронят лет десять, а всё время появляются свежие могилы. Похоже, твоими усилиями. Ты сюда нас привёз, чтобы тела далеко не тащить?

Армянин молча смотрел на законника. Он хотел казаться страшным, по почему-то происходящее выглядело так, что Василь всё контролирует.

— Вот какого ты ко мне прицепился? — заорал Армянин, шагнув вперед и сжав кулаки. — Плюха, зачем с ним ты так, он две недели слова сказать не может!

— Так он жив? — спросил Искандер удивлённо.

Армянин невидяще посмотрел на него.

— Жив. Но если бы его прибили, было бы милосерднее.

Искандер в который раз подумал, что не может Александра не знать про это кладбище. Во Внешнем городе очень часто пропадали люди, которые хоть в чём-то оспаривали власть латыша. Почему-то Искандер сейчас был уверен, что мало кто уехал дальше этого кладбища.

— Его зачем сюда притащил? — Василь кивнул на Искандера.

— Да тоже копает, где не следует. Что два раза ездить.

— Я документы нашёл, — сказал Искандер Василию, — из администрации отчёты. Они были на складе, на Станции. Меня ударили по башке и притащили сюда.

Василь повернулся к мафиози.

— Вот видишь, как оно получается. Все копают против тебя. Давай всё-таки с повинной напишем явку, это зачтётся.

Армянин поморщился, достал фляжку и жадно выпил половину.

— Ну если ты договариваться не хочешь, — устало сказал он, — Алёна... Нужно этих двух завалить.

— Не буду, — весело ответила девушка.

— Что значит, не будешь? — почти закричал Армянин. — Не даром же! Я тебе двести золотых заплачу!

Алёна рассмеялась.

— Да хоть две тысячи. Зарок дала, что его не буду. Так что давайте сами.

Армянин выругался, повернувшись к своим. Видимо, никаких рычагов воздействовать на Алёну у него не было.

— А, к лешему тебя. Ладно, сами справимся, — сказал он тройке бандитов. — Кто завалит? Условия вы знаете, до пенсии обеспечу.

Бойцы переглянулись, но дружно замотали головами. Их было сложно винить, законники смерть своих так не оставляли. Василь издевательски рассмеялся.

Армянин зарычал:

— Вы совсем тут все! Вот кто-то объяснит мне, что тут творится? Ну, может ты, Искандер? С вершины навернулся, обратно не хочешь? Счастливчик, ты не представляешь, как тебе тут завидовали. Третий, а может и второй человек после Александры. Шлепни его, а, я Грека смогу убедить? Иванку разве не хочешь вернуть?! Да у меня парни руку бы дали, чтобы с тобой поменяться!

Алёна очень пошло улыбнулась, и Искандер почувствовал, что покраснел. Василь тоже усмехнулся.

— А что за история про Искандера? — сказала Алёна. — Все знают, а я нет.

Василий рассмеялся, развалившись на нартах.

— Не слышала? Сейчас расскажу. Ни для кого не секрет, что Грек имеет долю с заведений Внешнего города. Так получилось, что Хохол, кроме ресторана, содержит бордель. Искандер, с его любовью к степи и не догадывался, что там в подвале.

Искандера обожгло воспоминание. Не должен он был это увидеть. Драка в заведении у Хохла, куда бросились все парни из смены. Он бросился следом, хотя Грек запрещал заходить внутрь. Это была работа Артура. В подвале был коридор, комнаты закрыты занавесками. Из подвала вытаскивали огромного северянина. Но Искандер случайно заглянул за занавеску, там была заплаканная раздетая девушка и его ослепило яростью. Один из людей Хохла пытался его остановить, Искандер и сам не понял, как схватил руку в захват и опомнился, когда завершил движение, надавив коленом на плечо и сломав руку.

... — Ну и одному бойцу сломал плечо, второго порезал. Там навалились остальные, а Искандер людей стряхнул, опрокинул печку, отчего пожар начался, и ходу к Александере. Час, наверное, уговаривал его прийти и проверить. Как ты понимаешь, слова Искандера не подтвердились. Да и охранники, которые там были, девочек там не увидели. Так что понизил наш дорогой Грек Искандера до рядового, а это лучшее доказательство, что всё в его рассказе было правдой.

Искандер почувствовал, что зубы закрипели.

— Любопытно, — спросил Василь. — А вот винтовочка у твоего бойца, это «Вал»?

Армянин зло посмотрел в ответ.

— Я не разбираюсь. Возможно.

Василь улыбнулся.

— Как раз из такого пристрелили моего неудавшегося убийцу на площади. Ну и коли мы тут, спрошу про караван: это ты ордынцев навёл?

— Да как же ты достал! — заорал Армянин, выхватив пистолет.

Его трясло от ярости. «Сейчас выстрелит», — подумал Искандер. Он поднялся, чтобы броситься на него, но на плечо легла рука Алёны. Чугун и тот легче. Охранник мог только смотреть, но Василь под прицелом мафиози не изменился в лице.

Армянина ударило в плечо, звук выстрела настиг Искандера. Тут же упал и ещё один боец Армянина. Его люди присели, поднимая оружие, но было поздно. Несколько секунд, и они повалились в снег, так и не успев понять, откуда их убили. Армянин вскочил и бросился в сторону города, за ним оставался след из капелек крови. Через несколько минут появился лыжник в белом маскхалате. Он снял маску. Искандер знал его, это был один из бойцов Фангата, Циклоп.

— Армянин мой, — сказал он.

Василь кивнул.

— Да, только я с ним не договорил. Не мочи его пока.

Висельник кивнул. Василь протянул руки Алёне, она без разговоров разрезала верёвки, потом освободила Искандера.

— Ты так и задумал? — спросил Искандер. — Специально дал себя похитить?

Василь пожал плечами.

— Ну не сказать, что именно так. Я надеялся, что он признаётся. Оказывается, я просто мешал его бизнесу. Значит есть какие-то документы по хищениям? Где они сейчас?

— В ресторане у Ели, в его кабинете, — ответила Алёна вместо Искандера.

— Хорошо, — кивнул Законник и повернулся к Искандеру, — Езжай туда, забери, потом отнеси коменданту. Искандер, мы ещё поговорим.

Василь вскочил на нарты и погнал следом за Висельником. Он не позвал Алёну, она и сама не продолжила помочь, деловито начав обыскивать трупы. Только она начала ему нравится... Убийца, мародер.

— Как у вас таких хоронят? — спросила она. — Или волкам оставите?

Искандер посмотрел на тела, потом на неё. Всё произошло слишком быстро, и он так и не знал, как вести себя с ней.

— Я сообщу в охрану, они похоронят. Ты почему Армянина опрокинула? — спросил Искандер. — Я уж подумал, что действительно всё. Грохнут они нас тут.

— Да, блин. Тебе не понять. Вот Василь со мной, как с равной. А эти... Раз девушка значит второй сорт. Я это ещё с приюта не терпела — там пацаны тоже задвигали, что мы низший сорт. Что должны делать всю работу, делиться едой. И я велась на это. Лет до шести, — Алёна рассмеялась.

Она достала из сумки банку с жиром и начала натирать лоб и щёки. Лёгкий мороз разукрасил их в приятный красноватый цвет. Она была так мила, что Искандер забыл, как минуту назад ужасался лёгкости, с которой она рылась в одежде убитых.

— Поехали, по пути расскажу, — сказала она дружелюбно.

Они сели на нарты, на которых она привезла его.

— В девять я сбежала из приюта и начала искать, где бы хлеба добыть. Ворovala, конечно, и попалась. Свинари, милые, чудесные люди. Знаешь, что у них на поверхности морозные склады с тушами и окороками? Человеку туда не пробраться, а вот крыс ничто не остановит. Наступает вечер, мне дают палку в руки и говорят — не хочешь замёрзнуть, двигайся. Кроме мороза, внутри крысы белорецкие, размером с кошку. Человека им загрызть полминуты нужно, а тут я, пигалица, на один укус.

Алёна говорила всё это, как будто о рядовом событии. Голос у девушки был спокойный, но у Искандера холодок пробежал по спине.

Среди всех городов, где бывал Искандер, Белорецк был самым неприятным. Это была наглядная иллюстрация, что будет, если город отдать под власть бандитов. Конечно, руководство города давно переросло примитивный гоп-стоп, рассудив, что на платежах с главного тракта Республики можно будет заработать стабильнее, чем на налетах. Вот только город так и остался городом бандитов, где могли зарезать за копейку, а у детей, кроме криминала, и не было другого пути.

— Я дотянула до утра. Бегала, отбивалась от крыс, хотя они с меня размером, и каждая считала, что я повкуснее замороженной туши. Утром склад открыли, вытащили меня, покусанную, с измочаленной палкой. Потом отвели в какую-то раздевалку. Еды притащили, накормили и засунули в железный шкаф для одежды. Я там внутри и заснула.

— А потом?

— Вечером разбудили, дают палку в руки и снова в бой, — продолжила Алёнка, — и так каждый вечер. Всё ставки делали, когда меня загрызут. Вот только я в приюте дралась, кое-что умела. Свинали стали меня на другие склады отправлять, с их охраной забиваться, что я переживу ночь с крысами. Стали мне и еду нормальную таскать, и вместо моего тряпья стёганку достали, которую крыса не прокусит. Мне то топор, то нож, то дубинку, то арматуру подкинут. Чтобы поинтереснее было.

— Долго ты так?

— Да три года почти, — сказала она, зло улыбнувшись. — Утром, обессилившую, под замок, а ночью вдесятером на склад выпихивают. Я дралась с ними, но там мужики здоровые. Навалются и толпой вытолкнут, а потом сверху оружие скинут. Ну, ещё и учили драться, чтобы зрелищнее было. Под утро у меня и сил не оставалось прибить кого из них. Иногда крыс не было, они меня по пару недель не выпускали. Там и взвыть можно, сама уже хочешь в ночь.

Она замолчала, вспоминая, потом сплюнула и продолжила.

— Потом пришёл конец моей карьере. Сплю я в шкафу, посреди ночи дверь открывается. На меня старший смены вылупился, огромный как медведь. Вытаскивает меня, и говорит, пошли ко мне комнату, там тепло. Вытащил меня и понёс, я ногами воздуха не касалась. Да не смотри ты так, я ростом и фигурой на пятнадцать выглядела!

Она постучала себя по щёчкам.

— Опять отъезла тут у вас по подвалам. Ну и притаскивает он меня к себе, и говорит, по-хорошему давай решим. Ну по-хорошему, так по-хорошему. Я влупила ему ребром стопы в колено, потом прыжок и ударила ногой по шее. Я так на крысах наловчилась — она тебе в ноги бросается, а ты подскакиваешь и тут же ей по позвоночнику. Ему двух раз хватило. Смотрю на труп и думаю, если не свалить сейчас, ночью крысам кинут, но уже без ножа. Мои шмотки у старшего в комнате были, я и свалила. Прихожу в приют, говорю теткам,

возьмите обратно. Тетки побрили меня, отмыли, дали матрас в руки и загнали в девчачью спальню. На следующий день сижу на завтраке, молчу. Девки-то сразу поняли, что я уже не та дохлячка, что сбежала три года назад. Видят, что я вся в укусах и шрамах, даже не рискнули выяснять, кто я в ихней иерархии. Парни вот они тупые. Хмырь какой-то из старших подходит и хлеб забирает. Ну я ему влупила пустой тарелкой по роже, столовку кровью залило. Девки мне говорят, ты готовься, они за это вечером тебя всей колдой отмутузят. Типа учат, чтобы мы своё место знали. Ну отмутузят, так отмутузят, думаю. Ещё думаю, что-то они совсем берега попугали. И вот ночь, а я и не сплю, жду. Парни мне подушку мне на лицо сунули, в одеяла скрутили, схватили меня, тащат, пыхтят. Затащили на какой-то склад с железными кроватями до потолка. У двери стоит два десятка брутальных бандюганов, возрастом от восьми до четырнадцати, смотрят. Ещё на кроватях мелочь всякая висит. Я у стены встала, напротив хмырь этот с замотанной рожей, с палкой в руках. Сейчас, говорит, мочить тебя буду.

Они остановились у ресторана Ели и Алёна исчезла внутри, через несколько минут вернувшись с портфелем.

— И чем кончилось, там, в приюте?

— Ну как чем. Они, наверное, и не знали, про то, чем я на складе занималась. Не догадывались про мой чёрный пояс по крысо-до. Кто был поумнее, те спаслись на кроватях — мне было в лом гоняться. Что до остальных, да там бы всех врачей Белорецка бы не хватило, на всю эту толпу калек! Утром иду я завтрак, так девки ко мне ближе садятся, а вся поломанная пацаньва сидит на другой стороне и взгляд поднять не смеет. Вот так, в отдельно взятом приюте Белорецка и наступило равноправие.

Алёна помолчала.

— Вот с Армянином какой-то душок неприятный из детства ощутила. Василь, хоть и тварь ментовская, но ко мне относился, как равной. А эти, армянские... Со мной так уже лет восемь никто не пытался говорить! Даже покойный Рафик, я ему печень отбила, а он всё равно нос задирает.

Девушка протянула ему портфель.

— Ну что стоишь, иди. Тебе же Василь сказал коменданту отдать.

— А ты?

Она с хищной улыбкой посмотрела на ресторан.

— О, у меня ещё осталась дело.

«Институт». Лу. 3 года после начала Зимы

Часы пропищали десять утра.

Лу выключила будильник, села и потёрла глаза. Она думала, что не уснёт от волнения, но стоило ей после всех приключений сесть в кресло, как она тут же заснула. Кто-то заботливо укрыл её. Лу сложила одеяло на кровать, включила свет и умылась в раковине в углу.

«Сегодня, наконец-то», — подумала она с волнением. Зажатый Рыжий отпирался недолго, он признался, что у Нижних есть план, как заставить Верхних уйти. Она сказала, что готова участвовать, и вчера Грей перед утренней сменой шепнул, что завтра её хочет видеть Михаил Петрович, директор Института. Чтобы не выдать приготовления, он сам придёт в госпиталь.

Лифт всё ещё не работал. Ремонтники лениво копались на дне шахты, где еще недавно была вода. Она посмотрела на камеры у дверей, те всё ещё были обесточены. Сейчас она понимала, что это была часть плана. Авария позволила отключить камеры Института, лифты и приводы дверей.

Наверх были и другие пути, самым удобным был грузовой тоннель, которым на Нижний уровень везли запасы до Зимы. Стены тут были без привычного бетона, укрепленные металлическими ребрами с сеткой над головой. Свет ламп переливался на мягких коралловых извивах сильвинитовой руды. Институт был построен внутри калийной шахты.

До Среднего уровня она шла пятнадцать минут. По пути были несколько гермодверей, обычно закрытых, но из-за аварии лифта распахнутых. Навстречу шли люди в костюмах ученых и техников. Из лица были серыми — без искусственного солнца Верхнего уровня люди заболели.

Она вышла на Средний уровень. Тут было тепло, а ещё воздух был напитан влагой и вонью из теплиц. Она пошла в лабораторию к Ксю, где был душ. Потом она стояла под жесткими, горячими струями, скребя кожу от маслянистых разводов. Как ни пытаешься быть аккуратной, на Нижнем обязательно запачкаешься. Она надела чистый голубой комбинезон, подняла сумку с лекарствами. Не то, что её нужно было тащить наверх, но сумка с крестом защищала от нападков.

Со Среднего уровня вверх шёл ухоженный туннель для грузовиков, облицованный бетонными плитами. Она поежилась, во вспомогательных тоннелях без отопления были неизменные пять градусов тепла. Это ещё с подогревом от реактора, без него вентиляторы гнали с поверхности лютый минус. До Верхнего уровня нужно было идти ещё пятнадцать минут, в конце она продрогла. Ещё тут не было света, от чего в конце она вздрагивала от каждой тени.

С трудом она добралась до финальной гермодвери. Она поставила горный фонарь на пол и нажала на звонок. У охранника из Верхних было круглое, дружелюбное лицо. Он встал с трудом крутил ручку привода.

— Привет! Проходи, Лу, — сказал он, с трудом дыша. — Как там внизу?

— Ничего нового, — ответила Лу устало, проскальзывая в щель, — а что закрылся тут?

— Приказ Тагира, — проворчал, — я так похудею, всем дверь открывать.

— Тебе полезно, — съязвила Лу.

Она стояла в холле первого уровня, у неработающих лифтов. Вокруг поднимались

балконы, залитые теплым светом мощных ламп на потолке Спицы. Ирен объяснял ей про физические спектры, но потом махнул рукой и сказал, что это искусственное солнце.

Балконы спиралью поднимались от лифтов, с них во все стороны отходили коридоры с комнатами. Полы на Верхнем уровне были сложены из плотных, серых шестиугольников, которые гасили шум шагов. Люди наверху отличались от привычного облика людей на нижних уровнях, все были одеты в гражданскую одежду. Обитатели Верхнего были загорелые, улыбчивые. Женщины сверкали украшениями, многие мужчины были в костюмах.

Лу они словно не замечали, ей пришлось отступить к стене, чтобы её не толкали. В толпе гражданских иногда мелькали серые робы технического персонала из Нижних, те на фоне Верхних были как бледные поганки. Как и она, они старались незаметно проскользнуть. Цветовая дифференциация штанов, вспомнила она злую фразу Павловского.

Она не понимала этого. Почему Верхние относились к ним с таким презрением? Ведь до начала Зимы они вряд ли позволяли себе унижать окружающих? Тут же, в странных обстоятельствах подземного мира, толпа злобных павианов забила умных мартышек.

На уровнях пахло свежим хлебом. Она прошла мимо столовой, видя как Верхние едят гренки и запивают апельсиновым соком. В двух фермах Среднего уровня выращивали цитрусовые, это был лучший источник витаминов, но никто из Нижних их теперь не видел.

Было бы куда лучше, если бы наверху было влажно и темно, как на Нижних уровнях. То, что тут было светло, вызывало ненависть у Лу. Она прошла мимо разрисованной граффити стены, и это задело её. Не Верхние создали Институт, но так легко уничтожали всё, что не понимали! Внезапно ей захотелось спуститься вниз, где нет этих напыщенных людей и вместе с Ксю искупаться в теплой воде теплообменника, слушая дурацкую музыку из прошлого.

После разговора с Рыжим, она мучилась, правильно ли они поступают. Может перетерпеть, ну пройдет несколько лет, пока кончится Зима. Выгнать пришлых на мороз было бы жестоко. Но сейчас, видя Верхний уровень, у неё не осталось сомнений.

* * *

Лу постучала в радиорубку.

В дверях стоял высокий парень с рыжими волосами. Рыжий. Чтобы посмотреть, кто снаружи, ему пришлось нагнуться. По слухам в Институт за рост его и взяли, чтобы мог менять светильники и кабели на потолках, не таская стремянку.

— Привет, Рыжий, — сказала она, ткнув его пальцем в бок.

— Привет, малая, — недовольно ответил тот, пропуская её.

Она зашла внутрь и фамильярно развалилась в его кресле. Это было небольшое помещение, все стены которого были в каких-то щитах с плакатами. У дальней стены стоял стол, заваленный деталями. У свободной стены располагались койка и ящики. Два человека тут не развернулись бы, и ему пришлось сесть на койку.

— Когда вы нам чай начнете выращивать? — спросил он.

— Не скоро, — ответила Лу, — месяца через четыре. Да и то не факт, под лекарство место нужно. Ну и под жратву.

Рыжий застонал. Он лег на койку, заложив руки под голову.

— Эх, а вот в столовке вчера чай был.

Луиза нахмурилась. Видно, опять сверху обменяли. Нередко к воротам подходили люди, Нижним об этом не сообщали, но Лу, работая в госпитале, видела, что со складов уходили

лекарства, без отчетов и записей. Потом в столовых у Верхних появлялись консервы, мясо, алкоголь.

На столе тетрадка, она прочитала последнюю запись «Sting. Shape of my heart. 1993».

— Не всю ещё бумагу перевел?

Это было счастье, что у них оставались радио и музыка. Рыжий, когда отправился в Институт, притащил свой музыкальный архив, организовав через громкоговорители внутреннее радио. Интернета не было, с компьютерами была напряжёнка, так что он вёл расписание эфиров вручную. К счастью, с бумагой проблем не было — один из туннелей был забит тетрадями и канцелярией. В который раз она подумала, что те, кто проектировал Институт готовились, что им придется сидеть внизу куда дольше, чем официальные три года.

Она надела наушники, проверяя знакомые частоты. Сургут, Красноуфимск, Уфа, Казань. Всё, что было западнее, замолчало. Она давно не слышала Европу, а вот на азиатских частотах было тесно от разговоров. Она в который раз подумала о родителях и к горлу подступил ком.

Лу встряхнула головой и приказала себе не думать, от этого только больнее. Она со смятением смотрела на Рыжего. Может, сегодня сказать, что она чувствует, перед тем, как они начнут? Лу там и не смогла заставить себя признаться.

* * *

В госпитале было тихо, только из одной двери выглянула строгая женщина. «Дармоеды, — выругалась Лу про себя. — Зачем в медблоке пять бухгалтеров?»

На стене висели часы, Лу посмотрела, одиннадцать утра. Хотя, какая разница? Солнце в центральном зале входило два раза в сутки, Верхний Мир жил в две смены. Вот только у них внизу не было разницы, и они жили по обычным суткам по двадцать четыре часа. У них в госпитале находились несколько карантинных блоков.

Дверь одного из них открылась, показалась лысая голова Михаила Петровича, он посмотрел в обе стороны по коридору и жестом поманил её. Начальник указал на стул, она села, чувствуя себя неуютно.

— Для тебя будет очень важное задание, — сказал Михаил вполголоса.

Он замолчал, пару минут подбирая слова.

— Что за задание? — спросила она.

Он пожевал губами и медленно ответил.

— Витамины. У тебя есть доступ. Мы подменим их на слабый яд. Неопасный. Они не умрут, но животами помучаются. Ксения уже всё приготовила.

Лу ошарашено посмотрела на директора. Конечно, она ждала что-то такое, но сейчас слова директора её шокировали.

— После того, как Верхние слягут, мы все спустимся вниз и закроем двери на Верхний уровень, — сказал он, — у них не будет другого выхода, как уйти.

Михаил Павлович снова замер, подбирая слова. Был он не молод, всю жизнь провел в академических кругах, при этом на научных должностях, и всё что выходило за рамки растениеводства, вводило его в ступор. Если бы Институт остался хранилищем, вряд ли бы это было проблемой, но сейчас ему приходилось отвечать за массу людей.

— Нельзя, чтобы Верхние узнали об этом плане. Поэтому своим мы тоже не скажем.

Год назад она бы спросила, почему? Те времена давно миновали. Диктатура Верхних приучила, что лучше держать рот на замке. Да, она понимала, что это решение правильное.

Они с Греем выдавали витамины Верхним каждый день, но только она могла принести их в госпиталь. Наверняка таинственная работа Ксении в лаборатории была связана с этим планом.

— Никто не планирует их убивать. Но ты понимаешь, что если они останутся, «Институт» погибнет. Мы не выполним наше призвание.

Она медленно кивнула. Как-то раз про то же сказал ей Ксения. Паразиты. Если не избавиться, всё погибнет. Тогда Лу ужаснулась, но сейчас понимала, что подруга была права.

— Кроме Рыжего и Ксю, в курсе будет только один человек. Я останусь тут, останется и Грей, чтобы не вызывать подозрений. Остальные наши будут внизу. Тех Верхних, которые будут там, мы повяжем.

— Понятно. Хорошо, я всё сделаю.

Михаил удовлетворённо кивнул и встал. Он подошёл к стене, глядя на картину. Она смотрела и не понимала, что же он там находил? Какая-то абстрактная мазня. Он же мог смотреть часами. Ещё два года назад куча картин была на стенах, потом Верхние растащили их по комнатам. Уцелели только несколько картин в карантинных блоках, да и то, потому что Грей пустил слух, что они могут быть опасными.

Директор опять замер, и Лу поняла, что он не был в задумчивости. Ему не нравилось это решение, сильно не нравилось и он до сих пор колебался. «Врал, опять он врал, — подумала она. — Как тогда, у ворот госпиталя».

— Помнишь, год назад чиновники пришли к воротам? — сказал он с тоской в голосе.

Лу кивнула. Она невольно поежилась от тона старика.

— Тогда у Леши, царство ему небесное, не хватило духу сделать, что следовало.

Лу помнила тот день. Взвыли сирены, они выскочили из комнат. Громкоговорители орали: «Нарушение герметичности ворот четыре, нарушение герметичности...». Алексей, заместитель Михаила Петровича, стоял у пульта. Можно было обрушить туннель, это была последняя линия защиты. Алексей так и не сумел заставить себя нажать кнопку, и через четыре месяца, когда стало ясно что Институт не сможет выполнить свою миссию, его нашли мертвым. Суицид.

— Нельзя было их пускать...

Лу чувствовала, что ноги не держат. Она мало разбиралась в биологии, но даже того мизера, что она помнила с института, было достаточно, чтобы понять, Ксения последние дни работала с клещевиной, ядовитым растением. Поэтому она и была всё время в противогазе, да и Лу не пускала в лабораторию без него. Теперь она вспомнила, почему в лабораторном журнале были записи про рицин. Этот яд накапливается медленно, когда Верхние поймут, будет поздно. Она думала о Ксении, та ведь ни разу не выдала, что она делает. И старик Павловский тоже знал...

Чувствуя ужас, Лу вышла из кабинета.

Глава 16. Люций

Люций проснулся от шороха за дверью.

Привычка так чутко спать появилась ещё с ранних дней зимы, когда он охранял склады, и иногда вахты шли одна за другой, и он часто засыпал на них. Он проснулся, не открывая глаз, лежал и прислушивался, чувствуя, что кто-то ходит за дверью. Комендант сел на кровати, поёжившись от холода, накинул куртку и пошёл открывать. За дверью был Арсен — тот оглядывался, словно не хотел, чтобы кто-то его видел.

— Привет, Люций, — сказал он заговорщицки, просачиваясь в комнату.

Комендант тихо поздоровался в ответ. Маленький, лысоватый, с возрастом начальник канализации стал усыхать, превращаясь в незлобивого гоблина.

— Сегодня на заседании тебя попробуют снять, — сказал Арсен. — Ильф как-то подговорил Глухаря. Остальной народ тоже запуган. Формально у него есть большинство голосов, так что готовься.

Люций поблагодарил, закрыл дверь и вернулся в кровать, протирая глаза. Рассвет осветил стену над кроватью. Он посидел пару минут, разглядывая дряблые кисти рук. В который раз Люций подумал, что он стар. Что же, сегодня так сегодня. Все шансы, которые у него были, он использовал, так что уже поздно. Однажды звёзды сойдутся, чтобы он не делал.

Люций встал, зашёл в ванную, включил свет и, как много десятилетий подряд, начал взбивать пену. Он взял острую бритву, подумав, как же ему не хватает ощущения бальзама. Комендант похлопал себя по щекам: «Соberись! Хватит ностальгии!».

Люций зажёл огонь в печке и поставил чайник на слабое пламя из щепок. Чая больше не было, вместо него был пустой кипяток. На завтрак у него было несколько хлебных лепёшек, и он поморщился от привкуса плесени. В городе уже не было муки, и хлеб теперь пекли из сладкой мерзлой картошки. Неважно, кто выигрывает, завтра победителю придётся убеждать Гильзу о поставках продовольствия.

Перед дверьми администрации его встретил Александера.

— Привет, комендант. Ты же пока ещё комендант? — сказал тот с улыбочкой.

Люций сухо кивнул. Тут всё понятно. Не мог дожидаться итога голосования. Дело вовсе не в законнике, это просто сведение старого счёта. Отец Александеры мечтал, чтобы сын стал комендантом, но и сам понимал, что мажорчик не справится с городом. В итоге он вытащил Люция из лагеря, сделав его комендантом, с условием, что тот назначит Александеру начальником охраны. Ещё одной стороной сделки были гарантированные поставки продовольствия — генерал командовал Межгорьем, откуда вагонами шло продовольствие. Когда же они перестали зависеть от запасов, Александеру было уже не снять, он вырастил свою силу — полсотни мальчишек с оружием, кто был верен ему, и со временем они сменили охрану военных. В холодной войне они провели десятилетия, но Александера никогда не расставался с идеей, что Люций занял его место.

Сегодня в административном было светло — энергетики нашли проклятый кабель. Карина уже была на рабочем месте. Люций сел за стол, смотря в одну точку. Что же у них есть на него? Что же они задумали? Ведь было у них в истории и такое, что Совет не стал утруждаться судом. Он снова видел коридор, и члены Совета стояли полукругом. Тогда в зал вошёл Максим, предшественник Ильфата, Люций не помнил уже его фамилию. Он сразу всё

понял. И ведь столько украл, почему не сбежал? Все тогда в зале хотели расстрелять его, но вот Люций настоял на изгнании. Будет ли с ним так же? Хотя нет, никто не станут утруждаться. Скажут, шпион Орды, и к стенке.

Комендант сел за стол. Карина уже подготовила традиционную сводку. Отчёты, запросы. Нужно ли это будет сегодня? Он открыл стол, тут была ещё одна папка с поддельными отчётами, которую передал ему Василь. Вчера нужно было использовать, но он, дурак, подумал, что подставит Искандера. Зря. Сегодня это уже не спасёт.

— Совет собрался, — Карина приоткрыла дверь.

— Все?

Она быстро озвучила, кто в зале. Выходило, нет Луизы, Любы, Армянина. Ещё не было Плюхи, при этом никто из его помощников и заместителей не захотел занять место начальника торговли. Фангат радостно предложил свою кандидатуру, и Люций не сомневался, что в следующем Совете тот займёт место Плюхи. Фангат последние дни всю вербовал людей, появилось и оружие, так что по власти он уже вполне соответствовал должности. Люди расселись, все смотрели в пол. Кто же начнёт?

— Приветствую всех. Сегодня у нас много вопросов, давайте начнём.

— Перед тем как мы начнём, вопросец есть, — сказал Глухарь, — по Василю.

Комендант откинулся в кресле.

— А в чем вопрос? Я думаю ни у кого нет сомнений, что с возросшим уровнем хищений нужно было что-то делать, — сказал Люций. — Судя по последним данным, результаты от этого были. Хищения на фермах упали. Если вопрос про Плюху, то вот документы, доказывающие факт хищений.

Он открыл ящик и кинул папку на стол. Глаза Ильфата расширились. Он переглянулся с Александерой, и оба побледили. «Что, проняло?» — подумал Комендант.

— Скорее всего, Плюха сбежал, только заслышав, что появился законник. Луиза, судя по тому, какая недостача вскрылась по её ведомству, и что пропали четыре полевых комплекта для хирургии, также предпочла скрыться. Про Армянина — его нашли на старом кладбище, на теле нашли два килограмма дури. Так в чём же вопрос по законнику?

К удивлению Коменданта, ответил Ильфат.

— Во-первых, вы наняли его без согласования с Советом, что является нарушением устава Города. Во-вторых, такое решение прямо перед выборами нарушает постановление «О выборах».

Он достал бумаги и зачитал: «... Запрещается использовать полномочия Коменданта перед выборами для агитации...»

— Я думаю, Совет согласен, что деятельность Василя даже больше, чем агитация, это прямое давление на людей. Три кандидата перед выборами выбывают. В свете грубейшего нарушения устава, я хочу поставить на голосование вопрос досрочного прекращения ваших полномочий.

Начальники, оглянувшись на Гильзу, начали поднимать руки. Большинство. Это было очевидно.

— У нас есть большинство голосов. Люций Андреевич, вы освобождаетесь от должности и исключаетесь из Городского Совета. Вопрос номер два. О выборе временно исполняющего обязанности коменданта. Предлагаю кандидатуру Яновского Александеры, начальника охраны города. Кто за?

Снова, с оглядкой на Марсея, большинство подняло руки. Против был лишь Расим и

Фангат. Арсен воздерживался.

— Большинство. По решению Совета, временно исполняющим назначается Александра Яновский, начальник охраны города.

Люций пожал плечами и встал, освобождая кресло. С видимым удовольствием, Александра занял его место.

— Я думаю, вполне своевременным решением будет арест Люция Андреевича. На время следственных мероприятий, — тут же сказал он.

Люди привычно оглянулись на Гильзу, но тот отрицательно покачал головой.

— Мне кажется, это несвоевременное решение, — сказал он.

Разговоры смолкли. Только Глухарь вскочил. «Вот это да, — подумал Люций. — Похоже, Ильфат использовал вас в тёмную. Не знаете, вонючки, что уже всем дирижирует Гильза».

— Извините, товарищ майор, но это не ваше дело, — сказал фермер.

Гильза хмыкнул.

— Может быть. Но тут есть один фактор: всё-таки сейчас идёт война. И решения, определяющие безопасность города, должны приниматься немного по-другому. С оглядкой на последствия. Вы так не думаете?

Начальники переглянулись.

— Да, да, конечно, — внезапно взял слово Ильфат. — Это может подождать до оглашения результатов выборов.

Глухарь и Александра запротестовали, но никто не поддержал. Люций вышел в коридор, воротник рубашки душил. Конец, или ещё нет? В голове роились мысли. Александра, вот ведь насекомое, прямо тут решил арестовать. Боится, понимает, как население отреагирует.

Договариваться уже не с кем. Глупо, глупо. Ведь и момент выбрали, подлецы. Подождите... подождите. Он сжал кулаки так, что они хрустнули. Спокойно. Ещё ничто не потеряно. Гильза не рискнул, но мне терять нечего. Три дня, это целая вечность. Сейчас они будут убеждать Расима и Арсена, может, захотят снять Диму и Фангата. Они провозятся тут, ну а пока он сделает свой ход. Из кабинета выглянула Карина. Он давно подозревал, что она работает на народников, и сейчас это можно было использовать.

— Карина, мне нужна помощь.

Она минуту молчала, потом кивнула.

— У Расима есть гаражи на шахте. Мне нужно, чтобы после совещания, наш прыткий фермер оказался там. Я не знаю, как ты это сделаешь, но нужно, чтобы вечером там был и Дима. Он попробует спрятаться на станции, да и выходы все Александра перекроет, но почему-то я уверен, что у тебя получится.

* * *

Комендант вышел во Внешний город.

Он поправил автомат. У него было пугающее чувство, что в город вернуться не получится. Люций чувствовал, что на него смотрят. Это была не слезка, просто настойчивые взгляды внешней охраны. Позади остался затихший, вымерший рынок. Там ещё шла торговля, но без северян рынок можно и закрывать. Мимо коменданта проехала пара упряжек — патрули. Они ехали куда-то в сторону Заповедника. Вот только Люций понимал, что уже начал готовить себе путь побега, и выходило, что кроме скрытых деревень в Заповеднике, другого выхода нет.

Ещё неделю назад тут нескончаемой чередой шли караваны со скотом из Заповедника. Богата Уфа, а вот прокормить себя не может. Люций помнил, как двадцать лет уезжал из Уфы. Тогда вокруг Столицы было полно деревень. Он вернулся спустя двенадцать лет, деревень уже не было. Уфа богата, но почему-то налоги там одни из самых высоких в республике. Все, кто хотел работать на себя и жить вольно, бежали Заповедник. Бескрайний, холмистый лес к западу от Сибая. Коротко башкирское лето, но травы и фуража там вырастает столько, что скот можно кормить до следующего года. Люди там растворялись, появляясь осенью, продавая скот за оружие и лекарства. Зимой они предпочитали не появляться — боялись, что на них выйдут по следам. Что Орда, что уфимские им были не нужны. Вот сейчас, когда снег начал таять и стало тяжело взять след, они снова появились, и тут на охоту вышли отряды Орды. Заповедник затаился, так что еды в Сибее можно было ждать только из Уфы.

Ещё Люций подумал, что всё это было бессмысленно. Вся его борьба, весь идеализм. Он не смог за свою жизнь спасти никого. Всё, что они делали, было бесполезно. Сколько жизней он порушил в процессе, пытаясь сохранить кого-то. Свою жизнь Люций точно не смог спасти. В который раз он думал, что нужно было остаться на заводе, с Ольгой. Ведь сам виноват, что пошёл добровольцем в лагерь!

Комендант подумал, что когда-то он яростно ненавидел всех, кто пытался отсидеться в стороне. Особенно тех, кто с началом Зимы пытался построить маленький мирок, спрятав запасы. Тогда это было массово, люди объединялись в коммуны, скупали дома в деревнях, рыли погреба. В первые годы были специальные отряды, которые громили их, забирали сохранённое: генераторы, лекарства. Это была инициатива армейских, но Люций в глубине души разделял этот подход. Еда была вторична, ни одни запасы не могли сравниться с индустриальным сельским хозяйством, которое создавалось тогда. Одна вертикальная ферма в торговом центре могла кормить тысячи людей, на этом фоне погреб еды был мизерной добычей.

Люций понимал, что желание отсидеться было медленной смертью. Нужно было объединять людей для переработки нефти, получения топлива, обслуживая котельных и электростанция, добычи руды и металла, чтобы заменять сторающее от нещадной эксплуатации оборудование. Нужно было наладить производство удобрений, создать теплицы и фермы, чтобы кормить массу людей.

Каждый должен был работать на общее благо. Его часто упрекали, что он не хочет делать людей из Внешнего города горожанами. Люций знал, стоит их поселить в освободившихся домах, они бы стали требовать прав и питания, ничего не принося для города. В первые годы Зимы у него было много такого опыта.

Он слышал про институт «Верхний Мир» — филиал Института Вавилово в Соликамске. Работа в институте была только для девяноста учёных и врачей, и трёх десятков техников, кто обеспечивал хранение архива семян. Там были свои теплицы, какое-то хозяйство, которое могло прокормить и сотни. Отец Грека вывез три сотни чиновников с убежищ в Уфе и разместил там. Но стоило пришлым людям обжиться, они тут же взяли власть в институте, обязав учёных кормить их.

По слухам, именно так Александера стал комендантом Межгорья. У него был доступ к кодам от ворот Института, за возможность отправить туда семьи один из министров Республики сумел сделать отца Грека комендантом. Люций не знал подробностей, но в итоге погибли и чиновники, и большая часть учёных.

Люций прошёл мимо охраны Фактории, без предупреждения войдя в кабинет майора. Гильза встретил его, развалившись в кресле, гоняя зубочистку между уголка рта. В комнату вслед за Люцием зашёл один из бойцов. Весь какой-то мелкий и щуплый, не похожий на остальных здоровяков. Он поставил на стол чайник и две чашки. Гильза налил чай, поставил перед комендантом. Комендант не стал пить, видя жирный намёк — чая в городе не было уже пару недель.

— Почему ты не поддержал Александеру? — спросил Люций устало.

Гильза встал, смотря на карту Республики.

— Упрямый ты. Не хотел я его поддерживать, я тебя хочу видеть на этом посту. Если мы договоримся, я отыграю назад.

Гильза всё сделал правильно. Выкрутил ему руки и теперь может требовать всё, что захочет. Люцию даже стало жаль Александеру, тот верил, что победил. Вот только это играло ему на руку, Глухарь и Дмитрий точно станут сговорчивее перед угрозой получить Александеру на посту коменданта.

«А ведь он тоже боится, — подумал комендант. — Трясётся, что взбунтуются шахтёры, и руда перестанет поступать в Уфу. Переживает, что Северяне зажмут поставки скота, а это значит голод для Уфы. Ужасается, что мы скажем дружно, нахрен нужно, и откажемся от торговли с Уфой. Не так уж это и выгодно, нам с ними работать, и они это понимают. Больше всех нас боится, потому что и видит больше чем мы. Вот и сейчас, сам ведь столько сил положил, чтобы меня сместить, но сейчас сам же и дал заднюю. И каждый день, наверное, слушает сердце и думает, не откажет ли сегодня? И таблетки твои я видел, красные, от сердца».

— Ты нормальный мужик. У меня к тебе нет вопросов. Но твой подход не устраивает Уфу, — сказал Гильза.

— С каких это пор Уфа решает за Сибай?

— Ну ты же умный. Понимаешь, каким становится мир. Уфа вынуждена будет это решать, чтобы не решала Орда.

Комендант кивнул.

— Я понимаю. Как вы это жителям Сибая объясните? Думаете, им это по душе?

— Да. Большинство, так или иначе, понимают, что нужно присоединяться.

— Боюсь, так вы второе Кумертау получите.

Гильза помрачнел.

— Вот это бы не хотелось. Кстати, про поезд. Ты всерьёз думаешь, что тебе бы дали самому начать гонять караваны в Уфу? Не смей меня, в Магнитогорске вас бы ждал бронепоезд Белорецких. Им появление конкурента тоже нафиг не нужно.

Комендант промолчал. Есть ещё пути до Уральской Республики. У тех тоже есть бронепоезда. Уфимские мнили себя центром России, но мир не замыкался на них.

— Ладно. Предположим, я согласен, — сказал Люций. Мне нужно продовольствие на месяц, две тысячи пайков в день. Какие ваши условия?

— Мелочь. Как и говорил, мы заменим Расима. Александера, думаю будет отличным начальником рудоуправления. Уберём Дмитрия. Сменим людей на станции.

Вот это было неожиданно. В этом случае Артур наверняка будет начальником охраны.

— Вы на него замените Расимыча? На Александеру?

Гильза улыбнулся и кивнул.

— Расим тоже был из армейских, ничего, насобачился.

— И как же вы убедили Грека отказаться от поста начальника охраны?

— Да ерунда. Но было условие. Ты отдаёшь ему свою маленькую записку.

Люций рассмеялся и встал из-за стола.

— Я подумаю.

— Подумай, — сказал Гильза, — выбора у тебя нет. Ты надеялся, что у тебя получится сбежать с таким сокровищем?

* * *

Оказавшись за городом, Комендант почувствовал себя лучше. Он всё ещё был на свободе, ещё мог бороться. Тем более, Василь ещё продолжал действовать. Умница Василь, как же Люций недооценил его. Сумел убрать с шахматного поля Плюху, справился с Армянином, при этом так, что в городе ни у кого и мысли не возникло, что тут была какая-то несправедливость. После гибели Армянина Фангат резко осмелел, набрав почти сорок человек и, как Александра не упирался, им выдали оружие. Пусть охотничьи карабины и двустволки, но ведь оружие!

Так что осталось решить два вопроса, и он устроит такой сюрприз им всем! Ну а пока можно было посидеть и на шахтах, если всё пойдёт не так, то отсюда, если что, проще сбежать в Заповедник. Горы и лес, вот они, час ходу на лыжах. Он с тоской подумал о квартире и накопленном барахле, а с другой стороны и чёрт с ним.

Первой задачей был Глухарь. Эта задачка попроще, у него было полно информации об образе жизни показушника. Хоть главный фермер на людях и скромн, но тайком сибаритствует. Кучу раз его видели в ресторане Ели (а на какие шиши, спрашивается), всё время крутился на рынке, скупая дорогие вещи. Хороший человек для его целей, очень хороший. Такого можно и сохранить после выборов, контролировать его легко.

С Дмитрием будет сложнее. Тот почти не пьёт, курит любую дрянь, немного занимается спортом, для чего на станции устроили качалку. Вот только гуманист, всё пытается устроить равенство. Да и идейки его народные, это не Бог весть что, но видно не понимает, что переименуем мы Совет в Советы, вместо начальников управлений будут Народные Комиссары, но суть-то не измениться. Он понял, что тот уже успокоился. Сейчас нужно было всё сделать правильно.

Люций вошёл в ворота рудника. Заводоуправление, лифт и башни вентиляции были ограждены забором с вышками.

Тут всё было тихо, Гильза не стал рисковать, не трогал Расима до выборов, хоть и подозревал в сотрудничестве с народниками. Ведь знал, что у Расима были свои боевые группы, видно надеялся, что после выборов шахтёры не будут сопротивляться. Своя группа была и у Дмитрия, а это куда серьёзнее, чем шахты. Если станция остановит подачу тепла, то можно было бы диктовать свои условия. Штурмовать её нельзя, и придётся брать станцию в осаду, пока не сдадутся сами.

Стояло раннее утро, внутри периметра шахты было хоть глаз выколи, лишь пара фонарей освещали разбитую дорогу. Ещё тут был запах мёртвого железа, какой-то щекочущий запах гари. Люций зябко поёжился. Неподалёку гудели моторы, с грохотом поднимались лифт с рудой.

Периметр шахт обрывался на краю старого рудника. Он подошёл к гребню, посмотрев на дно огромной воронки, где сверкал лёд. Спиральная дорога ползла по склону, спускаясь до низу. Сколько же сил сюда вложили люди? О чём-то ведь мечтали. Строили планы. Он не знал ни одного из коренных сибайцев, после начала Зимы город вымер и потом был заселён

заново. Он отвернулся и пошёл к лифтам, около которых громоздилась гора сверкающей от льда руды. Зимняя добыча, которую в этом году так и не увезли, но шахтёры упрямо продолжали добычу. На поверхность поднялась клеть лифта, оттуда шахтёры выкатывали вагонетки.

Люций ускорил шаг. У лифта было несколько изб, над крышами курился дымок. Комендант зашёл в самую большую. Сейчас тут было три десятка человек, которые работали на перегрузке руды наверху. Они грелись вокруг чадающей буржуйки.

Через минуту Люций был готов к спуску, его имущество складировали в свободный ящик, а ему вручили каску, фонарь и дыхательный аппарат. Он зашёл в лифт, кроме него закатили вагонетки. С лязгом закрылись двери и лифт поехал вниз. Острый приступ клаустрофобии накрыл Люция. Текли минуты, с каждой минутой становилось теплее. Двери открылись, шахтёры толпой навалились на вагонетки, укатывая их в освещённый туннель.

Люция встретил пожилой шахтёр, Люций к своему стыду, не мог вспомнить имя.

— Добрый день. Мне с Расимом поговорить, — сказал комендант.

— Да, он говорил, что вы придёте. Учтите, самоспас всегда под рукой должен быть, — ответил тот.

Люций кивнул и похлопал по боку.

— Ну тогда да, идите за мной, — вежливо сказал шахтёр. Он шёл впереди, маленький, сгорбленный, в чумазой курточке. От Люция не ускользнула ухмылочка. Видно и сюда добрались новости. Через пятнадцать минут туннель, по которому они шли, окончился воротами. Шахтёр достал ключ и открыл, пропуская Люция.

— Мне Расим сказал за вами не ходить. Сказал, скоро придёт.

— Знаю, я тут был, — ответил Люций, — я подожду.

Он дождался, пока не стихнут шаги и пошёл по тёмному туннелю. Слабый сквозняк тянул в сторону лифта, откуда он приехал. Лампа выхватывала из темноты прогрызенные в породе стены, пол был ровный, тут давно разобрали рельсы, и он не боялся споткнуться. Где-то потолок был укреплен бетоном, в других местах был подпёрт окаменевшими брёвнами. Свет выхватил из темноты заправочные колонки. Когда-то тут шла добыча, пока не выгребли всё и не ушли уровнями ниже. В стене туннеля были устроены ворота, там были склады шахтёров. Люций не сомневался, что где-то тут Расим тоже сделал запасы консервов, топлива и оружия.

Комендант нашёл знакомые ворота, достал ключ и открыл. Лампа осветила чехол, накрывавший автомобиль. Он аккуратно сдёрнул чехол — свет отразился от лакированного белого бока и эмблемы «Range Rover». Комендант вставил ключ и завёл двигатель, а когда тот заурчал и Люций впервые за последние недели улыбнулся. Комендант с наслаждением сел на прохладную кожу сиденья и аккуратно выехал из хранилища.

Он нажал кнопку плеера и тихо заиграла музыка. Люций уже забыл название песни, но почему-то от звуков сразу вспомнил Ольгу. Была ли она жива? После наступления зимы она работала на нефтеперерабатывающем заводе, в администрации. Тогда те кто работал там, сразу же стали элитой, и в очередную встречу она прервала отношения. Как же быстро Ольга поняла, что мир изменился! Та боль давно ушла, заслонённая кучей болезненных событий последующей жизни.

Люций слушал музыку и снова начал думать о Карине. Последняя любовь старого человека. Другой уже не будет. Когда-то он думал, что однажды они уедут вместе на этой машине. Весной Люций прощается с городом и выкатит автомобиль из шахты наверх.

Потом они поедут по размякшим дорогам, но это в самый раз для автомобиля. Наверное, они бы поехали на север, на Урал. Сколько бы там дали за такой автомобиль? Хватило бы до конца жизни? Он знал, что кроме этой машины, в республике был только один «Range Rover», у какого-то большого начальника в Уфе. Вот только Карина прямо сказала, что никуда ехать не собирается, и что он был ей интересен как мужчина, пока был комендантом. Люций не выдержал такого откровения, и это стало концом отношений. Он подумал о сбережениях всей жизни, сто сорок золотых, которые спустил за недолгий роман с ней. Вот сейчас бы онигодились.

Он увидел мельтешение огней. По коридору шли Расим и Глухарь.

— Серьёзно, — присвистнул фермер, увидев машину.

Он настороженно смотрел на них. Расим открыл соседние ворота, зашуршал внутри и вытащил несколько стульев. Потом зажёл лампу, и её свет осветил блестящий полусвод туннеля, ржавый металл бесчисленных ворот и автомобиль. Лицо фермера выражало раздражение, но если тот пришёл, то понимал, что и его голова под угрозой.

— Садись, — сказал Люций, — поговорим?

Сам он развалился на принесённом шахтёром пластиком стуле. Расим тоже взял стул и сел. Глухарь выглядел расслабленно, но комендант видел, тот напряжён. Фермер потёр руки друг об друга, тут было прохладно.

— Полагаю, ты всё ещё хочешь меня переубедить? — спросил фермер.

— Глухарь, — сказал комендант, — я знаю тебя хорошо четыре года. Вот я точно уверен, что тебе плевать на всех, кроме себя. Поэтому я вполне допускаю, что мы договоримся.

Весь вид начальника фермеров выражал, что ему глубоко плевать и на слова коменданта.

— Интересно, что они тебе пообещали? Как убедили голосовать за Александеру?

Фермер выдохнул сквозь зубы.

— И ты туда же. Как вы меня все достали! Вот вы всё где у меня! Вот, — Глухарь подскочил и ударил по шее, — что-то показываете, обещаете. А мне не нужно ни хрена!

Он встал, глядя на освещённую стену.

— Мне мои люди важны. Я за них всё готов сделать. В это я верю, а во всю вашу ерунду нет. Я ведь всё знаю про вас. И про тебя, и про Расима, и про Александеру. И про Фангата, бандюгана твоего. И про всю эту колду. Каждый, мать вашу, на себя тянет. Расиму хорошо — мне плохо, людям Плюхи хорошо — шахтёрам плохо. А мне от всех вас тошно.

Фермер замолчал.

— Короче, давай на этом закончим, — добавил он. — Кто бы не пришел к власти, я так и останусь начальником фермеров, а тебе мне предложить нечего. Через три дня я больше не буду видеть тебя на заседаниях, и это меня устраивает.

Люций с улыбкой смотрел на него. Тирада красивая, вот только он знал, что у Глухаря дома был смартфон. Зачем он ему, в игрушки играть? И что у него личный телек с плеером, и шкаф, полный шмоток. Зачем ему это, если никому не покажешь?

— Уверен? — улыбнулся Люций. Он со вздохом взвесил ключи на руки, а потом бросил их Глухарю. — Давай так, я знаю, что больше не буду комендантом, даже пытаться не буду. Но если ты поддержишь моего кандидата, тачка твоя. И пост начальника фермеров твой, никто на него не претендует.

Колебания Глухаря были недолгими. Он сжал ключи и засунул их в карман.

— Договорились. Но учти, если кинешь, я тебя живым в бак с кислотой засуну.

— Вот это разговор, — Люций встал и протянул руку. — Машину заглуши. Аккумулятор состояние стоит.

* * *

До вечера Люций провалялся в помещении отдыха шахтёров.

Это была небольшая комната, как и другие, вырубленная в пустой породе. Тут были вентиляция, так что воздух был свежим. Здесь стояли столы, скамейки, вдоль стен были устроены топчаны. На одном из таких и развалился Люций, подложив под голову свитер.

Ближе к вечеру появился Расим, притащив чайник и две чашки.

— Помнишь, недавно я к тебе заходил за чем. У тебя две ложки осталось, ты мне обе отдал. Я сберёг.

Шахтер сел, разлив напиток по кружкам, достал из кармана хлеб, завёрнутый в ткань.

— С машиной это ты хитро придумал, — сказал он, — понятно, Глухарь и Александра теперь на ножах будут.

Люций кивнул. Машина была подарком отца начальника охраны. Александра всё-таки завалил службу тогда, через год после основания Сибая. У Люция был шанс избавиться от опостылевшего мажора, но отец снова попросил за сына, подарив машину. Люций спрятал её в шахте до лучших времён, которые так и не наступили.

— Что теперь?

— Теперь задачка посложнее. Помнишь, как я Александеру чуть не отлупил, тогда ещё, на вокзале?

Расим кивнул.

— Вот и я помню. А вот он, похоже, подзабыл. Сейчас я ему ещё раз вломлю, но чужими руками. Всё готов отдать, лишь бы увидеть, как он проиграет.

Из туннеля послышались шаги и появился знакомый пожилой шахтёр в сопровождении настороженного Дмитрия.

— Да садись, садись! — приглашающе сказал Расим.

Люций налил ему чаю. Тот понюхал и с подозрением выпил.

— Что надо? — буркнул он.

— Знаешь, вот просто хотел поговорить, — ответил Люций. — Мы же с тобой уже пару лет не говорили с глазу на глаз? Забился ты на станцию, к тебе и не подойти. Помнишь, как раньше-то сидели под бутылочку?

Дима кивнул.

— Да, сидели. Вот только тогда и мы были другими, и Сибай был куда лучше.

Люций скривился.

— Да, тут ты прав. Но сейчас другой вопрос у меня к тебе, — вкрадчиво сказал Люций. — Ты хочешь быть комендантом?

Глава 17. Ким

За четыре дня до выборов Хворост собрал совещание в «Гудке» — ангаре на краю станции. Это был сваренный из мусора ангар с парой утеплённых комнат, построенный над тупиком путей на станции. Позади ангара был овраг, полный острого, опасного железа, а по сторонам, вдоль забора, был навален разный хлам, так что сюда можно было прийти незамеченным. Место это было уединённое, далёкое как от охраны, так и возможных стукачей среди своих — в самый раз для собраний.

Ким пришёл вместе с Муркой — они вдвоём чинили прожекторы на стене Внешнего города, когда появился связной с сообщением о встрече. Они пришли первые, тут не было никого, и они включили обогреватель. Через двадцать минут появился Хворост, он пришёл со стороны дальних ворот в периметре станции. Последними просочились Море и Залив, они ждали на Станции и вальяжно пришли последними. Залив тут же выкрутил обогреватель на максимум и сел перед ним на корточки, отогревая руки. Марина закурила, сев на диван, пуская струйки дыма в потолок.

Ещё в комитете была Луиза, и она была единственным человеком, о котором со страхом и уважением отзывались и народники, и Карина. Он так и не понял, кто она, но основная доля денег для революционеров приходила от неё. Она не состояла в комитете, но, насколько понял Ким, уже много лет оказывала огромную поддержку. Хворост однажды признался, что без неё Комитета не было бы.

— Пожрать принёс кто? — спросила Мурка.

Заговорщики переглянулись. В который раз Ким подумал, что в хозяйственном отношении все они были бесталанными.

— Естественно, на вас-то надежды нет, — проворчала девушка, вытащив из-под куртки завёрнутый в ткань деревенский хлеб. Она успела поменяться с кем-то из Заповедника на патроны, пока Ким за двоих отсвечивал на стене. Если бы кто-то из городских увидел, точно поднял бы бучу — в столовой подавали лишь жидкий суп. Тема еды в последние дни стала главнейшей в Сибасе — паникёры всерьёз говорили о близости голода.

Хворост достал травяной сбор, который курил вместо табака, набил трубку и комитет в который раз погрузился в бессмысленные споры об операции. До выборов оставалось всего два дня, никто не сомневался, что сразу после выборов будут беспорядки. Плохо было то, что горожане в массе своей были безидейными людьми, и надежд, что они, пользуясь численностью, сомнут охрану, не было. Конечно, существовал актив среди шахтеров и фермеров, который можно и нужно было использовать.

У Хвороста были подвязки среди боевых групп шахтёров — если их вооружить, они готовы были заблокировать шахту и Внешний Город. Пётр вёл работу с активом фермеров — с их помощью они должны были заблокировать фермы и жилую часть города.

После блокировки жилой части, шахт и ферм, Мурка должна будет устроить пожары во Внешнем Городе, чтобы заблокировать уфимских военных. Предполагалось, что во время конфликта, поддержку окажут и люди Фангата, но особой надежды на это не было.

Если беспорядки заставят Администрацию пойти на попятную, тогда власть перейдёт крупнённому Комитету, куда войдут незапятнанные связями с текущей властью представители всех фракций. Море предлагала обсудить пути отхода, если что-то пойдёт не так, но Дима отмахивался, приговаривая «лучшая мотивация успеха — это сожжённые

мосты».

Ким занял позицию над схваткой, игнорируя доводы обоих, хотя на самом деле он просто не знал, что же стоит делать. Все его надежды были на Карину — он надеялся что, если что-то пойдёт не так, у неё есть план бегства.

Хворост закурил уже четвертую самокрутку, оборвав бесконечный спор.

— Мурка, давай ты расскажи про город. Какие последние новости?

Мурка, как штатный электрик, свободно проходила во Внутренний Сибай. В её ведении была связь с ячейками внутри города, в первую очередь среди братья Арсена. Девушка не допускала мирного исхода — все её мысли были только о будущем кровавом рубилове, где всё и решится. По слухам, ещё маленькой девочкой она вошла в банду Свища, предшественника Армянина. Она воровала у северян, воровала в городе, но даже будучи не раз бита, не думала свернуть от такой жизни.

Она была необразованной, полагаясь на чуйку, и та её не подводила. Девушка не верила никому и ничему, она как-то попробовала обворовать начальника станции, но, в отличие от прочих, он накормил её, дал денег и отпустил, сказав приходить, если замерзнет и проголодается. Столкнувшись первый раз с добротой без условий, Мурка ушла из банды и обосновалась на Станции, став тенью Хвороста.

Она не признавала никого и ничего, слушалась только Дмитрия. Вот и с Кимом она решила сама, мигом назначив его себе в парни. В их отношениях было мало романтики, скорее это был временный союз двух людей, жизнь которых не стоит копейки. Ким думал с болью, что их отношениям придёт конец, когда решит она, и он не сможет ничего изменить.

— Да всё по-прежнему, перетёрла со связными, — сказала она, отщипывая мизерные крошки от ломтя. — Там четыре группы, две по воде, две по канализации. Когда всё начнётся, они перекроют воду. Восемь лет назад толпу разогнали водомётами, сейчас у охраны это не получится. Ну, и без сортиров городские быстрее пойдут на переговоры.

Хворост удовлетворённо кивнул.

— Пётр, что с фермерами?

— Там всё железно, — ответил тот. — На пределе народ. Их гнобит охрана, одна искра, и на фермах полыхнёт. Единственное, за ними контроль сильный, тяжело связь держать.

— Знаю, но всё-таки нужно не терять связи, — сказал Пётр. — Боюсь, когда до выступления дойдёт, они могут отколоться, начнут выдвигать свои требования, и их попросту купят. Глухарю тут веры нет.

Пётр кивнул и закрыл глаза, вытянув ноги к обогревателю. Ким достаточно хорошо понимал таких, как он. Брат Марины не был идейным борцом, любые жизненные сложности свергали его в депрессию. Вот только когда разговор заходил о неизбежных расстрелах и люстрациях после победы, его глаза загорались огнём, а маленькие усики воинственно закручивались. Он как должное принимал преимущества, что давало нахождение в Комитете, при этом избегая любой ответственности. Он не очень-то жаловал Кима, который тут же начал организовывать подпольную работу по правилам. Явки, тайники, пароли, стали ежедневной работой в подполье, и это раздражало Петра, но у того не доставало духу спорить.

— Не понимаю я, — сказал Петр. — Вроде, у них больше всех причин для бунта, но каждый раз сдуваются первыми...

Хворост проигнорировал его реплику, повернувшись к Марине.

— Марина, тебе удалось вербануть людей Фангата?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Законник их под себя подмял. Фангат ему слово поперёк сказать боится. Нет, на них опереться не сможем.

Хворост разочарованно вздохнул. На людей Фангата была большая надежда. Люди они были опытные, привычные к стрельбе. Если дойдёт до боя, фермеры и шахтёры справиться с людьми Гильзы.

Марина отвернулась от них, глядя в окно. Жёсткая, самовольная, она с кривой улыбкой слушала разговоры о перевороте, всем видом выражая, что для неё тут нет ничего нового, и что весь план туфта. Те, кто её знали, предпочитали не перечить. Мурка случайно проговорила, что она была любовницей отца Александеры в Межгорье. Чтобы с такой репутацией занять место в Комитете, нужно было продемонстрировать что-то невероятное. Никто не сомневался ни в её идейной стойкости, ни в решимости. Во всяком случае, когда вставал вопрос, что нужно кого-то ликвидировать, она всегда была готова к роли исполнителя. К своей жизни она относилась безразлично, но стоило возникнуть угрозе для брата, и она готова была свернуть горы. Она так и не избавилась от своих подозрений к Киму, сведя контакты до минимальных.

— Ладно, — сказал Хворост с неожиданным спокойствием, — охрану они не поддержат, этого достаточно. По шахтёрам непросто всё. Расим за своими бдит, они поддержат нас, только если он сам встанет на нашу сторону.

Внезапно Дмитрий встал и заходил по комнате. Чем больше Ким узнавал главу Комитета, тем больше тот ему нравился. Хороший, добрый человек, который, столкнувшись с несправедливостью, не стал прятать голову в песок. Он был инженером, прекрасным инженером, который любил станцию и генераторы. Живи Дмитрий в Уфе, где со снабжением было получше, он бы так и протянул до пенсии, но в Сибаре, когда каждый год один генератор становился донором для остальных, где каждый год сокращалось должности важных ему людей, он начал борьбу. Вначале официальную, споря в Совете, но быстро сообразил, что это ничего не меняет, и ударился в подпольную работу. Такие люди, при всей их робости и мягкости, часто демонстрируют невероятное упорство, не был исключением и он. Дмитрий сам нашёл выходы на подполье Кумертау, сам начал создавать ячейки, учить людей, всей душой ненавидя подпольную работу, но как и с милыми его сердцу генераторами, он делал всё на совесть. Его сложно было вообразить в бою, но, по рассказам Мурки, он был прекрасным стратегом, и когда шансы на успех были велики, он был готов поставить на кон и свою жизнь, и жизнь всех, кто ему доверял.

— У меня для вас важная новость, — сказал он взволнованно, — понимаю, что это неожиданно, но план изменился.

— Что за новости? — Проворчала Марина.

Члены комитета, разомлевшие от тепла, встрепенулись.

— Мы возвращаемся к плану с официальным кандидатом. Пожалуйста, я знаю все ваши возражения. В этот раз всё будет по-другому. Вчера я говорил с Расимом и Глухарём. Похоже, причина в голоде, но мы впервые смогли договориться. Они согласились поддержать меня на выборах. Комендант тоже, он снимет свою кандидатуру и поддержит мою.

Марина с Петром переглянулись. Ким посмотрел на Мурку, в курсе ли она? Судя по тому, как она была спокойна, Хворост сообщил ей заранее. Это было неожиданно неприятно. Ким молчал, думая о словах Карины — та сказала, что три дня назад произошла

какая-то встреча на шахтах. Комендант отправился туда, Глухарь тоже был там. Похоже, там был и Хворост, и они что-то обсуждали там, из-за чего Дмитрий решил изменить их согласованный и много раз обсуждённый план.

Комитет молчал, переваривая информацию. Марина зло смотрела на Хвороста, у Петра на лице было облегчение. Марина сняла шапку и расчесала ладонью волосы. Всем своим видом она выражала, что против изменения плана.

— Подготовку к перевороту мы отменять не будем, но теперь у нас есть шанс сделать все мирно, — сказал Хворост. — Ким, для вас есть дело.

Кореец поднял голову.

— Вы войдёте в избирательную комиссию. Это уже вопрос решённый, я был в Администрации. У нас будет несколько своих людей в комиссии, это гарантия, что наши голоса будут учтены. Второе, мы используем поезд, — сказал Дима.

Ким удивлённо поднял брови.

— Комендант планировал использовать для своей компании, но мы договорились, что скажем в агитации, что это только наша заслуга. Официально, его починили вы. Это даст огромный процент голосов, если пустим слух, что сразу после выборов мы отправим поезд за продовольствием.

Неделю назад Ким понял, что поезд исправен. Ремонтники со станции починили его сами, но держали эту информацию в тайне.

— И ещё, поскольку до выборов остался мизер, я получил приказ об объединении усилий резидентур, — добавил Дмитрий.

Хворост подошёл к дверям, оглянулся и поманил кого-то. В зал вошла Карина, настороженно улыбаясь.

«Это кто-то в подполье такой приказ мог дать?», — подумал Ким. Ещё вчера он думал, что Хворост делает всё на свой страх и риск, но нет, у него была связь. Наверняка, с Кумертау. Вот только это значило, что Карина до сих пор была в подполье.

Ему всё это не нравилось, но сейчас он должен был играть свою роль. Марина и Пётр вскочили, пятясь, а вот Мурка осталась на месте. Знала, но, хоть мы и спали вместе, не сказала, и он почувствовал укол ревности.

— Карина, думаю вы все её знаете. Она член комитета народников Уфы, подпольная кличка Клица. Я не стал устраивать формальную проверку, указание насчёт неё я получил прямо из штаба.

— Мне непонятна позиция штаба, — неуверенно сказал Марина, — если она из второй резидентуры, то это риск и для них, и для нас.

Ким молчал — всё, что сейчас он мог сказать, только навредило бы Карине. В голове теснились мысли, но Ким понимал, что Карина на голову опытнее его, и если она тут, в этом зале, в это есть и резон. Карина прошла в зал, словно не видела ненавидящих взглядов Марины и села на диван. Это было грубое решение, люди в Комитете не захотят делиться властью в такой момент. Похоже, это сочли малозначимым.

Игра была близка к финалу, и в этой шахматной партии Карина была ферзём, который вырвался на простор. Все люди в этой комнате были малозначимыми фигурами, которым предстояло сыграть свою роль. Ким понял, что у него дрожат пальцы. Был ли он одной из пешек или всё-таки фигурой поважнее?

Карина встала, скрестив руки на груди.

— Я понимаю, что вы сомневаетесь в моем праве быть тут. Могу добавить, что я в курсе

всех деталей подполья. Человек из моей резидентуры недавно вошел в Комитет.

Все повернулись к Киму, он почувствовал дрожь. Рот Хвороста сжался в жёсткую линию. «Не только у тебя есть секреты», — подумал Ким.

— Вы спрашиваете про резоны штаба? Я тоже рискую, но ваш план — это гиблое дело. Все вы на карандаше у Гильзы, и срок вашей жизни пять минут после начала выступления. Штаб хочет объединить усилия, потому что у нас есть только один шанс. Один у вас, один у нас. То, что говорит Хворост, это правда — и Глухарь, и Расим, и Комендант, готовы поддержать его. Я точно уверена, что мирно взять власть нам не дадут, будет стрельба, и в этом случае их поддержка — это то, что изменит всё. Одно дело делать революцию с полусотней людей, совсем другое, когда за у вас за спиной будет тысяча людей, уверенных, что их лишили выбора.

Она оглядела Комитет.

— Объединившись, мы сможем победить. Сейчас мне нужен ответ, готовы ли вы рискнуть.

Пётр медленно думал.

— Если мы возьмём власть, что будет с текущей администрацией? Что будет с Люцием, Александерой, Ильфатом?

Карина пожала плечами.

— Всё будет по примеру Кумертау. Суд. Изгнание. Расстрел.

Пётр удовлетворённо кивнул. Марина колебалась дольше.

— Если мы провалимся, вы можете обеспечить убежище в Кумертау? — нервно спросила она.

Карина холодно улыбнулась.

— Перед тем, как ответить, я бы хотела задать вопрос. Налёт Ойдина, когда Ким чуть не погиб, это ваших рук дело? — спросила она.

Впервые Ким увидел, что у Марины затряслись губы. Это было невероятно. За всё время на станции он впервые увидел, как волнуется Море.

— Да... Я думала, что законник тут из-за нас. Я хотела защитить брата, — сказала женщина, её голос срывался.

Ким молчал. Что тут можно было сказать? Всё время после налёта он думал, что же было причиной. Оказалось, всё дело в сестринской заботе. Карина вопросительно посмотрела на Кима. Похоже, подполье получило информацию, что в караване будет человек из Кумертау, но Марина самовольно приняла решение избавиться от законника.

— Проехали, — сказал Ким спокойно.

Мурка молчала дольше всех. Она подошла к столику, налила себе чай. Киму казалось, что только её решение сейчас важно. Она была главой боевого отряда подполья, при восстании ей предстояло быть в первых рядах, с наименьшими шансами выжить.

— Какие у нас шансы? Против Александеры. Против Гильзы и его роты с пулемётами. Против другой тысячи, кто не захочет ничего менять.

— Я бы сказала сорок на шестьдесят, — призналась Карина. — Гильза не останется в стороне. Но, если мы успеем нейтрализовать Александеру, если город и шахты будут в наших руках, что он сможет сделать?

Мурка минуту молчала, наконец, хрипло ответила:

— Хорошо.

Глава 18. Искандер

Искандер шёл по пустой улице.

Проклятый город, который он не ненавидел, но видеть его таким было невыносимо. Последние дни выключились батареи, в коридорах стоял запах дыма от печей и мерзкое ощущение сырости. Стало темно, редкие лампочки аварийного освещения остались лишь на лестницах.

В Фактории ещё оставались рота охраны, но поезд ушёл в Белорецк, забрав весь персонал. Пусто было и на Стойбище. Закрылись кабаки во Внешнем городе, все, кто мог, взяли билеты на поезд. Остальные, кто боялся остаться, грузились на сани и уходили в Заповедник, пока был снег.

Это было страшно, как детстве, когда он понял, что твои родители, которых воспринимаешь как данность, могут однажды не вернуться. Твой мир рушится, и всё, ты взрослый, потому что нет родных старше тебя. Даже если тебе шесть, ты взрослый. В который раз мир, который казался ему прочными и незыблемыми, превратился в осколки. В Искандере поднималась ненависть, и он не знал, на кого её направить.

Охранник вышел на рынок. Все, кто остался в городе, собрались тут, слушая дебаты. Сейчас была очередь Ильфата, который вещал с высокой импровизированной трибуны. Кладовщик говорил правильные слова про свободу, про демократию, про выбор и прогресс, но со всех сторон слышался гул и крики, чтобы он валил с трибуны. Смешно призывать к справедливости, если вся твоя жизнь была карикатурой на это. Следом поднялись ещё несколько начальников управлений, призывая голосовать за Ильфата, честнейшего из людей, который приведёт город к процветанию. Толпа улюкала и гудела.

Он чувствовал, что-то изменилось. Какая-то хрупкая связь, которая заставляла людей двигаться в привычном темпе, с треском лопнула. В глазах горожан он видел ожесточение. Сбившиеся в кучу, окружённые охраной, люди из администрации этого ещё не поняли.

Работяги, фермеры, все кого они считали вторым сортом, стояли плотной организованной группой. Они были мрачные и сосредоточенные. Искандер смотрел на людей, в которой вызрела ярость. Ради кого он мёрз и умирал? Ради них, конечно же. Двух тысяч обозлённых горожан, тех, кто тянул махину города.

Сейчас они почувствовали свою силу. Изменились и те, кто говорил от их имени. На трибуну потрясая кулаками, поднялся Расим. Вот только впервые он призывал голосовать не за себя, а за Дмитрия Хворостовского. Когда Расим закончил, поднялся Глухарь и сказал то же самое, как будто и речь им писал один человек. Но это были слова толпы, они сказали, что давно было в умах людей, что раньше тихо обсуждалось. Даже Люций, который вышел из толпы шахтёров, сегодня был одним из них. Комендант сказал, что снимает свою кандидатуру, но просил последний раз послушать его. Толпа людей, которая ещё десять минут назад освистала Ильфата, была внимательна. Всё, о чём они мечтали, за что боролись, было на расстоянии вытянутой руки. Один день, и город изменится! Всё можно будет поменять, стоило лишь объединиться и выбрать, ведь теперь во главе города станет один из них. Ну а то, что комендант сдался, значило, что их требования были законными, и Люций уступил перед обстоятельствами.

Замерла и охрана, так же сбившись плотной кучей вокруг людей из администрации. В объединении работяг был приговор для них. Будет охрана, куда же без неё, вот только

работяги и сами могут выбрать своих сторожей. Служба, которую создал Грек, это была не охрана, а сборище волков, назначившее себя сторожами овец. Месяц назад он этого не видел, но пришёл Василь и вырвал его из привычного круга. Обрушил картину мира и показал своими глазами, что вся твоя жизнь — это мерзость. Получилось, что он служил мерзости, помогал укреплять её, даже считая, что эта мерзость защищает простых людей.

Вот только Дмитрий заменит всех, и у Искандера внутри мелькнула подлая мыслишка, что для него это возможность подняться на самый верх. Вот только честно сказал себе, что он даже близко не понимает, что ему там делать.

Стать начальником охраны? Господи, да Грек бы легко увидел, как половина друзей сдохла под этими стенами, чтобы он оставался у власти. Гильза? Каждый из них мясник с холодным, расчётливым умом, который очень хорошо рассуждал про цену человеческой жизни, зная, что цена эта мала и в период великих событий стремительно убывала. Ещё он понял, что среди всех, кто был в Совете, только для коменданта хоть что-то значила жизнь других. Что Люций шёл на компромиссы, спасая других, а он, помогая Греку, только вредил.

Вот только и он уже был не тем парнишкой, что защищал деда-наводчика в плену. Он понимал, что как только он отдаст Василию информацию о тайном госпитале, это будет конец для караванщиков и Луизы. Не будет даже суда, как только Василь выбьет правду, будет исполнение. Слово-то какое удобное! Но как он мог судить Василя — сколько людей погибло от плохих лекарств за несколько лет? И ведь повинны в этом не злодеи, не убийцы! Маленькие люди с мелочным стремлением устроиться чуть лучше, и это желание приводило к жертвам куда большим, чем любые налёты степняков.

Искандер вышел к воротам в стене Внутреннего города, которое открывались в сторону Старого Сибая. Это был запасной путь, обычно отряды отправлялись через Внешний город. Большинство охранников даже не знали, что тут был выход. В холле было холодно, на деревянном полу было пять саней с испуганными оленями и три человека: Василь, Висельник и Одноглазый. Нарты были городские, при этом те, на которых обычно ездила охрана. «Реквизировал», — подумал Искандер с неожиданной ревностью.

— Ты долго добирался, — проворчал Василь.

Искандер пожал плечами.

— Нашёл, где прячутся караванщики?

— Да. И помогу их взять. Но у меня условие, — сказал он, — я хочу знать все детали. Если ты мне не доверяешь, помогать не буду.

Василь кивнул, протянув руку.

— У врачей есть маленький госпиталь. Они там, — сказал Искандер.

— Знаю. На пятом этаже в здании охраны.

Охранник замер с открытым ртом. Закрыв его. «Проверка», — подумал он с неожиданной яростью.

— Ну давай, веди. Бойцы тут сани посторожат.

Василь с Искандером прошли пустыми коридорами города. Пока вся охрана и жители находились на рынке, можно было не бояться свидетелей. Они прошли до здания фермеров, потом вышли на улицу. Искандер гремел копиями ключей, выводя их во двор здания охраны.

— Дальше пути нет. Внутри можно пройти только через медицинские этажи, но у меня нет ключей от их двери.

— Через крышу пройдем, — сказал Василь, — Алёнка там уже.

Во дворе было холодно. Искандер поёжился. Василь посмотрел на часы.

— Пока ждём, рассказывай, что тут творится, — сказал Искандер. Он сел на дрова, которые были сложены тут.

— Что творится? Заговор, наверное. Называй, как хочешь. Луиза... Я думаю, она хотела привести к власти народников. Ничем другим я не могу это объяснить. Плюха ничего не знал — его интересовали только деньги. Ильфат покрывал его, подделывая отчёты. Мы ещё на него выйдем. Я так и не понял, почему они начали барыжить наркотой. Может деньги, или план был серьёзнее. Как тут появилась дурь, добыча упала раза в два. Я бы даже предположил, что они работают на Уфу, но те бы вряд ли устроили такое во время войны, когда от поставок Сибая зависит производство оружия. Такое можно объяснить, только если кто-то планировал социальный взрыв.

— Кто ещё в заговоре?

— Я думаю, Карина. У Ильшата нет доступа к архивам, но у неё был. Она подменяла документы. Но зачем ей это, я ещё не понимаю.

— Ну а Гильза, он не в деле?

— У него своя задача, затащить нас в Республику. Ты всерьёз думаешь, что он навёл бы на караван работоторговцев? Хотел бы убить, он бы послал своих людей, — уверенно сказал законник.

— А за стрельбой на площади кто стоял?

— Армянин, кто же ещё. Но говорит, что его убедила Луиза, что я по его душу приехал. Ничего, скоро ей сам вопрос задашь.

Искандер молчал.

— Зачем тебе это? Алёна говорила, что ты сейчас действуешь сам по себе. Зачем ты поддерживаешь коменданта? Почему не вернулся в Уфу.

Когда Искандер спросил Александра, зачем законник приехал в Сибай, тот ответил, ради карьеры. Вот только на его глазах Василь прошел через такое, что карьеризмом это было не объяснить.

— Ты ещё не понял? Ты башкир. А вот я татарин. Грек, я так думаю, чуваш. В Сибаяе у вас кого только нет. Но если тут власть возьмёт Гильза, тут останутся только башкиры. Остальные так, обслуга. Это ж их мечта, Башкирия для башкир. Но это тупик, в Уфе я видел это. Посмотри на Орду, там казахи заправляют, остальные уже и нелюди. То же самое в Казани — я и там был. Голод и рабский труд в Кумертау — это рай по сравнению с лагерями для русских у наших соседей. Я за то, что Башкирия была домом для всех. И Молчанов тоже. Был. И Комендант. Подумай, о твоей подружке Юле, она же русская, думаешь, ей будет место в охране?

В который раз за эти недели Искандер столкнулся с тем, что, начав спрашивать зачем, слышал неожиданные ответы. Василь удивил его — дал ответ, от которого он закрипел зубами. Думал сибаяец об этом, много раз думал, но гнал от себя эти мысли. Василь снял рюкзак, протянул ему контейнер с едой.

— Что зря сидеть? Давай перекусим. Твоя барышня, Иванка, хоть прибить тебя грозилась, а мяса, навалила, как пятерым.

— А со мной говорить отказалась...

— Расслабься. Она тебя к Алёне не ревнует.

— Да неужели? — сказал Искандер и показал ссадину на скуле. — Это её работа. Не ревновала бы, не огрела бы.

Василь фыркнул.

— Алёна рассказывала, что та пришла к ней, даже заточку притащила, а потом рыдала у неё на плече. Так что можешь быть уверен, к Шерсте твоя барышня тебя не ревнует. Алёнка это умеет, за жизнь разговаривать. Я понимаю, что для тебя выглядит как заигрывания, но это так, она коготки точит.

Слова Василя его задели. Искандер понял, что он не удивлён, — чувствовал. Значит Иванка до сих пор любит его, и мрак внутри чуть рассеялся от этой мысли. После слов законника, Искандер почувствовал, что ему есть зачем жить.

— Я не понимаю Алёну. Зачем ты притащил её в город? Она тебя откровенно ненавидит. Но почему-то помогает.

— Ааа... Видно поделилась, как нас учили? У тебя есть какие-то претензии ко мне?

Он произнёс это спокойно, но Искандер чувствовал, что воспоминания были для Василя болезненной.

— Нет. Алёна говорит, что ты не убил ни одну куклу. Ещё говорит, что ты единственный из законников, кого она не хочет убить.

— Ну, хоть за это спасибо, — улыбнулся законник. — Куклы — это не безропотные девочки. Они тебя убить могут, а ты их нет. Ты надзиратель, они заключённые, но клетка у вас общая. Ну а почему они нужны... Мы ведь пацаны были. Спартанские условия и мужской коллектив. Как нас на волю отпускать? Поэтому лет с 16 нас отправляли в женскую колонию, где живут куклы. Там свой порядок, охрана наружная, а мы по зоне бродим, мальчики с палочками. Так что кроме понимания, что тебя убить могут в любой момент, привыкаешь, что нельзя барышням доверять, которые к тебе в койку лезут. Куклам это выход — если они залетят, им вышку снимут, в отдельную камеру отправят. Но если девушка залетела, то в Квадрате тебе места нет.

— И Алёна?

— О нет, — рассмеялся Василь, — она барышня суровая. Она четвертаки коллекционировала. За каждого убитого ей двадцать пять лет накидывали.

Внезапно он понял, что же стояло за отношением Василя к Алёне. Тот знал, насколько девушка опасна, и ни на секунду не расслаблялся.

— И она работает на тебя?

— На меня? — Василь расхохотался. — Ты вообще не понял? Она ни на кого не работает. Она убийца, мародер. Вон, в бою с ордынцами, она рискнула своей головой, но на стоянке золотишко было, она и сдёрнула. Да и вчера, можешь быть уверенным, пока ты отвечивал в городе после встречи с Армянином, она своего не упустила. Она сказал тебе, куда свалила?

— Сказала, вещички заберёт.

— Ага, сейчас. Не уточняла чьи? Наверняка знала, где нычка Армянина, и пока был кипишь, она её подрезала. Думаешь одежду за тысячи золотых ей в Уфе за безупречную службу выписали?

Искандер наклонил голову. Ему было стыдно. Он понимал, каким наивным дураком выглядит в глазах Василя.

— Она вокруг нас, законников, трётся, потому что мы по умолчанию с людьми работаем, у кого и деньги есть, и кто на этом свете засиделся. Любимое её сочетание. Чтобы потом не искали и не переживали. Это не я думаю, как бы её удержать, это она переживает, как бы вокруг потереться подольше.

Василь поморщился.

— С другой стороны, она так полезна, так что ни черта с этим сделать не получается.

Под курткой законника послышалось шипение. Василь распахнул воротник и достал рацию.

— Рабочая? Откуда? — спросил Искандер.

— Как ни странно, от Коменданта. Похоже, ещё со времён Зимы. Даже самодельные батарейки есть.

— Откуда информация, что мы сможем попасть в госпиталь через крышу? — спросил Искандер.

— В медицинском корпусе с вентиляцией проблемы. Кое-что узнать можно, если документы про ремонт читать внимательно, — ответил Василь и спросил в ответ. — Кто тебе слил, где Луиза?

— Метель. Она дружит с племянницей Грека, — ответил Искандер. Почему-то у него была уверенность, что вопрос был со вторым дном. Может ли быть так, что после выборов Василь сам хочет стать начальником охраны?

— Хорошо. Ты ей доверяешь? Метели.

Искандер кивнул.

— Это хорошо.

Стемнело. Двор погрузился во тьму. На крыше здания охраны послышался скрежет металла. Василь встал, включил фонарик и пошёл к стене здания.

— Что дальше? Ну, знаем мы, что они там. На крышу, предположим, пролезем? — спросил Искандер тихо. — Какая-то охрана там должна быть?

— Скоро узнаем, — ответил Василь, задрал голову.

Искандер слышал, как со стороны рынка слышались крики. Наверняка, Александра попробовал остановить предварительное голосование.

Рация тихонько зашипела.

— Всё, пошли, — приказал Василь

Мелькнул огонёк на крыше. Перед ними была стена многоэтажки с заколоченными окнами. В тёмном небе над ними бежали облака.

— У неё действительно есть статья расстрельная? — спросил Искандер.

Василь рассмеялся.

— Да.

— Почему её не скрутили люди из гарнизона?

— Она говорила, что их отряд был разгромлен уфимскими? Вообще, это было не по понятиям. Беспредел даже. Ну, в Уфе это прокатило, но тут, если её тронут, то внезапно пара патрулей уфимских может исчезнуть. Зауральский клан — это не банда. Это организация, огромная, серьёзная. За своих они мстят. Её звали присоединится к другому отряду, но она сказала, что хранит верность убитым братьям и сестрам. Так что она вроде никому не подчиняется, но в то же время всё ещё в клане.

— А почему её тогда белорецкие хотели грохнуть?

— Ну как грохнуть. Волкам скормить — это не убить. За это последствий не будет. Она там тоже берега попутала, в Белорецке непростой человек вышел из казино с выигрышем и пропал. Вот только свидетели видели её, что она его тело волокла. Нет тела, нет дела, но белорецкие тоже не могли отпустить её просто так.

Открылось слуховое окно, и в их сторону вывалились лестница. Василь полез первый, Искандер следом. Внутри была Алёна с фонариком. В комнате невыносимо воняло. Похоже,

её использовали как туалет много лет, ленясь починить канализацию.

— А я и думаю, что окно так приглашающее открыто? Ну а тут пирамиды Хеопса. Чуть не вляпалась! — сказала зло Алёна.

— Кто внутри?

— Дежурная медсестра только. Я её придушила.

— Совсем? — с ужасом спросил Искандер.

— Да зачем же, легонько, чтобы не мешала. Потом кляп в рот, связала и в подсобку.

— А погонщика и Луизу нашла? — спросил Василь.

— Там только Косарь. Он спит в палате — наверное, чтобы не сбежал. Что, качать будем?

Законник кивнул.

— Искандер, — сказал Василь. — Сейчас будет допрос, твоя задача держать Алёнку. Хочешь, бей её, хочешь, бросай об стены, но к Косарю её не пускай. Она будет пытаться убить его, и всё будет по-настоящему.

Девушка провела их до люка, ведущего с чердака на этаж ниже и спустилась первой. Внутри действительно был госпиталь, пол, стены и потолок выкрашены в белый цвет. Был даже столик дежурной медсестры. Алёна, неслышно ступая, вела их к палате.

— Тук-тук, — сказал Василь, входя в палату.

Внутри было темно. Василь включил свет. Косарь сел на кровати, моргая, но стоило ему увидеть вошедших, вскочил и забился в угол.

— Спасите! — заорал он.

— Василь, вот это же та падла! Из-за этой скотины меня чуть не убили! — ноздри Алёны хищно раздувались.

Она ударила визжащего погонщика в живот, а потом повалила на пол. От крика Косаря было больно ушам, вот только вряд ли кто-то его слышал. В госпитале не было окон, а от нижних этажей их отделяло два засыпанных землёй этажа.

— Это он навёл ордынцев! — шипела Алёна. Искандер пытался удержать её и с изумлением понял, что не может. Он, уже не сдерживая силы, схватил её за пояс и отшвырнул в другой угол комнаты. Она вскочила как мячик, и бросилась вперёд, снеся Искандера с ног.

— Это не я! Я не сдавал! — кричал погонщик, сжавшись в углу.

Алёнка неуловимым движением выхватила нож, полоснула погонщика по руке. Тот заорал, а Василь и Искандер набросились на Алену, оттаскивая разъяренную девушку. Рана выглядела страшно, но охранник понимал, что девушка лишь надрезала кожу. Искандер заломил её руку в захват и ударил по ноге под косточку, она пнула его в ответ, и он едва не выпустил её. Всё было действительно по-настоящему. Но, по крайней мере, он смог заставить Алёну выпустить нож и откинуть его в угол комнаты.

— А кто? Это ты! Больше никому, — яростно орала Алёна, но вдвоем с Василем они могли удержать её.

Василь подмигнул Искандеру, тот отпустил Алёну, она подскочила к Косарю и вцепилась когтями в лицо. Выглядело это страшно, как овчарка, дерущая котёнка. Искандер снова оттащил Алёну. Похоже, дело было сделано, погонщик поплыл. Василь склонился над погонщиком, схватил его за грудки и посадил на кровать.

— Это не я, — рыдающим голосом повторял Косарь, — это всё Луиза! Она всё время была на связи с Толстяком, даже когда война началась! Я возил дрянные лекарства. Но всё

это организовала она! Я ради денег всё делал! И про Орду не знаю! Я сам думал, что Луиза решила от нас избавиться!

— Александра был в курсе? Ты видел хоть раз, что он брал деньги у Луизы?

Косарь торопливо закивал.

— Где она?!

— Вчера сбежала! Они с Ковылём уехали, когда услышали, что Армянин убит.

— Куда?

— У неё убежище есть, деревня, через которую с Ордой торговали! Нужно от Комсомольского на восток ехать, к бору! Не убивайте... У меня семья...

Он сжался на кровати, рыдая и закрывая голову. Похоже, погонщик сказал всё, что знал.

— Ладно, живи. Но помни, ты живёшь, потому что я разрешил. Понятно? Понятно?!

Косарь панически закивал.

— Теперь ты работаешь на меня. Дышать будешь, если разрешу. А если вздумаешь дурить, то ты сам видел, что с Плюхой стало. Думаешь, семья твоя уцелеет? Собакам скормлю!

Погонщик закивал, из глаз лились слёзы. Василь пристегнул его наручниками к кровати и вышел из палаты. Искандер и Алёна вышли вслед за ним. Законник выглядел счастливым, Искандер подумал, что еще не разу не видел, как тот радостно улыбается.

— Чёрт, я надеялся, что мы перехватим всех тут, — сказал законник.

— Что теперь? — спросила Алёна.

— Они обходят нас на сутки. Если Луиза поехала на границу, значит, хочет укрыться в Орде. Скорее всего, её должны встретить, но ордынцы не трамвай, по расписанию не ходят. Ты про эту деревеньку слышал? Нет? Проклятье, на Висельника вся надежда. Ладно, берём Косаря и тащим на площадь, пускай попоёт. Накинет очков Коменданту. Думаю, ему помощь не помешает.

— Его же убьют, — сказал Искандер, — если он скажет, что Грек брал деньги.

Василь промолчал, отвернувшись.

Глава 19. Ким

Ким проснулся весь в поту от страшного сна.

Часы на руке тихонько тряслись, выводя его из сна. Он лежал, вслушиваясь в звуки города. Ким слышал гул механизмов, вентиляции, гудение труб, привычный, убаюкивающий шум живого города. Он поднялся с дивана, скинув ватник, которым накрылся вместо одеяла. Было зябко, по рынку гулял ветер. Ворота были распахнуты, и через них Ким видел ночной небосвод, край которого начал светлеть.

В соседней комнате кто-то бубнил, там продолжали отмечать победу на выборах. Вряд ли городское начальство могло себе такое представить. Шахтёры и фермеры поддерживали Хвороста, и тот стал новым комендантом. Голосование закончилось ближе к ночи, опечатанные урны осталась на рынке под добровольной охраной от всех управлений. Победители накрыли столы, достали запасы еды и выпивки и начали отмечать.

— Почему комендант пошёл на это? — спросил он вчера у Мурки. — Зачем отдал власть народникам?

— Видно понял, чтобы выжить, нужно отдать власть. Тем более Армянин погиб вместе с охраной.

Алёнка и Василь, кто же ещё. Кто ещё мог убить главного мафиози? Законник что-то нарыл, но утруждать себя судами не стал, как и тогда в плену у работорговцев. Кореец зябко поёжился от понимания, что Василь подобрался очень близко. «Вот только теперь, после победы Хвороста, можно просто не пустить его в город», — злорадно подумал он.

Ким чувствовал удовлетворение, гордость даже, ведь в победе была и его заслуга. Его кандидатура не вызвала протестов ни у шахтеров, ни у фермеров. Появление поезда довело людей до ликования, репутация Кима взлетела до небес. Он тут же начал агитацию за Хвороста. Откуда-то нашлись деньги, так что все общаги, все места работ оказались быстро раскрашены призывами голосовать. Начальство из города бесилось и требовало затереть лозунги, но внезапно никто из рабочих не согласился. Когда же на эту работу отправили охранников, в городе не нашлось ни кисти, ни краски.

Куда сложнее было перебороть выращенную за десятилетия взаимную неприязнь шахтёров и фермеров. Больших успехов тут не было, но хоть на время они перестали быть врагами.

Ким действовал, словно десятилетиями только и занимался этой работой. Так было всегда — если ему нужно было быть солдатом, то он был лучшим, которого приводили в пример. Став народником, Ким тут же выдвинулся в самые активные подпольщики, не боясь рисковать. Ну а предав, он выглядел перед теми, кого предавал, настолько верным, что у тех и мысли не было заподозрить. У корейца не должно было получиться в новом мире, но каждый раз он делал больше, чем кто-либо вокруг, и достигал успеха.

Карина сказала, что Александера не смирится и до оглашения результатов попытается захватить власть. Грек собрал и вооружил охрану, добровольцев — всего около ста человек. Карина сказала, что у неё есть план и на этот случай. Вчера, когда победа Хвороста стала очевидной, она предупредила, что кореец должен встретить её в три часа ночи у корчмы Клецки.

Ким думал, что план начальника охраны очевиден. Люций догадывался о заговоре Александеры, и потому засел с Расимом на шахтах, люди Глухаря тоже заблокировали

переходы в фермы, а инженеры Хвороста должны были отключить Станцию, если дойдёт до стрельбы.

С неожиданной тоской Ким подумал, что эти приготовления не значат ничего. Всё, что происходит, задумано Кариной, и результат будет не тем, что ожидает Комитет. Скорее всего, они будут ликвидированы первыми. Но разве это важно? Главным было то, что его работа была близка к завершению. Карина сказала, что его работа почти закончена. Ещё пара дней, и он отправится в Уфу, за деньгами, а там... Плана у него не было, только сбежать от войны.

Ким последние дни чувствовал давление сходящихся стен, ловушки, из которой не было выхода. Нужно было бежать ещё тогда, когда он получил аванс от казанских в Уфе. Что ждал, почему пожадничал? Не было ответа, может жадность, а может понимание, что он впервые в жизни стал кем-то важным.

Киму поморщился от холода и зашёл в одну из комнат. Тут было светло, горели лампы, пол был усеян окурками и мусором, на столах стояли пустые тарелки и бутылки. У входа о чём-то спорила пара, чиновник администрации и мастер со станции. Работяга, слишком много выпив на голодный желудок, что-то предъявлял чиновнику, который был и не рад, что зацепился языками. На попытку встать, рука мастера с силой опускала его на стул. «Победитель, — подумал Ким, — пользуется моментом».

Ким вышел во Внешний город, где почти не осталось пришлых. Все, кто мог, бежали в сторону Заповедника. Народники, конечно, победили, но даже если не будет Александеры, без топлива и еды из Уфы, их шансы выжить мизерные. Будет, как в Кумертау, где от населения в восемь тысяч человек после победы народников осталось полторы тысячи.

Во Внешнем Городе не было света, с трудом он вышел по грязным, размокшим улицам к Администрации Внешнего города. Там горели окна, внутри были люди. Много. Поминутно раздавались звуки драки, но кого с кем? Вот из Фактории появился десяток тёмных теней. Стараясь двигаться неслышно, они вошли в Администрацию, через несколько минут появились снова, волоча скрученных людей. Он видел, что люди и в форме уфимских, и в форме охраны действуют сообща. Вот только кого вяжут? Ким прождал полчаса, прежде чем появилась Карина. Она шла со стороны ворот, ведущих в шахты, освещая себе путь фонариком. Ким, стараясь оставаться в тени, побежал к ней навстречу и перехватил у самой площади. Ким негромко свистнул, привлекая её внимание.

— Идём, — сказала девушка нетерпеливо, — мы и так уже задержались.

— Не стоит нам идти туда, что-то нехорошее там творится, — настороженно ответил Ким, — вроде и выстрелы слышал.

Карина прислушалась, равнодушно кивнула.

— Это наши работают, — сказала она, — ты не суетись и не болтай, всё хорошо будет.

Наши? Кто же там наши? Ким шёл следом, обливаясь потом от страха. Часовые на улице настороженно посмотрели на них, но пропустили в здание. Она зашла в администрацию первой, и ему ничего не оставалось, как идти следом. Вдоль стены, под прицелом бойцов из уфимского гарнизона, на коленях стояли несколько связанных людей. Уфимские стояли злые, с самодовольными ухмылками. На полу были и убитые, часть из них Ким подозревал в работе на Орду. Вот Якут, который крутился во Внешнем городе, тот точно был шпионом. Значит, он работал на Карину, и она его сдала. Кореец с удивлением узнал среди связанных Ильфата, кандидата от Администрации. Пара уфимских бойцов сосредоточенно били Александеру.

Стоило им зайти, их тут же взяли под прицел. Сержант, что командовал бойцами, что-то тихо сказал своим.

— Молчать. Попробуете крикнуть, порешу, — угрожающе сказал один из солдат. У него в руках был автомат с глушителем.

Он приказал им встать к стене, Кима без особых сантиментов скрутили и поставили на колени. Связали умело, так что он не мог пошевелить руками, при этом боли от верёвок не было. Карину не стали ни обыскивать, ни связывать, ни затыкать рот.

— Вы на кого руку подняли, — с пола прокашлял Александера.

— Поздно, тварь продажная, — сказал сержант, — если Гильза прикажет, ты и до утра не доживёшь.

Один из уфимских бойцов ударил Александеру ногой в живот. Ким посмотрел на Карину, надеясь что-то понять, и только сейчас увидел, что она в форме внутренних войск Уфы. Это объясняло, почему их пропустили, но не остального. Выходило, что подготовку Александеры сорвали люди Гильзы. Но почему никого из охраны не арестовали, кроме Грека? Это выглядело как заговор в охране, вот только кто во главе, и почему Гильза помогает ему? И почему, чёрт подери, Карина в форме уфимского капитана?

Через двадцать минут ожидания появился Гильза в окружении вооружённых солдат. Он огляделся и удовлетворённо кивнул сержанту.

— Так, этих в тюрьму, в Факторию, — приказал Гильза, указывая на связанных людей из администрации.

Александера пытался что-то промычать, но получил очередную порцию ударов. Гильза приказал сержанту, и тот снял верёвки с Кима, а потом помог корейцу встать.

Карина посмотрела на Кима, одним взглядом намекая, что ему нужно молчать. Корейца пронзило понимание, значит, она использовала и уфимских. И это себя он считал мастером по предательствам! Но как она смогла? Ведь она была в Уфе в ячейке народников? И потом, она ведь прошла проверки подполья Кумертау?

— Всё нормально? — спросил Гильза у Карины. — Мои не увлеклись? Они могут.

— Нет, всё хорошо, — сказала она. — Это Ким, из Комитета. Мой агент у народников.

Гильза устало посмотрел на него и повернулся к девушке.

— Хорошо. Сейчас займёмся и ими. Казанскую агентуру среди городских мы повязали, теперь нужно прижать шахтёров. Потом займём фермы и Станцию, — сказал Гильза устало. — Расим и комендант, где они?

— На шахтах, — ответила Карина, — Глухарь и Дмитрий на фермах. Похоже, Люций что-то пронюхал про приготовления Александеры, и они решили не рисковать, собираясь в одном месте.

Гильза поморщился.

— Неважно. Через тридцать минут мы начинаем захват шахт, мои люди уже выдвигаются туда. Что по Комитету, они на рынке?

Ким видел, что Гильза в чудовищном напряжении. Чтобы тут ни происходило, он был совсем не рад. Не было у них цели захватить город, подумал он с удивлением, это вынужденное решение. Но что же заставило его принять? И что это за разговоры про агентуру казанских?

— Нет, — ответила она, — Там только Море и Залив. Из Комитета на рынке только Мурка.

— По именам нельзя что ли, — проворчал Гильза, — ненавижу эти клички.

Он поморщился, думая.

— Что с бойцами народников, они вооружены? — спросил лейтенант из свиты Гильзы.

— Нет. На Станции всего несколько бойцов, и они не опасны. Оружие на станции, комитетчики не рискнули брать его с собой.

Гильза повернулся к лейтенанту и негромко приказал тому выделить людей на блокаду станции.

— Ладно, действуем по плану, — сказал Гильза Карине. — Артур теперь новый начальник охраны. Мы займёмся шахтами, потом станцией, а он вместе со своими из охраны должен захватить фермы. Карина, на вас рынок. Нужно, чтобы горожане остались там, когда начнётся штурм шахт и станции. Через полчаса, максимум час, мы будем там, им не останется ничего, кроме как сдаться. Черт, как же не вовремя...

Карина кинула.

— Хорошо, — ответила она, — сделаем. Ким, пошли.

Они вышли на улицу, Кореец чувствовал, что его сейчас стошнит от напряжения. Кореец видел, что на площади у ворот Фактории строилась масса вооружённых людей.

— Гильза, — хрипло спросил он. — Ты рассказала ему про народников?

— Конечно. В уфимскую ячейку народников меня внедряли не казанские, а уфимские, они думают, что я их агент, — она улыбнулась, и он понял, что эта невесёлая вещь одна из немногих, что её веселила. — Вот только их ждёт сюрприз, я только что с шахт, они предупреждены. Комитет предупрежу я, ну а твоё дело фермы.

Ким чувствовал, что едва может идти. Он ведь видел её шрамы, когда её принимали в ячейку. Вот только девушка отлично знала науку конспирации, шифрования, и теперь он думал, откуда она могла знать это? Агент уфимских, народников, казанских? Чей ещё? На кого же Карина работала на самом деле?

Сейчас она только что на равных говорила с командиром одного из самых опытных охранных батальонов, и то, как тот на неё смотрел... Если она внедрённый агент Казани, как же те смогли внедрить её так, что охранка не заподозрила?

— Почему Гильза говорил про восстание казанских? — спросил Ким.

— Ну, нужно было лишь показать Гильзе нычку Александеры с золотом, — ответила она с ухмылкой, — ну и Ильфата, у всех оно было.

Киму стало страшно. Когда тебе дают информацию такого уровня, значит, твоя ценность исчезает. Он огляделся, в поисках возможности сбежать. Вокруг были тёмные дома у ворот Внутреннего города, но Карина шла сбоку и была вооружена.

— Не трясись ты так, — сказала девушка, — всем пришлось потрудиться, чтобы ты оказался здесь. Думаешь, тебе пришлось заплатить многое? Ты даже не представляешь, через что прошла я.

Ким посмотрел на руку. Карина сдала их взвод казанским, когда они отправились патрулировать в сторону Туймазов. Если это было его платой, чтобы оказаться тут, то что же потеряла она?

* * *

...Последний день в Тубен Каме. Сейчас он стоял на цыпочках, его руки были заведены за спину и подвешены к потолку. Он забыл, как говорить, как кричать, всё, что он мог, это выть.

Открылась дверь, сквозь пелену боли он услышал шаги.

— Вот он, — послышался голос палача.

Ким с трудом поднял голову и сфокусировал взгляд. Перед ним стоял строгий немолодой мужчина, в форме капитана казанской армии. Вот только по тому, как угодливо на того смотрел начальник лагеря, было видно, что это не капитан.

— Интересно, — сказал капитан. — Долго он выдержал?

— Три дня держался, ржал как дурак. У меня Кирюша не выдержал и ломиком ему в бок дал, ребро сломал. После этого не смеялся, говорил, что расскажет всё.

— Арман, — сказал капитан начальнику лагеря, — я говорил, что любой интересный человек должен сразу попадать ко мне? А если бы сдох? Ты бы у меня сам тут висел.

Собеседник хотел что-то возразить, но капитан рывкнул так, что тот уменьшился в росте. Казанец подошёл к Киму и тихо сказал на ухо.

— Впервые вижу такого дебила, тебе что, шкура не дорога?

Ким пару минут собирался с мыслями, понимая, что-то нужно было ответить. Потом он вспомнил ответ.

— Кому дорога, тот и не жил, — прохрипел он.

— Арман, твою мать! Быстро врача сюда!

Капитан казанских открыл папку, достав фотографию. Не узнал. Ким видел себя в отражении в плите, его лицо было синей опухшей маской. Капитан кивнул охране, и те сняли с него драную рубашку. Похоже те, кто его сейчас допрашивал, знали всё, вплоть до родинок.

— Ну что же, мы нашли, кого искали. Ким Ха Гиль, сержант снежной кавалерии, — ласково сказал капитан.

Его недолго подлечили в госпитале, и пытки продолжились. Сутки, ещё одни. У него ничего не спрашивали. Это был конвейер, когда одних палачей сменяли другие. Через три дня Ким мечтал только о смерти, он кричал и плакал, умоляя, чтобы ему задали хоть один вопрос. Когда он перешел грань, где мог сопротивляться, его привели в комнату для допросов.

— Что вам нужно? — спросил он торопливо. — Какие-то данные по батальону? Я расскажу всё, что знаю. Или информация о подполье?

— Мы всё знаем про батальон, да и про подполье тоже, — ответил майор равнодушно, — это не интересно. Но я предлагаю тебе работу.

Ким кивнул. Капитан встал из-за стула, охранники подняли Кима и потащили в соседнюю комнату, где у стены, прикованный одной рукой, на полу лежал Карим.

Капитан протянул Киму пистолет. Охранник тут же взял его на прицел.

— Там один патрон. Проверка. В нашем деле без них никуда.

Карим открыл глаза, посмотрел на Кима и слабо кивнул. Он также мечтал о смерти, вот только в отличии от Кима, не сломался. Ким поднял пистолет, с трудом прицелился. Выстрел. Капитан удовлетворенно кивнул. Потом он кивнул охране, те скрутили Кима, поставив на колени.

— Ну и ещё небольшая деталь, — добавил он. — Сейчас мы отпустим вас. Уфимский спецназ уже близко, мы пожертвуем своими людьми, которых отправим по вашим следам. Куда больше мы переживаем, пройдёте ли вы проверку народников. Но все же знают, что за побег мы рубим руки?

Капитану протянули саблю в ножнах. Руку Кима вытянули, он кричал, но что он мог сделать? Боли он почти не почувствовал, боль была позже, когда он бежал сквозь снег, навстречу военным, едва сдерживаясь, чтобы не кричать во весь голос. Капитан не ошибся,

грохот выстрелов известил, что у Кима началась новая, увлекательная жизнь...

* * *

— Ты заплатила за многое? — спросил он. — Ты?

Сейчас он готов был убить её. Карина без эмоций посмотрела на него.

— Да. Я заплатила не меньше. Но с другой стороны, посмотри на себя. Ты в этой игре много лет и ещё не сломался, так что ты был готов предать, вопрос был в цене.

Ким с ненавистью понял, что она права. На аванс Карины он мог бы царски жить. Но и чем заниматься? Всё, что он умел, это быть предателем. Тайная работа наполняла его значимостью. Ким говорил себе, что делал это в память об отце, тот бы гордился, узнав что тот стал народником, вот только ночами, когда не мог уснуть, он понимал, что это было лицемерие. Он делал это ради власти.

Он с какой-то высоты начал смотреть на окружающих его, сильных, волевых людей, которые боролись и умирали за идеалы, которые не стоили ничего. Он увидел, что какими бы важными и красивыми не были эти идеи, это был лишь инструмент, которые использовали те, кто на вершине. Даже Комитет легко жертвовал своими людьми, когда это было выгодно.

Во Внешнем городе было пусто. Войдя в заброшенный дом на сгоревшей улице, она открыла дверь и осветила фонариком. Вдоль стены были сложены ящики с оружием. Он открыл один. Внутри были автоматы, древние, выпущенные задолго до Зимы. Кто-то восстановил их, заменил деревянные части. Карина вскрыла ещё пару ящиков у другой стены. Внутри были цинковые ящики с патронами, тоже выпущенными до войны. «Хитро, — подумал он, — такое не отследить».

— Я рассказываю детали, потому что тебе пора на новый уровень, — сказала девушка. — Можешь гордиться собой. Я не буду использовать тебя втёмную, ведь это я выбрала тебя тогда в Уфе. Выбрала, зная, что ты ищешь только шанса возвысится. Я сразу это поняла, ведь я такая же. Всё это, диверсии в городе, революция народников. даже попытка Люция удержаться у власти. Всё это мой план, мой шанс возвысится. Я работаю на казанских. На уфимских тоже. И на народников тоже, именно охранка внедрила меня в подполье. Но они все лишь инструменты, я работаю на себя.

Ким мог только восхититься многостаночницей.

— То, что я стала помощницей Люция, устроило всех. И уфимских, и казанских. Даже людей Кумертау, которые до сих пор уверены, что я работаю на них. В подполье можно встретить только крыс. Слышал такое? Мы в мутной водичке, тут никто не понимает, за кого ты.

— Зачем тебе я?

— Я ведь девушка. Главой города мне не стать. А вот ты совсем другое дело. Герой войны, да и поезд помог. Если ты сейчас сумеешь защитить город, легко станешь комендантом. Не переживай, в управлении города нет ничего сложного, тем более с такой помощницей как я.

Ким потрясённо молчал.

— Сейчас ты пойдёшь на рынок, поднимешь тревогу. Половина народников там, да ещё и добровольцы будут. Пару сотен бойцов сможешь собрать. У вас будет время забрать оружие, расставить людей. С твоей помощью они смогут отбиться, и это не вызовет ни у кого вопросов. Гильза, встретив сопротивление, пойдёт на переговоры. Так что после победы ты возглавишь Комитет и станешь новым комендантом. Думаю ни Хворост, ни

Люций, ни Расим штурма не переживут, так что оппозиции у тебя не будет.

Кима накрыла паника.

— Нет, я не буду! Я на такое не подписывался, — попятился Ким.

Его руки тряслись. Всё, что сейчас он хотел, это сбежать.

— Да куда ты денешься!? Твой маленький тайничок, — зло сказала она. — Думаешь, его не нашли? Четыреста золотых рублей. И ещё сто шестнадцать, я так понимаю, это ты общак народников в Уфе подломил.

Кровь прилила к лицу. Как? Откуда? Это был его тайник, о нем не знал никто. Выследили...

— Серьёзно? Я предлагаю тебе лучший шанс, который только мог у тебя быть в жизни, а ты о деньгах думаешь? — спросила она презрительно.

Ким сел на стул, схватившись за голову. Переиграла.

— Хватит ныть, это шикарное предложение. Если ты сделаешь всё, что я прошу, я верну тебе всё и доплачу. Армянин с города имел около десятки тысяч в год. Ну а потом казанские будут платить, очень щедро, лишь бы мы были врагами Уфы. Ты даже не представляешь, сколько можно заработать. Согласен?

Ким медленно кивнул.

— Отлично, — ответила она, — обсудим детали позже. Время поджигает, нужно начинать, иначе всё будет бесполезно.

Ким чувствовал восхищение, смешанное с ужасом. Может, это и был тот шанс, о котором он мечтал? Карина была права. В Уфе он не мог стать даже десятником в кавалерии.

— Мне нужно понимать. Зачем казанским нас поддерживать? — спросил он. — Ведь и так город переходил под власть народников?

— Да, переходил, — коротко ответила Карина, — но через неделю тут бы были бронепоезда уфимских, и народники сдали бы власть. Но как только прольётся кровь, местные уже не отступят.

«Вот только уфимские не отступят, — подумал Ким. — Если власть взяли народники, с этим они не смирятся. Да и кто знает, не в этом ли был план казанских? Без Сибая не будет меди, а значит и гильз для патронов. Да много чего не будет».

— Хорошо. Я сделаю, что ты хочешь. Но пообещай, что я смогу уйти с деньгами.

Он по её циничной улыбке понял, что конца не будет. Куда бы он не побежал, его найдут. Карина шутливо отдала ему честь.

— Есть у революции начало. Вперед, команданте, твои люди ждут.

Глава 20. Искандер

Искандер через бинокль изучал убежище Луизы.

Деревней это было назвать сложно — скорее тайная база, несколько домов, надёжно укрытых от чужого взгляда сосновым бором и оврагами. Через такие затаившиеся хуторки, в стороне от основных дорог, шла торговля и с Ордой, и с Казанским Ханством. Дома были под стать месту — настоящие крепости, из крупных брёвен и узкими бойницами окон. Деревню нельзя было найти по дыму печей — даже сейчас, в мороз, тот без следа растворялся среди вершин сосен. Дома сгрудились на небольшом прогале, куда между оврагов вела лишь одна дорога. Корчма возвышалась над остальными зданиями — исполинское, несуразное сооружение в три этажа, с небольшими окошками, горящими недобрым светом.

— Я знаю этих людей, — сказал Куча, трясаясь от страха, — они нам не помогут.

— Посмотрим, — ответил Василь хрипло, — я бываю очень убедительным.

Они остановились в сотне метров от деревни, в овражке, укрытые от взглядов. Искандер лежал на гребне, в бинокль изучая убежище контрабандистов. «Ох, непростая деревня, — подумал охранник, дыша на побелевшие от мороза ладони. — Помощи мы тут не дождемся, скорее выстрел в спину получим». Из сумрака леса неслышной тенью вынырнула Алёна, свет луны переливался на белоснежном меху. Искандер подумал, что последний раз видел эту экипировку в плену, и по спине пробежал холодок.

— На крыльце никого нет, во дворе тоже — сказала она негромко, — а вот внутри полно народу, я насчитала восемь постояльцев. Кроме хозяина, там два человека obsługi. Луизы нигде нет, а вот погонщик, Ковыль, в зале.

Искандер внутренне заплодировал.

— Работаем, — сказал Василь. — Если Луиза прячется внутри, нужно её спугнуть, чтобы её повязала Алёна. Схема простая: злобный законник сует нос не в своё дело. Оружием без дела не размахиваем. Алёна, ты заходишь сверху и берёшь Луизу. Помните, мы пришли за ней. Если получится взять её, вытаскивай на улицу, и маякни Сыме, чтоб зашёл. Так я пойму, что дело сделано, и мы свалим.

— Я не уверена, что всё гладко пройдёт, — перебила его Алёна. — Я не разобрала, кто там с Ковылём, но по тому, как одеты, думаю боевики из степных.

Василь бросил задумчивый взгляд на Алёну, потом медленно посмотрел на каждого в отряде, словно выбирая. Куча под обжигающим взглядом законника постарался спрятаться за Одноглазым.

— Висельник, ты пойдёшь со мной. Куча, ты тоже. Сыма, ты на крыльце останешься, прикроешь нас через окно. Искандер, оставайся тут, прикрой дорогу, а, главное, охраняй сани. Они нам позарез нужны, это куда важнее, чем ещё один стрелок. Я все-таки думаю, что мирно договориться не получится и сваливать придется быстро. Если нам устроят засаду на отходе, всё впустую. Только вначале с Алёной метнись до двора, поможешь ей на второй этаж забраться.

Бойцы, кому предстояло идти в корчму, скинули верхнюю одежду и достали из саней оружие, тщательно укрытых от холода в свёртки из толстых оленьих шкур. Искандер смотрел, как Висельник проверяет автомат, и ощутил укол ревности. Он не стал спорить с законником, но внутри кипел от возмущения, что его оставили охранять сани. Даже Кучу

взяли, а ведь он пришлый долган из деревни, всего неделя в городе. Так его считали за бойца, а Искандера нет!

Отряд, ведомый Василем, двинулся к корчме. За Василем, ступая в шаг, умело шли Висельник с Одноглазым, а последним, нелепо проваливаясь, шёл Куча. Алёна пребольно ткнула Искандера в плечо.

— Пошли, — сказала она, — поможешь мне наверх забраться.

Сибайцу тут же стало не до обид — он едва поспевал за девушкой, которая словно не замечала глубокого снега. Когда через пять минут они вышли во двор корчмы, с Искандера ручьём лился пот. «Укатали сивку крутые горки, — подумал он, — всего месяц в городе, а навыки испарились».

— Слушай, а что за название такое странное было у деревни, которую мы проходили? — спросила Алёна тихо.

По пути к деревне контрабандистов они прошли через деревню, скрытую в борах, с несколькими сгоревшими домами. Тогда Сыма зло пошутил, мол, выживальщики, а не выжили.

— Выживаловка? Когда пришла Великая Зима, там люди из Магнитогорска осели, — ответил он. — Решили, что города им нафиг не сдались. Оружия у них было полно, лекарств тоже, ещё они запасы еды на годы достали. Думали, пересидят. Отсюда и название деревни.

— И как, у них получилось?

— Нет, конечно. Какая-то вооружённая банда пришла по следам. Тогда времена странные были, куча военных дезертировала и шерстила деревни в поисках еды.

Алёна тихо рассмеялась. Сейчас Искандер понял, что она не дурачилась, спрашивая про дурацкую деревеньку, а внимательно слушала, что происходит вокруг корчмы. Охранник тоже слышал громкий скрип с другой стороны корчмы шагов — это подошел отряд Василя.

Искандер присел в тени дерева, внимательно оглядывая двор корчмы. Тот был полон нелепого барахла — из талого снега торчали разломанные лопаты, пробитые котелки, у самых стен громоздились кучи валежника и трухлявых стволов. Во двор выходило несколько окошек, до их низа было метра четыре. Брёвна корчмы были струганные, сколькие, щели между ними были тщательно замазаны.

— Василь что, решил зайти и просто спросить Луизу? — поинтересовался Искандер.

— На рожон лезет, — неожиданно зло ответила Алёна. — Сейчас с ним идти, только под пули подставляться. Скажи спасибо, что тебя не взял.

Девушка выбрала одно окно и поманила его.

— Подсади, — сказала она, снимая перчатки и беря в руку нож. Искандер встал у стены, подставив замок из рук. Через секунду Алёна уже висела на уровне четырёх метров, вогнав нож в какую-то щель в стене и, подтянувшись на одной руке, поддела другим ножом защёлку окна. Она исчезла внутри, прикрыв за собой окошко.

Искандер минуту постоял и неспешно двинулся в сторону нарт. Обида, что его оставили, всё ещё комом ворочалась внутри. Вот почему они с ним так? Всё думаешь, нужен ты кому-то, а по факту руки твои нужны, ноги. Стать начальником охраны? Он горько улыбнулся. «Овчарка я, — зло подумал он про себя, — оставили сани сторожить». Охранник пнул ствол дерева, скрипя зубами от злости. Может, действительно на Урал уехать? Мама будет рада... Внезапно, как острый укол, до него дошел смысл слов Алёны. Искандера озарило, что за обидами он не увидел, что Василь при нем сотворил маленькое чудо. Среди десятка мест, куда беглецы могли направиться, законник безошибочно выбрал верное. И

ведь не колебался — знал, переварив сотни документов, наиболее вероятную точку встречи.

Его оставили не потому, что он был бесполезен. Законнику важно не только выманить Луизу, но и понять, что за птицы сидят с Ковылем. Деталей Василь не знает, поэтому и действует нагло и демонстративно, чтобы спровоцировать Ковыля и его спутников. Место тут глухое, тем более законник специально Висельника взял, играл на старом конфликте между людьми Фангата и Плюхи. Ковыль может и взбрыкнуть, увидев старого недруга. Василь оставил его, потому что знает, что стрельба будет. Вот только после стрельбы кто-то должен будет доделать работу в городе. Искандер чувствовал, что от обиды не осталась и следа. Он понял, что законник и Кучу взял с собой не просто так. Долгана тут знают, и законник дал местным весомую причину начать стрельбу.

Вот только зачем туда лезет Алёна? Ну а другие? Висельник понимал ли, куда его тащит Василь? Ведь он будет стоять рядом с Василем, если стрельба будет. При этом и оружие нельзя в руки взять, иначе разговора не получится. Наверняка понимал, но если предположения Искандера правильные, он сейчас возвращал долг, куда более важный, чем жизнь. Куча, судя по тому как его трясло, тоже понимал во что вляпался. Все, мать их, понимали, а он тут сидит!

Искандер схватил автомат и, проваливаясь в снег, побежал к корчме.

* * *

Искандер остановился перед корчмой, переводя дыхание.

У здания было огромное крытое крыльцо, где не было снега. Кроме двери, на крыльцо смотрели пара небольших окон с открытыми ставнями. У одного из них с автоматом стоял Одноглазый, подсматривая внутрь через мутное стекло. Он стоял чуть сгорбившись, то глядя в сторону деревни, то в окно, готовый к атаке с любой стороны. Искандер перевёл дыхание, открыл дверь и зашёл внутрь.

В лицо пахло чадом плохо работающей печи, резким привкусом грязного меха, зимней вонью невымытых людей и запахом плохой еды. Дрожащий свет настольных ламп освещал огромный зал, перекрытый брёвнами, делающими его похожим на логово людоеда из сказки. Слева, вдоль зала, вверх уходила ветвистая деревянная лестница со ступенями, сделанными из половинок брёвен. Внутри зал был заставлен подобающей по стилю массивной мебелью, словно целиком вырубленной из цельных стволов. У дальней стены протянулся высокий резной прилавок, за ним стоял побледневший владелец корчмы. Половые замерли у стены, стараясь стать незаметными.

Искандера легко тронули за рукав, справа у стены стоял Висельник. Охранник прошмыгнул в противоположный от Висельника угол, чтобы контролировать большую часть зала. Искандера трясло, как часто с ним бывало перед дракой. Он не обращал на это внимание — как только дойдёт до дела, дрожь уйдёт.

Василь стоял в проходе между столами, перед столиком, за которым бы Ковыль. По левую руку от законника стоял Куча, его шея блестела от пота. За столом, кроме Ковыля, расположилась тройка подозрительных людей в зимней одежде. Неприятные накаченные люди со сбитыми кулаками, да и взгляд цепкий — понятно, почему Алёна опасалась. Перед ними на столе стоял жаренный ягнёнок, плечистые спокойно ели, словно перед ними и не было Василя. Ещё пятеро людей сидели за другим столиком справа от законника. Люди мутные, с непонятными наколками, таких в городе называли «засиженными».

— Значит, по торговле приехал, — медленно спросил Василь, — а накладные где? И с кем тут торговать собрались? С Ордой? Знаешь, какой сейчас приговор?

Ковыль сидел, опустив голову.

— Вам-то какое дело, с кем я тут торгую — пробурчал караванщик, — это дело Сибая. Вам знать необязательно.

— Я бы на твоём месте так не бурел. Я тебя к Гильзе отволоку, он тебя мигом разговорит, — зло сказал Василь.

Ковыль вздрогнул, бросив взгляд на плечистого бойца напротив. Искандер видел только его спину. Плечистый продолжал есть, ножом отрезая тонкие пластинки мяса и кладя в рот.

Искандер внимательно оглядел людей за другим столом. Он них исходила волна видимой агрессии. Уголовники нарочито громко переговаривались с мерзкими ухмылочками и демонстративно скалились. Хозяин корчмы скукожился за стойкой так, что торчали только глаза и спутанная шевелюра. Местный, видно, он-то слышал про законников, но эти уголовные рожи, из какой глуши они выползли?

Ковыль вздохнул, потом неохотно полез за пазуху.

— Медленно, — приказал Василь.

Погонщик достал кожаный тубус, вытащил документы и протянул их законнику. Тот взял их в руку, не сводя взгляд с Коваля. Куча зачем-то встал ближе к Василю, заслоня плечистого от Искандера. Охранник видел, что Висельник не сводит глаз с пятёрки татуированных, автомат едва у него держался на плече. Челюсти Гоши были сжаты, он понимал, что всё идёт к драке и согнул ноги, словно готовился упасть. Висельник незаметно показал охраннику знак опасности. Искандер видел и сам — у плечистого бойца на коленях был пистолет. «Куча, твою мать, — подумал Искандер, — ну что же ты, отодвинься!»

— Хорошо. Пошли прогуляемся наверх, товар проверим... — начал было Василь.

Сверху послышался оглушительный звук выстрела.

Василь повалился на колени, словно только и ждал этого, ещё в падении выхватив пистолет из-за пояса. Оглушительный грохот и стена, у которой стоял Висельник, взорвалась облаком щепок. Хозяин корчмы поднялся над прилавком, держа в руках автоматический дробовик, вспышки выстрелов яркостью перекрыли свет ламп. Искандер видел, что Куча сдёргнул с плеча автомат, наводя его на странного спутника Ковыля. Тот поднимался над столом, доставая пистолет.

Искандер пинком повалил в проход тяжеленную скамейку и упал за неё. Мебель тут была толщиной сантиметров в десять, такая и пулю остановит. Он слышал, что с другой стороны зала происходило то же самое, на пол с грохотом валились скамейки и столы.

Искандер на секунду приподнялся, проверяя, нет ли своих на линии огня и выпустил короткую очередь в сторону хозяина корчмы. Попал. В зал со стуком упало огромное ружьё с барабанным магазином. «Молот, — подумал Искандер, чудо, что он нас тут сразу не положил». Охранник видел, что Куча лежит на полу, из груди торчит рукоятка ножа, которым плечистый пластал мясо. Жив ли Василь? Тот не стрелял, за поваленной мебелью его было не видно. Искандер провёл рукой по горящему лбу, на ладони была кровь. «Когда меня задело?» — подумал он отстранённо. Бешено стучало сердце, но голова была холодной, а руки действовали проворно и чётко.

Висельник вскрикнул, на бедре у него одежда потемнела от крови. Он лежал, зажимая рану. Искандер приподнялся над скамейкой, выпустив длинную очередь и крикнув Висельнику, чтобы тот полз к нему. Охранник видел, как пули выбивали щепки из поваленной мебели, но не могли пробить её. Над мебелью поднимались руки с оружием, по ним, не поднимая головы, стреляли. В грудь неожиданно ударило, швырнув его на пол.

«Попали», — подумал он без всяких эмоций.

Искандер перевернулся на спину, проводя ладонью под защитой — бронежилет выдержал, но Искандер чувствовал, что не может вздохнуть. Автомат, где он? Охранник приподнял голову, автомат отлетел далеко. В стену со злым визгом вгрызлось несколько пуль. Охранник прижался к спасительным доскам пола. Судя по попаданиям, выстрелили с лестницы. «Там же Алёна была, — подумал он, — значит, её уже нет».

— Там кто-то наверху! — крикнул он Висельнику.

Гоша переполз вперёд, под прикрытие огромного переруба из бревен, и пули выбивали щепки из него. Послышался звон битого стекла сбоку, в окне появился ствол автомата. Сыма. Искандер достал пистолет, стреляя наугад вверх скамейки. В ушах звенело от выстрелов, в глазах стояла адреналиновая муть. Искандер почувствовал, что руку обожгло. Он снова залёг, на тыльной стороне ладони алела глубокая борозда от пули.

— Он за скамейкой! — орали сразу несколько человек. По выстрелам охранник понимал, что вместе со стрелком на лестнице, в зале было шестеро противников. Помповое ружье, автоматический дробовик, «макаров», еще какой-то пистолет, охотничье ружье, автомат. «Нужно уйти из-под огня, — подумал он, — тут нас перебьют».

— Сыма, прикрой! — крикнул он, но почему-то со стороны окна выстрелов не было. Висельник достал пистолет и открыл огонь, заставляя противников залечь. Искандер перегнулся через скамейку, хватая автомат, с натугой повалил стол, чтобы тот перекрыл обзор двери и переполз под его защиту. Стоило пистолету Висельника замолкнуть, как стол дёрнулся от нескольких попаданий.

— Уходи, быстрее! — прорычал Искандер, поднимая оружие, очередью заставляя затихнуть противников. Висельник всё понял правильно, пока огонь противников стих, проворно переполз за скамейку, где только что лежал охранник.

Искандер потянул дверь за щель между досок и выполз наружу. У окна лежал Одноглазый, под глазом у него стекала струйка крови. Висельник проворным ужом выполз следом, прислонившись спиной к стене. Он надрывно дышал, держась за ногу.

Искандер с трудом вздохнул, оттянув бронежилет от груди. За спиной шестеро противников, да ещё могут быть в деревне, сейчас они очнутся. Внутри остались трое погибших, и их было не забрать, и всё это из-за одного упёртого законника, которому все так безоговорочно поверили. Внутри ворочалась ненависть... Больше он не позволит собой командовать, все эти начальники в городе, вот они у него где будут. Чтобы больше никому не пришлось умирать вот так, вдали от родных мест...

Он подвигал пальцами раненой руки, они слушались. Самым противным было попадание в голову, непрерывно текла кровь, заливая лоб. Охранник обтёр лицо снегом, стянул шапку с Одноглазого, положив на рану бинт и прижав шапкой.

— Пошли, подсадишь меня. Попробую сверху зайти, а ты не дай им голову поднять. У меня гранаты, — сказал Искандер тихо.

Он схватил Висельника и помог ему, тот со стоном брёл, подволакивая раненую ногу. Искандер залез в окно, через пустую комнату, выглянул в коридор. У одной из стен лежала Алёна, с лицом, залитым кровью. Она не двигалась, но её одежда медленно поднималась от дыхания. В конце коридора, у лестницы затаился мужик, такой же плечистый, как спутники Ковыля, целясь вниз из дробовика.

«Похоже, они не сообразили, что мы смогли выбраться», — подумал он. Искандер достал нож, аккуратно зашёл плечистому со спины, зажал ему рот и ударил в спину. Потом

аккуратно уложил тело на пол и выглянул в зал. Он видел пятёрку противников, те медленно подползали к двери корчмы, прикрывая друг друга. Звон стекла и очередь, заставившая их залечь. Висельник. Нужно было спешить, но вначале Искандер проверил комнаты, чтобы никого не осталось за спиной. Все комнаты были пусты, кроме одной, закрытой. Искандер наклонился над Алёной. На теле девушки не было ран, а вот рана на голове была ужасной, выстрел почти снял с девушки скальп.

— Ты жив, — слабо сказала она, открыв глаза, — гад, сквозь дверь выстрелил...

Искандер достал бинт, сложил, вторым наспех обмотал девушке голову.

— Держись. Сейчас я разберусь с теми, кто внизу, и вернусь за тобой.

— Я сейчас вырублюсь, — сказала она слабым голосом, — я себе морфий из аптечки загнала. Если ты не справишься, мне хана.

Он кивнул, положил её на пол и вернулся к лестнице, вслушиваясь в звуки внизу. Висельник продолжал стрелять одиночными, не давая поднять голову противникам, но на сколько его хватит? Он ранен, да и патроны кончатся. Искандер достал гранаты. «Если Василь ещё жив, то я добыю и его тоже, — подумал он отстранённо. Но если этих внизу не положить, Алёну я не вытащу. Через минуту они поймут, что можно выйти через второй этаж и попробуют обойти Висельника. Или кто-то из местных жителей решит помочь...»

Искандер выдернул чеку, через два удара сердца швырнул её вниз, в сторону баррикады из столов и вжался в пол. Грохнул взрыв, с потолка осыпалась пыль. Он скатился по ступеням ниже, на второй пролёт лестницы, перед ним открылся весь зал. Первую гранату он вкатил удачно, как раз туда, где была тройка противников. Он швырнул ещё одну за прилавком, где оставалось двое. Взрыв, Искандер встал, держа зал под прицелом.

— Руки! — заорал Искандер. — Всем подняться! Висельник, я прикрываю!

Открылась дверь, появился Висельник, держа зал под прицелом. Две лампы уцелели, слабо освещая поле боя, и в пугающем бледном свете были видны две фигуры, поднявшиеся из обломков мебели. Он видел тела троицы противников. «Не жильцы», — подумал он. За прилавком в луже крови лежал хозяин корчмы, половые без движения лежали у стены. Охранник с ненавистью посмотрел на пару безвестных уголовников. Ни караванщик, ни его спутники, ни работники корчмы уже не встали. Он вспомнил, как защищал деда, который траванул их тогда, по дороге в Сибай. Целая вечность прошла с тех пор, сейчас у него и мысли бы не было защищать такого. Что за статью кодекса, тогда называла Алёна? Нет, там же было про похищение... Другим он был тогда.

Не колеблясь, Искандер выстрелил два раза.

* * *

Алёна сидела у стены, сквозь бинты на голове проступила кровь. Искандер присел перед ней на колени. Дыхание слабое, но она была жива. Он постучал в дверь, сквозь которую выстрелили в Алёну.

— Луиза, опустите оружие. Все ваши люди мертвы.

Через несколько секунд щелкнул замок и изнутри послышался голос.

— Я не вооружена.

Искандер, прячась за косяком, медленно, одними пальцами дверь. Перед ним была большая, чистая комната, с аккуратно заправленной кроватью. У стены стояли несколько знакомых квадратных сумок с медикаментами. Луиза сидела на стуле в углу, положив руки на колени. Её щёки были красными, пальцы ощутимо дрожали. Искандер зашёл в комнату, проверил вторую комнату, и встал перед Луизой. Пожилая, сухая женщина с жёстким

взглядом. Сотни таких он видел за свою жизнь, кто держал хозяйство, когда гибли их мужья. Кто без эмоций встречал новости, что их детей не стало.

— Здравствуй, Искандер, — сказала врач спокойно, — как видишь, я не сопротивляюсь.

Она не мигая смотрела ему в глаза, и он понял, что Луиза совершенно его не боялась. Он жестом ладони приказал ей подняться, а потом обыскал её — у Луизы не было оружия, не было его и в комнате. Искандер заставил её лечь на пол и приковал за обе руки за край неподъемной кровати. Что же теперь делать? У Искандера не было никаких идей. Взять Луизу и везти в город? Но что они смогут ей предъявить? Воровство лекарств?

Во время перестрелки он все делал правильно, сейчас, после боя, он понимал, что не мог сделать ничего большего. Опыт десятков маленьких и больших стычек, перестрелок рождал чувство, что каждую секунду боя, по звукам стрельбы, по перемещениям противника и крикам, ты понимал, что будет дальше. Вот только не должен был погибнуть Сыма, но погиб!

Снизу послышался голос Висельника, тот звал его. Он чувствовал, что кровь пропитала шапку, да и рука невыносима болела. Запах, он почувствовал, что к нему возвращаются запахи в зале, пахло горелым железом. Что пара ламп перевернулась, и уже начался пожар, но он об этом забыл. А вот Висельник не забыл, всё-то он успевает...

В зале он увидел Василя, тот был жив, но покачивался, держась за рану на голове. Законник попробовал шагнуть, но упал на колени, моргая и пытаясь сфокусироваться. Василь жив, слава тебе Господи. Искандер почувствовал, что его не держат ноги. Он сел на скамейку, глядя как Висельник помогает подняться законнику. Мебели в зале, как таковой, не осталось, всё было изрешечено пулями. Он нашел целый табурет на кухне, посадил на него законника у стены и накинул тому на плечи шубу. Искандер чувствовал, что внутри появилась надежда. Что эти двое, грубый убийца и вежливый убийца с проломленной головой знали, что делать.

— Луиза, — слабо спросил законник, — мы её взяли?

Искандер кивнул, и Василь успокоено закрыл глаза.

— Ты не ранен? — спросил Висельник у Искандера.

— Голова, рука. Мелочи, — ответил Искандер.

Он проверил тела остальных — живых в зале не было. Как уцелел Василь? Наверное, с двух сторон был прикрыт мебелью, так что ни пули, ни взрыв его не задел. Висельник успел перевязать себя и сейчас хромал в одних трусах. Ведь знал Василь, кого брат, боец Фангата не паниковал, не колебался, делал всё вовремя и как надо. Ты тоже, сказал Искандер себе, и пускай Василь катится к чёрту. С нартами хотел он Искандера оставить!

— Пошли, что покажу, — поманил его Висельник.

Гоша закатал рубашку одного из странного спутника Ковыля. На груди у того была татуировка — вздыбившийся конь. Казанское ханство. Спецназ. «Не должны были мы справиться», — подумал Искандер.

— Парни, нужно допросить Луизу, — слабо сказал Василь. — Висельник, я не смогу, придется вам. Ты изобразишь, что её пристрелить готов. Искандер, как тогда с Ковылем, контролируй Висельника.

Искандер кивнул. Это были драгоценные минуты после боя, когда захваченный противник в шоке и не сможет собраться. Искандер с трудом поднялся на второй этаж гостиницы. У него не осталось сил, но нужно было завершить дело.

В который раз он подумал, что у Василя нет плана. Но и не скажешь, что он действует

наобум. Но вот уже четвертый раз он увидел вживую, как Василь выбирался из передраг, где шансов-то и не было.

Висельник тем временем деловито проверил убитых, собрал оружие. Он наклонился над Кучей, неодобрительно покачав головой. Искандер слышал, что Гоша вышел на улицу и втащил тело Одноглазого в зал, ругаясь и проклиная того, что тот оставил его одного, и теперь только ему, Висельнику, всё разгрести. Он был зол, но Искандер чувствовал горе, и что боец не знал, как выразить эти эмоции, поэтому выражал их единственным способом — руганью и проклятиями.

Искандер не питал никаких иллюзий, что Луиза испугалась стрельбы. Что же планировал Василь? Спугнуть её? С такой-то охраной? Наверное, он и не планировал. Сейчас Искандер отчетливо видел это, дело было не в Луизе, законник хотел спровоцировать её встречающих, но ошибся в противнике.

Искандер отстегнул Луизу от кровати и потащил её вниз, нарочно ударяя об выступающие углы стен. Он посадил врача у стены, повернувшись к Висельнику.

— Убили, Айдара убили, — причитал тот над телом Кучи. Он повернулся к Луизе. — Это из-за тебя!

Как тогда в госпитале, Искандер схватил Висельника. Как и с Алёной, сил у него не хватило. Висельник отшвырнул Искандера, выхватил пистолет и выстрелил в Луизу, пуля ушла чуть выше головы. Луиза вздрогнула, но осталась неподвижной. Она очень спокойно посмотрела на Василя.

— Хватит. Переигрываете, — сказала она без следа эмоций. Она не мигая смотрела на Василя. — Развяжи руки, давай твою девчонку прооперирую, иначе не выживет.

Василь посмотрел на неё с минуту, потом на Висельника и Искандера.

— Не фартануло. Искандер, расстегни её.

— Рыпнешся, я с тебя живой кожу сдеру, — пообещал Висельник.

Он сказал это спокойно, но у Искандера не было и тени сомнения, что тот выполнит угрозу. Врач кивнула, Искандер снял с неё наручники. Луиза села, разминая руки, потом с ворчанием поднялась — Висельник и Искандер шли следом. Врач наклонилась над Алёной, приподняла бинты.

— Так, тащим её мне на кровать. Чище места тут не найти. Гоша, так же тебя? Принеси кипятка, на кухне должен быть.

Они занесли Алёну, аккуратно положив её на одноразовые простыни, которую успела расстелить Луиза. Василь медленно дотащился на второй этаж и упал в кресло.

— Она себе что-то вколола? — спросила Луиза, протерев руки спиртом и одев халат и маску.

— Морфий, — ответил Искандер, — два шприца из военной аптечки.

Сейчас он понял, насколько переживает за Алёну. После плена он был в ужасе, что Василь притащил девушку в город, но сейчас Искандер понял, что переживает, выживет ли она.

— Вот эти ребята, — сказала Луиза, — которые были с Ковылём, это группа Хан, батальон специального назначения Казанского Ханства. Их задача была вывезти меня в Казань.

Искандер переглянулся с Василем. Куча вряд ли понял, что он сумел завалить двух бойцов одного из самых лучших отрядов ханства.

— Ты тоже из Орды?

— Нет. Я из Перми. Сейчас это Уральская Республика. Искандер, помоги. Руки помой будешь держать зажим.

— Почему тогда?

— За идею, — она посмотрела поверх маски, — я была врачом в специальном хранилище биоматериала «Верхний Мир». Слышал о таком?

Василь кивнул.

— Это было хранилище для семян, — сказала она, — чтобы сохранить их для потомков. Ещё одно такое было в Норвегии. Там были все растения Земли и генный материал животных, который мы смогли сохранить до Зимы. Туда свозили бесценный архив, когда стало понятно, что наступит Зима. Мы должны были сохранить это, пока климат не восстановится. Вот только на третий год у дверей появились люди. Спасатели, чтобы их. У них были коды, они открыли Ковчег для шушеры, которой там было не место. Чиновники, министры. Нас было сто двадцать. Учёные, врачи. К нам заселили три сотни дикарей, обязав кормить их. Бесполезные люди... Когда из семян, которые осталось только в двух местах на всей планете, варят кашу... Ненавижу тех, кто ради себя готов был угробить будущее. Я ненавижу всех, кто был в этом виноват. Но особенно я ненавижу спасателей. Это была бы моя месть. За погибшее будущее...

Она словно смотрела в себя, в прошлое, когда рассказывала историю и её лицо исказила мука.

— Люций и Александера, дело в них?

Луиза кивнула.

— Да. Отец Александеры уничтожил нас, он же восстановил Сибай. Я хотела сжечь город, который он основал.

Искандер слушал диалог, чувствуя как внутри разгоралась ярость. Они были заложниками тех времен. Он знал эту историю, отец Александеры был из тех, кто привел каких-то чиновников в убежище, которое называли «Институтом». Что сотрудники не послушались спасателей, а потом и грохнули чужаков. Вот только, когда он задал вопрос об этом Василю, тот хмыкнул, что пришлые сделали всё для этого финала. Искандер всегда считал ту историю поучительной, занимательной, но совершенно далёкой от его жизни. Вот только сейчас эта история определяла его жизнь.

— Как казанские вышли на тебя?

— Да это я на них вышла. Когда был обмен пленными в начале войны, приехали уфимские с диверсантами Ханства. Меня попросили полечить их, чтобы они дожили до обмена. Я смогла переговорить с одним. Позже со мной связались.

Искандер промолчал. У него раскалывалась голова от мыслей. Сколько людей погибло в Сибее от голода, от плохого лечения! Всё из-за каких-то семян. Много лет он думал, что все разговоры про шпионов, диверсантов, были просто политикой, пропагандой перед выборами. В целом, об этом думали почти все в городе. Но если это правда? Если действительно все эти разговоры про диверсии и вредительство было правдой? Что, если она не одна такая?

— Какой у тебя был позывной? — продолжал допрос Василий.

— Клица.

Луиза не отпиралась. Её руки проворно делали своё дело, разговоры ей не мешали. Она вытащила из головы Алёны несколько дробинок.

— Почему решила уйти? — спросил Василь.

— Чёртов Люций, я и не думала, что он сумеет притащить тебя в город против воли Совета. Ты начал копать, потом начали и уфимские. Когда ты взял Плюху, я поняла, что счет идёт на дни. Когда паникующие народники сказали мне, что у тебя есть документы по поставкам лекарств в город, я поняла, что буду следующей. Тогда я и сбежала.

— Кто помог тебе подделывать документы?

— Карина, помощница коменданта.

— Ким, кто он такой?

— Работает на Казанских. Агент.

Василь сжал губы.

— Александра? Он тоже агент?

— Этот дурак? Нет, конечно. Ему нужны были деньги. Сначала он договорился с Плюхой. Они начали мухлевать с качеством руды и подделывать документы. Ему стало мало, он намекнул мне на возможность заработать, и мы начали подменять лекарства на просрочку, получая часть суммы от поставщика в Белорецке. Потом Карина предложила, что она может достать наркоту — это сразу увеличивало приток денег. Ничего, кроме бабок, его не интересовало.

— Чья была идея, чтобы навести работорговцев. Твоя?

— Нет, Марины, — фыркнула Луиза. — Она боялась за брата и думала, что ты тут из-за народников.

Голова Искандера гудела. Комендант, разумеется, будет счастлив. Вряд ли он тоже рассчитывал на такой результат, но это был успех. Александра, тому хана, даже делать с ним ничего не надо — дать поговорить Гильзе с Луизой и уфимский сам пристрелит Александеру. Луиза тем временем закончила убирать дробь и осколки дерева из раны и начала накладывать швы.

— Жить будет, — сказала она, — Законник, показывай твою голову.

Она обколола рану Василя обезболивающим и начала промывать её.

— Тебя уже допрашивали законники? Ты не была удивлена, — спросил Василь.

— Да. Дикари в убежище, они в итоге передохли. Экосистему убежища угробили и сами сдохли. Когда они погибли, нас допрашивали. Думала, расстреляют, но врачей было мало, и меня отправили в лагерь. Да и сейчас будет так же, всерьёз думаете, кто-то врача расстреливать будет?

Искандер чувствовал, как внутри поднимается ярость. Луиза была права, её не тронут.

— Искандер, посмотри, как там Висельник, — попросил Василь, — Он пошёл с жителями пообщаться, может, помощь нужна. Я сам тут посторожу.

Искандер снял халат и маску, вымыл руки. В голову звенело, и охранник чувствовал, что едва сдерживается, чтобы не упасть. Нужно было быстрее возвращаться. Город был под смертельной угрозой. Допросить, арестовать кто остался по цепочке. Карина, Ким, Александра. Наверняка Ильфат. Улик нет, но, если эту банду не остановить, они угробят город. Искандер представил лицо Кима, как он рукояткой пистолета выбьет тому зубы, и ощутил злую радость. А если Карина? Её тоже? Не сможет. Внезапно сибает понял, почему Василь окружал себя таким людьми, как Алёнчик и Висельник.

Искандер нашёл Гошу на улице. Тот уже перегнал нарты к корчме, проверяя упряжь и готовя их в дороге. Он вытащил тело одного из Казанских спецназовцев, уложив его на нарты.

— Ну и народец тут, сучье племя, — ругнулся он, — тут трое братьев хозяина корчмы

живёт. Каждый спросил, чья теперь корчма будет. Ну да и бог с ними, главное, что погибших похоронят. наших тоже, я заплатил... Да не смотри так!

Висельник подошёл к Искандеру, ткнув пальцем в набухшую кровью шапку.

— Что эту тетку не попросил, чтобы зашила?

Искандер покачал головой.

— Не могу с ней в одной комнате находиться. Боюсь, прибью.

Висельник хмыкнул и жестом показал охраннику сесть. Он сполоснул руки водкой, стянул с Искандера шапку. Боец присвистнул, потом без церемоний окатил рану спиртом, отчего Искандер взвыл.

— Не ори ты так, сейчас перевяжу, — злодейски расхохотался Гоша.

Искандер настороженно осматривал дома. В окнах иногда появлялись люди, но наружу выходить не рисковали.

— Ждут, пока мы свалим. Вот что я тебе скажу, не по доброте душевной она предложила Алёнку попользовать. Время тянет. Как бы нам не вляпаться ещё сильнее.

— И что, бросать Алёну? — взвился Искандер.

— Я этого не говорил, — ответил Гоша, перевязывая голову Искандеру. — Воевать заодно с теми, кто может раненого пристрелить и бросить? Правильно, что Василь её не бросил. Я тоже не бросал наших, как бы тяжело не было... Вот только Луизе нужно было несколько часов, и мы их дали. Я говорил с местными, тут по округе пара полных сотен ордынцев шляется, наверняка на стрельбу заглянут.

Если Висельник прав... Искандеру хотелось по радиации попросить о помощи, но они были слишком далеко к югу от города. Лишь внимание привлекут. Висельник пошёл наверх, в корчму, Искандер пошел следом. Живодерское лечение Висельника помогло, кровь перестала течь.

— Нужно уходить, — сказал Висельник Василию.

— Ни в коем случае! Сейчас её нужен покой, — сказала Луиза. — Давай твою руку, Искандер.

Висельник покачал головой.

— Нет, на это больше нет времени. Пора уходить.

Василь посмотрел на бойца, без споров кивнул. В который раз Искандер подумал, что он совершенно превратно думал о Василе. Хотя тот был и законник, белая кость, но легко подчинялся Висельнику, когда тот говорил о вещах, в которых разбирался лучше.

Искандер поднял Алёну, отнёс на свои нарты и тщательно укутал в шкуры, чтобы тряска не сильно тревожила её. Луизу усадили к Василию, крепко примотав верёвками к саням. Через полчаса, когда они выехали на равнину, Висельник заорал, показывая назад. Искандер оглянулся — по светлому снегу их нагоняла цепь упряжек.

Искандер гнал оленей, думая, что погоня беспокоит куда меньше, чем вопрос, что же произошло в Сибаве, пока их не было. Он думал, как же прошли выборы, и что же делать сейчас, когда к власти пришёл Хворост. Ещё он думал о Киме, тот очень быстро поднялся в иерархии энергетиков, и теперь с ним справиться будет куда сложнее. Зато с Кариной будет проще, вряд ли она усидела на тёплом месте. Ещё он думал о Иванке, каким будет её отношение к нему, если Ильфат потеряет власть? Но самое главное, он ехал домой, и он был жив. Он думал, неважно, кем он станет в этом новом Сибаве, он будет за него бороться...

Больше книг на сайте - Knigoed.net